

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 2 (71) — 2014

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»

---

*Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77–16955 от 9 января 2004 г.*

*Журнал включен ВАК РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (ред. от 19.02.2010 г.)*

Редакционная коллегия:

- О. А. Хасбулатова** (Ивановский государственный университет; *главный редактор*;
доктор исторических наук, профессор),
- С. Г. Айвазова** (Институт социологии РАН, г. Москва; доктор политических наук, главный научный сотрудник),
- В. Н. Егоров** (Ивановский государственный университет; доктор экономических наук, профессор),
- И. С. Клёцина** (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена;
доктор психологических наук, профессор),
- З. Х. Саралиева** (Нижегородский государственный исследовательский университет;
доктор исторических наук, профессор),
- Н. Л. Пушкарёва** (Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва; доктор исторических наук, профессор),
- Т. Б. Рябова** (Ивановский государственный университет; доктор социологических наук, профессор),
- Н. А. Шведова** (Институт США и Канады РАН; доктор политических наук, главный научный сотрудник),
- Н. Б. Гафизова** (Ивановский государственный университет; *ответственный секретарь*;
кандидат исторических наук, доцент),
- И. Н. Кодина** (Ивановский государственный университет; кандидат социологических наук,
старший преподаватель)

Адрес редакции:

153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Издательство «Ивановский государственный университет»

Тел./факс в Иваново: (4932) 41 75 79
E-mail: gafizovanb@mail.ru, kodina_inna@mail.ru, riabova2001@inbox.ru
Электронная копия журнала размещена на сайтах www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

Журнал высылается по предварительной заявке

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 41513

© «Женщина в российском обществе», 2014
© ФГБОУ ВПО «Ивановский
государственный университет», 2014

WOMEN IN RUSSIAN SOCIETY

Russian Scholarly Journal

№ 2 (71) — 2014

Russian Ministry of Education and Sciences
Ivanovo State University

---

*The journal is registered in the Federal Service for the Control over the Observation of Laws
on Mass Communications and for the Preservation of Cultural Heritage
Registration License PI № 77–16955 on January 9, 2004*

*The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations (issued on 19/02/2010)*

Editorial Board:

Prof. **O. A. Khazbulatova**, Dr. Sc. History (*Editor-in-chief*, Ivanovo State University),

S. G. Aivazova, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher

(Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow),

Prof. **V. N. Egorov**, Dr. Sc. Economics (Ivanovo State University),

Prof. **I. S. Kletsina**, Dr. Sc. Psychology (Russian State Pedagogic University, St. Petersburg),

Prof. **Z. H. Saralieva**, Dr. Sc. History (Nizhniy Novgorod State Research University),

Prof. **N. L. Pushkareva**, Dr. Sc. History (Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences),

Prof. **T. B. Ryabova**, Dr. Sc. Sociology (Ivanovo State University),

N. A. Shvedova, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher (Institute of USA and Canada Studies
of Russian Academy of Sciences),

Assoc. Prof. **N. B. Gafizova** (Ivanovo State University),

I. N. Kodina (Ivanovo State University)

Editorial Office Address:

153025 Ivanovo, Ermak str., 39

Publishing House «Ivanovo State University»

Tel./Fax: (4932) 41 75 79

E-mail: gafizovanb@mail.ru, kodina_inna@mail.ru, riabova2001@inbox.ru

The e-copy of the issue can be accessed at www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

The issues may be sent by the preliminary request
Subscription index in catalogue «Press of RF» 41513

ПРОБЛЕМЫ ЖЕНСКОЙ И ГЕНДЕРНОЙ ИСТОРИИ

ББК 63.3(2)521.1-283.4

В. М. Марасанова, И. Ф. Албегова, И. Г. Мельникова

СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ ГУБЕРНСКОГО ЧИНОВНИЧЕСТВА В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Исследование жизни губернского чиновничества Российской империи в настоящее время ведется весьма активно [17, 18, 20, 21]. Однако оно не будет полным без изучения семейного состояния чиновников, поскольку на выполнение должностных обязанностей большое влияние оказывала социально-бытовая и психологическая атмосфера в семье. Неслучайно правительство уделяло внимание этой стороне жизни служащих государственного аппарата управления. Считалось, что женатый человек «благонадежнее» [13, с. 187]. В Российской империи во всех слоях общества ценность семьи признавалась абсолютной [12, с. 435]. Жизнь без супружества традиционно считалась безнравственной. Брачно-семейные отношения регулировались большим числом законодательных актов. В Своде законов Российской империи они составили первую часть тома X — «О правах и обязанностях семейственных».

Взаимоотношения в чиновничьих семьях зависели от разных факторов: характеров супругов, их возраста, имущественного положения и др. Женщины в начале XIX в. обладали правом владения и самостоятельного распоряжения имуществом, что формировало некоторые предпосылки независимого поведения жен по отношению к своим мужьям. Сформированный десятилетиями стереотип, что женщина не имела реальных прав и «находилась под произволом мужчины», сегодня ставится под сомнение многими исследователями, занимающимися изучением социальной и гендерной истории [6, 19, 22].

Гендерный подход помогает анализу социально-исторических явлений, в том числе связанных с семейной жизнью чиновничества. Брак и семья в гендерном аспекте требуют многомерного подхода, а не просто вписывания женщин в уже известные социальные практики.

В ходе исследования изучались формулярные списки чиновников губерний Верхнего Поволжья — Владимирской, Костромской, Тверской и Ярославской (в рамках современного административно-территориального деления к

одноименным областям добавилась пятая — Ивановская). Всего было изучено 1526 формулярных списков за первую четверть XIX столетия, хранящихся в Российском государственном историческом архиве и государственных архивах областей Верхнего Поволжья.

В формулярные списки чиновников должны были заноситься данные об их семейном положении в. Однако эта графа была заполнена во всех послужных списках только в Костромской и Владимирской губерниях. По Ярославской губернии отсутствуют сведения о семейном положении у 80 чиновников (19 %), по Тверской губернии — у 64 (14 %). Анализ формуляров позволяет определить следующее: состоит чиновник в браке или нет, социальное происхождение жены, наличие детей, их возраст. При изучении семейного положения использовалось деление всех губернских чиновников на группы: холостых, женатых (состоявших в первом и втором браках), вдовцов. При исследовании наличия детей в семьях применялись следующие критерии: отсутствие детей, наличие только сыновей, наличие сыновей и дочерей, наличие только дочерей.

При заполнении списков в графе о детях основное внимание уделялось наличию в чиновничьей семье мальчиков, часто встречалась запись: «Детей мужеска пола не имеет». Сын считался «надеждой рода», а про дочерей говорили: «Что в них толку! Ведь они глядят не в дом, а из дому. Сегодня Багровы, а завтра Шлыгины, Малыгины...» [1, с. 24].

Анализ формулярных списков показал, что в первой четверти XIX в. коронные чиновники Ярославской губернии, вступавшие в брак единожды, составляли большинство — 90 чел. (58 %), а количество чиновников, вступивших в брак повторно, было минимальным — 2 (1 %). Чиновники-вдовцы составляли 4 чел. (3 %), холостые — 20 чел. (13 %). Доля чиновников, имевших детей, достигала 43 %, из них 49 % приходилось на служащих, у которых зафиксированы только сыновья. Не имели детей 27 чел. (28 %). Следует отметить, что это в подавляющем большинстве были молодые чиновники, по-видимому недавно создавшие семью.

Среди чиновников, служивших по выборам дворянства, доля женатых единожды составляла 65 %, что на 7 % выше, чем у коронных чиновников. Удельный вес вторично вступивших в брак был также минимален — 1 чел. (1 %). Доля вдовцов оказалась выше — 5 %, т. к. в выборной службе принимали участие отставные военные и чиновники, т. е. люди в возрасте. Данные о семейном положении отсутствовали у 7 чел. (8 %). Удельный вес чиновников, имевших детей, составлял 36 % (30 чел.), что на 7 % ниже данного показателя у чиновников при должностях. Удельный вес учтенных семей с сыновьями в этой группе составил 25 %, примерно равное количество чиновников имели в своих семьях только дочерей (14 %) или сыновей и дочерей (12 %).

В среде канцелярских служащих Ярославской губернии удельный вес чиновников, вступивших в брак единожды, оказался самым низким по сравнению с предыдущими группами — 46 % (79 чел.), причем не было чиновников, вступивших в брак вторично. У 34 чел. (20 %) отсутствовали данные о семейном положении. Доля вдовцов вновь оказалась минимальной — 1 чел. (1 %). Данная категория служащих являлась самой молодой по среднему возрасту, поскольку она находилась на начальной ступени государственной службы. По-

этому и доля холостых чиновников здесь была выше, чем у коронных служащих и выборных, и составляла 57 чел. (33 %). Соответственно и доля чиновников, имевших детей, здесь оказалась ниже — 44 чел. (26 %), а не имевших их — выше, 35 чел. (44 %). Однако общая тенденция та же: зафиксировано больше чиновников, имевших только сыновей, — 29 чел. (36 %) [23].

Итак, во Владимирской, Тверской и Ярославской губерниях во всех рассмотренных группах преобладали чиновники, единожды вступавшие в брак и в формулярных списках фиксировалось преимущественно наличие сыновей. В Костромской губернии вообще отсутствовали чиновники с повторным браком: у выборных преобладало число служащих, имевших сыновей и дочерей (31 %), а у коронных — равные доли (по 29 %) приходились на чиновников, не имевших детей, чиновников с одними сыновьями и с одними дочерьми [2, л. 1—125]. Было обнаружено всего 4 случая (1 — в Тверской и 3 — во Владимирской губернии), когда служащие женились не на девицах, а на вдовах, имевших детей от первого брака [23, л. 242, 255].

В начале XIX в. возраст вступления в брак мог быть ранний и «детские браки никого не удивляли» [15, с. 39]. Чиновник считался неплохой партией для девушки. Даже первый классный чин давал дворянство, пусть и личное, была возможность дослужиться до VIII класса и получить потомственное дворянство, также гарантировалась стабильность получения ежемесячного жалования, имелись привилегии, связанные с должностью. Чиновнику полагался мундир, может, не такой красивый, как военный, однако статусный; в перспективе за выслугу положенных лет — «пенсион».

Чины чиновников распространялись и на женщин — жен и дочерей. «Замужние жены поступают в рангах по чинам мужей их, и когда они тому противно поступают, то имеют они штраф заплатить такой же, как бы должен был платить муж за свое преступление» [24, с. 62]. Ранги дочерей менялись с их замужеством, сыновья же должны были сами приобретать себе чины службой, начиная с низших должностей. Право на уважение распределялось по чинам. В реальном быту это проявлялось в установленных формах обращения к особам разных чинов в соответствии с их классами [14, с. 29].

И. А. Крылов так описывал раздумья невесты:

Ну как ей выбирать из этих женихов?
Тот не в чинах, другой без орденов;
А тот бы и в чинах, да жаль, карманы пусты...
[11, с. 14]

Женами чиновников, как правило, становились девицы из привилегированных сословий. Анализ представленных в таблице данных показывает, что большая часть жен чиновников были из обер-офицерских детей — 3 чел. (38 %). Равные браки по происхождению были у вышневолоцких уездного землемера (из дворян — из дворян), полицмейстера (из дворян — дочь штаб-офицера), частных приставов (из вольноопределяющихся — дочь канцелярского служащего и из обер-офицерских детей — дочь поручика), т. е. у 4 чел. (50 %). Губернский землемер (из приказных) благодаря службе получил чин коллежского асессора и вместе с ним потомственное дворянство, так что в этом

случае повезло его жене, происходившей из обер-офицерских детей. Кашинский уездный землемер из унтер-офицерских детей по службе достиг личного дворянства и сравнялся со статусом своей жены (из семьи обер-офицера). Итак, выгода от брака с чиновником могла быть обоюдной.

**Социальный состав семей чиновников Тверской губернии за 1808 г.
(по должности и происхождению) [3, л. 149—156, 169—177]**

Должность	Муж		Жена
	Класс чина	Социальное происхождение	
Губернский землемер	VIII	Из приказных	Из обер-офицерских детей
Вышневолоцкий уездный землемер	IX	Из дворян	Из дворян
Кашинский уездный землемер	XII	Из унтер-офицерских детей	Из обер-офицерских детей
Ржевский уездный землемер	XII	Из дворян	Из обер-офицерских детей
Полицмейстер	VI	Из дворян	Из штаб-офицерских детей
Частный пристав	IX	Из вольноопределяющихся	Из семьи канцелярского служащего
Частный пристав	IX	Из обер-офицерских детей	Из семьи поручика
Квартальный надзиратель	XII	Из священниковских детей	Из священниковских детей

А. И. Куприянов справедливо отмечает традиционность представлений провинциального чиновничества о счастливом браке, немислимом без создания прочной материальной базы для обеспечения независимости семьи [12, с. 459]. Например, В. Н. Геттун в 36-летнем возрасте посватался только после того, как выстроил деревянный дом с каменной кухней, сам насадил сад, «завел экипаж» [7, с. 475—476]. Причем посватался «не на одной склонности» (влюбился в 17-летнюю девицу), но и «на рассудке», ибо ее старшие сестры жили со своими мужьями хорошо, за ними давали приличное приданое.

В записках И. И. Мешкова, чиновника Саратовской и Пензенской губерний, сообщается о способах знакомства чиновников со своими будущими супругами — «при посредничестве коллег по службе, родственников» [8, с. 220].

Взаимоотношения в чиновничьих семьях складывались по-разному. В фонде канцелярии ярославского губернатора обнаружено дело по жалобе ростовского помещика губернского секретаря И. Голикова «о непорядочном поведении его жены». Уездный предводитель дворянства П. Никифоров представлял «на благорасположение» губернатора прошение И. Голикова, жена которого («развратного поведения») довела до разорения свое имение, что подтверждали соседи и проведенное совместно с земским исправником расследование [4, л. 1—14]. Хотя, естественно, данный источник показывает мнение только одной стороны.

Встречались случаи, когда жена была фактически главой семьи. Так, Н. П. Макаров писал о чухломском стряпчем, «страстном любителе, виртуозе

взяточничества», жена которого не просто любила взятки, а была «возбудительницей, наставницей, руководительницей и поощрительницей» своего мужа. Она давала мужу подробные инструкции «как действовать, чтобы побольше зацепить красненьких и, в особенности, беленьких» [15, с. 43]. Подобный пример отразил В. В. Капнист в комедии «Ябеда» в образе жены судьи Феклы Кривосудовой, которая говорила, что не хуже мужа знает дело: «Ведь что, где, как принять, забота лишь моя» [10, с. 121].

Главенство жены в семье показано в мемуарах Н. П. Макарова и на примере Е. М. Шиповой, которую прозвали «чухломской султаншей», поскольку ее «всемогущество» простиралось далеко за пределы семьи [15, с. 21—22]. Муж Е. М. Шиповой получил губернаторскую должность после того, как по ее жалобе был смещен с должности прежний губернатор. Генерал-лейтенант В. Д. Кренке писал о своей матери, что она «всю семью, начиная от отца, держала в ежовых рукавицах» [9, с. 110].

Конечно, чаще встречались прямо противоположные примеры, когда женщина беспрекословно подчинялась мужу и не имела права голоса. Например, в источниках отмечалось, что жена солигаличского квартального надзирателя А. А. Рыжова — женщина «верная и покорная». Обращался с ней муж просто и своеобразно: он ей говорил «ты», звал «баба», а она к нему обращалась по имени-отчеству и на «вы». Она ему служила, он был ее господин. Когда он с ней заговаривал, она отвечала, когда он молчал, «не смела спрашивать». Любовь в их отношениях не проявлялась, но она была ему верна и боялась, как «лица, поставленного над ней законом божеским и имеющим на нее божественное право» [13, с. 188—189].

Интересными для понимания роли женщины в семье стали мемуары А. А. Малышева [16]. После смерти его отца мать осталась с двенадцатью сыновьями. Будучи выпускницей Смольного института, она понимала важность образования и, обращаясь с просьбами к ответственным лицам, пристроила младших сыновей в учебные заведения за казенный счет. И. Р. Тимченко также писал, что его мать, оставшись после смерти мужа, бывшего секретаря уездного суда в Харьковской губернии, «при ее ограниченных средствах», «на удивление всем» мастерски вела свои дела, умудрялась быть хлебосольной хозяйкой («лучшая хозяйка уезда») [26]. Все одиннадцать детей были сыты, одеты, всем она смогла дать образование.

К вопросу о повседневной жизни семей губернских и уездных чиновников в первой четверти XIX в. исследователи подходят неоднозначно. Некоторые считают, что жизнь в провинции была подобна болоту («провинциальная плесень»). Однако есть и другие свидетельства [25, с. 95].

А. Забелин писал, что «высшее общество» Данилова, состоявшее из служащих помещиков и чиновников, «замечательно по своей трезвости и любви к чтению. Эти два качества не в каждом и губернском городе можно встретить, не только что в уездном». Здесь выписывали журналы и газеты «Московские ведомости», «С.-Петербургские ведомости», «Сын Отечества», «Час досуга», «Русский инвалид», «Гирлянда», «Экономический указатель», «Педагогический вестник» (всего 53 экземпляра). По вечерам мужчины большей частью не играли в карты и закусывали, как это делалось почти везде, а «занимались раз-

говором» и чтением; дамы и девицы танцевали под звуки фортепиано, занимались рукоделием, музыкой, пением и тоже читали, предпочитая «легкое» чтение. Однако в итоге А. Забелин признавал, что мелкое чиновничество жило «бедно, грязно, жалко» [5, с. 894].

Н. П. Макаров отмечал, что у костромских дворян умственное образование находилось «на самой низкой ступени», «ум, образование и таланты тогда не ценились, не ставились ни во что, а ценились одни известной степени чины, известное количество декораций на груди и на шее и, наконец, известные цифры ревизских душ, родовых или благоприобретенных, все равно» [15, с. 7, 14—15]. Мужчины не читали, во всем Чухломском уезде несколько помещиков выписывали «Московские ведомости», но читали в них только указы, да и то короткие, «длинные не могли осилить», а время в основном проводили на псовой охоте.

Таким образом, большая часть чиновников Верхнего Поволжья в брак вступала единожды. В большинстве семей жены беспрекословно подчинялись мужьям; встречались, однако, и прямо противоположные случаи. Женщины традиционно занимали подчиненное место в иерархии, основанной на мужском доминировании. Они проигрывали и до сих пор проигрывают мужчинам в тех сферах, которые признавались обществом маркерами успеха (политика, управление, военное дело и др.). Вместе с тем женщины всегда выполняли важную роль в приватной сфере (семья, воспитание детей, помощь ближнему). Изученные региональные материалы показали зависимость брачности и размера семьи от материального достатка, а также позволили выявить основные черты семейной жизни губернского чиновничества в первой четверти XIX столетия.

Библиографический список

1. Аксаков С. Т. Избранные сочинения. М. : Современник, 1984. 572 с.
2. Государственный архив Костромской области. Ф. 133. (Канцелярия костромского губернатора). Оп. 1. Т. 2. Д. 2626.
3. Государственный архив Тверской области. Ф. 466. (Тверское губернское правление). Оп. 2. Д. 2094.
4. Государственный архив Ярославской области. Ф. 73. (Канцелярия Ярославского губернатора). Оп. 1. Д. 680.
5. Забелин А. Очерк жизни Даниловского уезда // Экономический указатель. 1858. Вып. 59. С. 889—894.
6. Занегина Н. В. Особенности отношений мужа и жены в дворянских семьях России конца XVIII — первой половины XIX в. : (на материалах Тверской губернии) // Род и семья в контексте тверской истории : сб. науч. ст. Тверь : Книжный клуб, 2005.
7. Записки В. Н. Гегтуна, 1771—1815 // Исторический вестн. 1880. № 3. С. 473—504.
8. Записки И. И. Мешкова, 1767—1832 гг. // Русский архив. М., 1905. Кн. 2. С. 177—242.
9. Кадетский быт 20—30-х годов : (из воспоминаний генерал-лейтенанта В. Д. Кренке) // Исторический вестн. 1882. Апрель. С. 110—126.
10. Капнист В. В. Сочинения. СПб. : Изд. А. Смирдина, 1849. 638 с.
11. Крылов И. А. Басни. М. : АСТ, 2002. 316 с.
12. Курприянов А. И. Городская культура русской провинции, конец XVIII — первая половина XIX века. М. : Новый хронограф, 2007. 480 с.
13. Лесков Н. С. Очарованный странник. М. : Мол. гвардия, 1981. 447 с.

14. *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре : быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX в.). СПб. : Искусство-СПб., 1994. 399 с.
15. *Макаров Н. П.* Мои 70 лет : воспоминания. СПб., 1881. Ч. 1. 195 с.
16. *Мальшев А. А.* Из воспоминаний, 1830—1836 гг. // Исторический вестн. 1885. Июнь. С. 645—664.
17. *Марасанова В. М.* Чиновничество верхневолжских губерний в последней четверти XVIII века: численность и состав // Вестн. Яросл. гос. ун-та им. П. Г. Демидова. Сер.: Гуманитарные науки. 2008. № 5. С. 13—17.
18. *Марасанова В. М.* Социальная характеристика губернского чиновничества пореформенной эпохи : (на ярославских материалах) // Вестн. Яросл. гос. ун-та им. П. Г. Демидова. Сер.: Гуманитарные науки. 2009. № 4. С. 3—7.
19. *Марасанова В. М., Албегова И. Ф., Шаматонова Г. Л.* Исторические традиции женской благотворительности в России : (на примере семей губернаторов Верхнего Поволжья) // Женщина в российском обществе. 2012. № 1. С. 26—37.
20. *Мельникова И. Г.* Чиновничество губерний Верхнего Поволжья в первой четверти XIX века // Науч. ведомости Белгор. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Экономика. Информатика. 2009. № 7 (62), вып. 10. С. 136—142.
21. *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XIX). СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. Т. 2. 547 с.
22. *Пушкарёва Л. Н.* «Дерзкие и беспокойные» : («женская история» России 1801—1905 гг.: формы социальной активности) // Отеч. история. 2002. № 6. С. 52—66.
23. Российский государственный исторический архив. Ф. 1349. Формулярные списки чинов гражданского ведомства. Оп. 4. Д. 196.
24. Российское законодательство X—XX вв. : в 9 т. М. : Юрид. лит., 1986. Т. 4 : Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А. Г. Маньков. 512 с.
25. *Рябинин Д. Д.* Воспоминания о Н. Д. Мизко // Исторический вестн. 1882. № 10. С. 83—108.
26. *Тимченко И. Р.* Из воспоминаний о прожитом // Исторический вестн. 1885. Май. С. 332—354.

ББК 63.3(2)53-284.3

К. Е. Балдин

РОЛЬ ЖЕНЩИН В ФОРМИРОВАНИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ В НАЧАЛЕ XX в. (На примере г. Иваново-Вознесенска)

В начале XX в. в России происходил процесс постепенного формирования элементов гражданского общества. Его субъектами выступали те, кого уже тогда стали называть общественниками, а также неполитические и некоммерческие объединения, которые особенно активно стали возникать после революции 1905—1907 гг. В этот процесс деятельно включилась провинция, до февраля 1917 г.

в безудном городе Иваново-Вознесенске были открыты 54 общественные организации — вспомогательные, просветительные, здравоохранительные, развлекательные, спортивные, а также занимавшиеся нравственным и эстетическим воспитанием. Будучи созданными мужчинами, они со временем стали включать все больше женщин, которые играли все более значительную роль в их финансировании и повседневной деятельности. Это были представительницы фабрикантской корпорации, интеллигенции, жены фабричных служащих.

Существует довольно стойкое убеждение в том, что у дореволюционной российской благотворительности было женское лицо. Действительно, значительная часть разовых и «неорганизованных» пожертвований исходила от женщин, в многочисленных благотворительных объединениях очень часто они также играли главную роль. Но так было не везде и не всегда. Иваново-Вознесенское благотворительное общество, возникшее в 1877 г., первые 25 лет своего существования было в значительной степени мужским, это касалось состава его правления, а также как почетных, так и рядовых членов. В конце же XIX в. женщины зримо присутствовали в нем. Почетными членами этой организации являлись М. А. Гарелина и Н. Х. Бурылина, ежегодно жертвовавшие в ее кассу по несколько сотен рублей [4, ф. 4, оп. 1, д. 294, л. 2—3; 12, с. 16—17].

До конца XIX в. основная деятельность местных благотворителей сводилась к раздаче пособий нуждавшимся. Затем у общества появились свои небольшие заведения, которые в дореволюционной России традиционно назывались богоугодными. В 1897 г. открылась богадельня, где нашли кров и пищу 22 человека. Попечительницей ее стала супруга иваново-вознесенского полицмейстера Е. К. Кожеловского. На этом примере хорошо видно, что общественные организации ненавязчиво привлекали к своей деятельности если не самих представителей администрации, то их жен. Делалось это для того, чтобы власти не только не мешали работать общественным объединениям, но и содействовали им с помощью своего административного ресурса. Одной из богатых покровительниц богадельни была жена фабриканта А. Г. Фокина. Она регулярно снабжала ее мукой, гречей, пшеном и другими продуктами [13, с. 6, 39].

Одновременно с богадельней благотворительное общество обзавелось своим детским учреждением. М. В. Полушина — жена еще одного текстильного фабриканта — решила устроить для детей рабочих «дневной приют», т. е. ясли. На обустройство их пожертвовали деньги другие состоятельные дамы — М. И. Удина, А. С. Смолякова. Ясли открылись в 1897 г., их посещали всего два-три десятка детей, которых здесь кормили и занимали играми. Хозяйством и «педагогической частью» яслей заведовала сама Мария Васильевна Полушина, но полностью содержать их было для нее затратно. Поэтому на нужды яслей отпускали средства другие дамы-благотворительницы: М. А. Гарелина, Н. Х. Бурылина; среди жертвователей упоминаются также Саша Гарелин (10 руб.), Нюра Гарелина (8 руб.). Как видно, их мать — Мария Александровна — рано начала приучать сына и дочь к попечению о неимущих [4, ф. 4, оп. 1, д. 669, л. 20—21; 12, с. 16—17].

Всю историю благотворительного общества в Иваново-Вознесенске можно разделить на два периода. Первый — до 1907 г., когда организация неспешно продвигалась вперед по пути общественной деятельности, и второй — с

1907 г., когда оно резко активизировалось и одновременно расширило сферу своего действия. Этот рубеж связан с тем, что в упомянутом году произошло объединение двух организаций — благотворительного общества и так называемого дамского кружка.

Последний возник в начале 1904 г. в связи с Русско-японской войной. Члены кружка — жены фабрикантов и других состоятельных людей — занялись снабжением и обшиванием двух санитарных отрядов, один из которых формировался в Иваново-Вознесенске, а другой находился на Дальнем Востоке. Затем кружок пришел на помощь семьям мобилизованных солдат, выдавая им ежемесячные пособия, и открыл бесплатную столовую, в которой кормили безработных и бедняков.

С окончанием войны кружок должен был закрыться. Но дамы, как видно, вошли во вкус общественной деятельности. У кружка не было официально утвержденного устава, поэтому ему нужно было легализоваться. В феврале 1907 г. состоялось совместное собрание кружка и благотворительного общества. На нем было решено объединиться под вывеской последнего. В жизни благотворительного общества начался новый этап [6, с. 3—4].

Было выбрано новое правление, председательницей его стала М. А. Гарелина. Большинство членов этого органа составляли дамы из кружка, жены фабрикантов — Е. В. Зубкова, З. А. Гандурина, К. П. Гандурина, А. Р. Гандурина, А. А. Бурылина, А. К. Гарелина, а также не принадлежавшие к местному деловому миру О. А. Автономова, А. Ф. Волкова, М. А. Куницкая, А. С. Цалкина. Благотворительность в Иваново-Вознесенске в 1907 г. наконец обрела свое ярко выраженное женское лицо [6, с. 4].

Новые руководительницы общества свою главную задачу видели в том, чтобы организовать призрение детей, причем не только тех, которые были круглыми сиротами, но и тех, чьи родители были живы. Эти дети, отцы и матери которых трудись на фабриках, с утра до вечера были предоставлены самим себе.

Благотворительное общество стало открывать детские ясли в рабочих районах. Всего организация располагала к 1917 г. пятью такими детскими учреждениями. В эту структуру вошли и ясли, созданные М. В. Полушиной в конце 1890-х гг., она продолжала заботиться о них и сама находила для них средства. Благотворительное общество утверждало для яслей попечительниц, об этих детских учреждениях заботились исключительно женщины-активистки. Так, в 1910 г. попечительницей яслей, носивших номер первый, была А. М. Сыромятникова, второй — А. Г. Любимова, третий — А. С. Собинова, четвертый — М. В. Полушина, пятый — М. Е. Петерсон. В обязанности попечительницы входила забота о снабжении детей самым необходимым, организация игр и даже обучение призреваемых. Дело заключалось в том, что яслями тогда назывались заведения, в которые принимали детей от 1 года и до... 13—14 лет [9, с. 9].

Самые маленькие дети получали в яслях хороший уход, здесь для них были специальные отделения, называвшиеся колыбельными. Ребята постарше (от 3 до 6 лет) были заняты разнообразными играми. Если дети школьного возраста (старше 7—8 лет) по разным причинам не попадали в школу, то обучались грамоте прямо в яслях. Сюда приходили для этого учителя местных начальных училищ.

Уже в 1907 г., когда благотворительное общество вплотную взялось за организацию яслей, люди стали приводить сюда круглых сирот. Их родители умерли, и взявшие детей соседи не знали, что делать с лишними ртами. Одна из дам — членов общества — рассказывала на заседании правления о том, как умиравшая женщина-работница, которую благотворительница посещала в больнице, умоляла не оставить ее детей. Все это заставило М. А. Гарелину и ее единомышленниц позаботиться об открытии приюта для сирот. Для него в сентябре 1907 г. было отведено небольшое помещение флигеля при яслях № 1 в рабочем местечке Ямы. По всем гигиеническим нормам здесь могли поместиться лишь 5 человек, но к концу 1907 г. в приюте было уже 13 детей, и никому из них нельзя было отказать, т. к. им просто некуда было идти [6, с. 6].

В 1910 г. для приюта было построено отдельное помещение. В 1908 г. в нем насчитывалось уже около двух десятков воспитанников, в 1913 г. их было более 50. Попечение над приютом взяла на себя сначала К. П. Гандурина, а затем, в 1909 г., ее сменила Е. В. Зубкова. Для того чтобы обеспечить сирот молоком, благотворительное общество купило приюту корову. Многие дети проводили в приюте по несколько лет, пока не достигали трудоспособного возраста. Две шестнадцатилетние девушки — Анна Лебедева и Федора Герасимова — остались в этом заведении в качестве служащих [7, с. 6; 10, с. 66].

Вскоре возникла идея создать для девочек нечто вроде профессионального училища. Некоторые из них уже с 11 лет нанимались няньками к детям в небогатые семьи, иногда они работали только за еду. В то же время во многих довольно состоятельных семействах была нужда в подготовленной прислуге. Девушки, которые поступали на эти должности, не умели ни готовить как следует, ни накрыть на стол, ни прибраться в доме. В августе 1911 г. благотворительное общество открыло для девочек кулинарную школу, находившуюся рядом с детским приютом. В. В. Полушина купила всю обстановку и оборудование для кухни за свой счет. Активно участвовала в устройстве школы и М. К. Штробиндер — жена крупного коммерсанта. Попечителями школы в разное время были Ю. И. Козлова, П. В. Лебедева, А. М. Сыромятникова, Е. В. Полушина и другие дамы. Кулинарная школа давала разнообразные знания, а главное — умения и навыки. Девочек учили не только готовить и подавать на стол, но и гладить, шить на машинке, убирать дом [17, 1911, 4 авг.; 9, с. 6—7, 9, 27, 84].

Особенно много забот появилось у общества в годы Первой мировой войны. В городе в августе 1914 г. начали открываться госпитали для раненых. Благотворительная организация решила взять на себя снабжение лазаретов носильным и постельным бельем. Дамы-благотворительницы во главе с М. Н. Остроумовой и Е. Ф. Котоминой совершенно безвозмездно выступили в роли закройщиц. Раскроенное белье выдавали женщинам-солдаткам, чьи мужья ушли на фронт. Они шили белье и получали за это определенную плату. Кое-как сшитые вещи возвращали обратно. Это в конечном итоге пошло на пользу солдаткам, по их словам, им и заработок дали, и шить научили [11, с. 7].

Активно участвовали женщины в деятельности организаций, занимавшихся здравоохранением. Самым массовым обществом такого профиля стал в Иваново-Вознесенске отдел Всероссийской лиги для борьбы с туберкулезом.

Сама лига возникла в 1909 г., а ее отдел в городе открылся в 1911 г. Врачи, основавшие его, вскоре открыли специальную амбулаторию, проводили обследование тех слоев населения, которые находились в группе риска, вели санитарную пропаганду среди населения [1, с. 1].

В рамках этой пропагандистской кампании в Иваново-Вознесенске побывала передвижная выставка, устроенная Всероссийской лигой и путешествовавшая по многим городам страны. Она заняла два больших зала в Общественном собрании. Экспозиция, работавшая в марте 1913 г., популярно разъясняла сущность болезни, методы ее лечения и меры предосторожности. Организационную работу, связанную с устройством выставки, в значительной степени выполняли женщины. Жены врачей — активистов отдела Л. П. Красовская, М. Н. Францова, Н. Н. Софронова украсили помещения флагами, живыми и искусственными цветами, тканями и хвойными ветками. Они же работали дежурными в залах выставки. Одновременно любопытствующих водили по экспозиции местные врачи А. П. Доспехова и Е. А. Соколова. За пять дней работы выставку посетили более 3 тыс. человек — небывалый успех для провинциального города. Из них рабочих было 888, ремесленников — 440, неожиданно высокий интерес проявили к выставке домохозяйки — 472 человека [2, с. 8—9; 5, 1913, 27 марта].

Хотя отдел лиги не был самой богатой организацией в городе, но в Иваново-Вознесенске он был известен лучше многих других обществ благодаря массовым мероприятиям, которые надолго становились главной темой городских новостей. Это были «Дни белой ромашки», названные так по белому цветку, ставшему символом борьбы с туберкулезом. Главной целью таких мероприятий в «царстве ситца и чахотки» стал сбор средств на строительство пульмонологического санатория. Дни «белой ромашки» проводились в городе весной с 1912 по 1916 г.

Накануне каждого праздника создавался оргкомитет, который традиционно возглавляла супруга известного фабриканта и мецената Д. Г. Бурьлина — Анна Александровна. Весь город разбивался на участки, их было более двадцати. Намечались общественники, которые будут распространять белые цветы и собирать пожертвования на определенных для них участках. Одновременно шло изготовление искусственных (бумажных) ромашек, чем занимались в основном женщины [3, ф. 14, оп. 4, д. 4150, л. 1].

В проведении праздника ежегодно участвовало около 500 человек, почти 300 из них распространяли цветы и собирали пожертвования. Большую часть этой армии общественников также составляли женщины. Участками, в каждом из которых насчитывалось в среднем около десятка сборщиков, руководили Мария Александровна и Александра Кузьминична Гарелины — жены текстильных фабрикантов, О. А. Можевитина и В. Г. Иванова — жены врачей, М. И. Сабурова — супруга полицейского надзирателя. Не считали для себя унизительным ходить по улицам с кружками, работая простыми сборщиками пожертвований, дочери фабриканта Ксения и Милица Бурьлины. Сборщиками трудились также учительницы А. М. Касаткина и А. Е. Фортунатова, сестры милосердия из местной больницы Л. А. Кожевникова и П. Д. Малахова и многие другие. В 1912 г. было собрано 11 157 руб., в 1913 г. — 6 218 руб.,

1914 г. — 7 093 руб. В дальнейшем вместе с единовременными пожертвованиями местных фабрикантов эти средства были использованы для строительства туберкулезного стационара рядом с городом в местечке Горино [4, ф. 4, оп. 1, д. 1241, л. 86—88; 17, 1914, 13 апр., 23 мая].

Одновременно с отделом противотуберкулезной лиги в Иваново-Вознесенске работало медицинское общество, объединявшее врачей. В это время происходила постепенная феминизация медицинской профессии, в городе появились врачи-женщины, которые активно, наряду с мужчинами, принимали участие в общественной жизни. Однако, как это ни странно, в списке общества врачей, относившемся к 1913 г., нельзя встретить ни одной женской фамилии. Разгадку этого неприятия женщинами профессиональной организации можно найти в ее уставе. В соответствии с параграфом пятым документа женщины могли вступать в члены общества, но не имели права быть избранными в его руководящие органы [18, с. 5]. Как нам представляется, местные женщины-врачи не вступали в общество в знак протеста против гендерной дискриминации, которая наблюдалась в этой организации. Устав был принят еще в 1901 г., т. е. до первой российской революции, но мужчины почему-то, даже в условиях последовавшего затем общественного подъема, забыли отменить этот параграф, имевший отчетливый привкус обскурантизма.

В этом отношении гораздо дальше врачебной корпорации пошло общество фельдшеров, возникшее в Иваново-Вознесенске в 1913 г. В нем гендерной дискриминации не было: в состав правления этого объединения была избрана Н. Н. Дваинская, а в ревизионную комиссию — фельдшер А. Г. Касаткина с фабрики Н. М. Полушина [4, ф. 4, оп. 1, д. 377, л. 27, 32].

Женщины просто не могли не принять самое активное участие в деятельности общества трезвости, которое возникло в Иваново-Вознесенске в 1897 г. На первом организационном заседании председателем правления была выбрана М. А. Гарелина, которая вскоре отказалась от должности, сославшись на нездоровье. Это вовсе не означало того, что она искала подходящий предлог, чтобы уклониться от общественной работы. Многогранная деятельность Марии Александровны на других поприщах, в частности в местном благотворительном обществе, не позволяет сделать такого предположения. В дальнейшем она ежегодно жертвовала на нужды общества трезвости не одну сотню рублей. После М. А. Гарелиной председательницей общества трезвости некоторое время была супруга фабриканта из Кохмы М. А. Ясюнинская [14, с. 3—4].

Общество не занималось абстрактной антиалкогольной пропагандой, его главной целью являлось предметное отвлечение населения, прежде всего фабричных рабочих, от неумеренного употребления спиртного. Делать это решили при помощи того, что в позапрошлом веке называлось разумными развлечениями. Неслучайно одним из первых учреждений общества стала библиотека. Выдавать книги в ней вызвались активистки общества — К. Ф. Мороховец, М. Я. Дорогова и С. И. Митрофанова, разумеется, они это делали совершенно бесплатно. Фонд читальни был невелик — всего полторы тысячи книг, помещившиеся в трех шкафах. Расписание работы библиотеки было увязано с режимом работы местных текстильных фабрик, к 1910 г. в ней насчитывалось 1550 читателей [4, ф. 4, оп. 1, д. 1240, л. 6; 17, 1911, 6 апр.].

Другой формой «разумного досуга», предлагаемого рабочим, стали чтения, устроенные обществом трезвости. С помещением для проведения лекций (чтений) проблем не возникло, т. к. М. А. Гарелина любезно предоставила обществу классы школы, которую она содержала полностью на свои средства. Она же разрешила пользоваться школьной коллекцией «туманных картин», т. е. слайдов, которые показывали для иллюстрации чтений. Что касается «волшебного фонаря» (диапроектора), то его удалось на время позаимствовать в местном механико-техническом училище.

В качестве лекторов на чтениях общества трезвости работали в основном учительницы местных учебных заведений, в их числе М. И. Покровская, Е. И. и Л. И. Миловзоровы, Е. К. Мекж. Устроители чтений уделяли много внимания исторической тематике, в программе фигурировали такие сюжеты, как «Царь Алексей Михайлович», «О Петре Великом», «Отечественная война 1812 года». Естественно-научная проблематика была представлена темами «О великих и грозных явлениях природы», «О затмениях», «Как у нас громоотвод ставили» [15, с. 30—32; 16, с. 7, 15, 32—33].

Общество трезвости решило охватить досуговой деятельностью не только взрослых рабочих, но и их детей. Летом 1903 г. в Иваново-Вознесенске впервые были устроены массовые развивающие детские игры. На средства, отпущенные М. А. Гарелиной и другими фабрикантами, были куплены мячи разных размеров, ракетки с воланами, кегли, деревянные лошадки, привезена большая куча песка. Главным организатором игр стал педагог механико-технического училища М. М. Якуб, но т. к. на них приходили сотни детей, то ему требовалась помощь нескольких десятков добровольцев в качестве руководителей детских групп. Среди них были дети М. А. Гарелиной — Александр и Анна, а также дочери фабриканта Д. Г. Бурылина — Елена и Елизавета. Например, Анна Гарелина провела 8 игр с детьми. Кроме того, руководителями являлись несколько гимназисток-старшеклассниц. По подсчетам М. М. Якуба, за июль — август 1903 г. на играх перебивало 23 400 детей [16, с. 5—8].

Изучение истории общественных организаций в российской провинции убеждает в том, что наиболее активное участие женщины принимали в объединениях филантропического характера, обществах охраны здоровья и нравственного воспитания (к этому типу относились общества трезвости). Почти не было женщин в обществах интеллектуального развития, спортивных и организациях рационального хозяйствования (объединявших охотников, рыболовов, пчеловодов и т. п.).

Наибольшей популярностью у женщин пользовались те массовые организации, благие цели которых могли объединить вокруг себя людей самой разной социальной и профессиональной принадлежности, всех возрастов. К примеру, в благотворительном обществе практически каждый мог внести свой посильный вклад в дело социальной помощи, если не деньгами, то личным трудом при устройстве сиротского приюта или богадельни. Что касается местного отделения Всероссийской лиги для борьбы с туберкулезом, то эта идея могла объединить в русском Манчестере практически всех, т. к. чахотка в начале XX в. представляла собой серьезнейшую угрозу.

При анализе женской филантропии следует иметь в виду, что щедрые пожертвования хотя и могли быть отнесены к сфере общественной деятельности, сами по себе не формировали элементы гражданского общества. Необходимо было вкладывать в общественные организации не только материальные средства, но свой труд, инициативу, личное время. В Иваново-Вознесенске этим занимались не только женщины из интеллигентской среды, но и представительницы имущих слоев населения — жены местных крупных текстильных фабрикантов. У некоторых организаций появились свои своего рода «генеральные спонсоры», которые регулярно и практически безотказно оказывали им материальную и организационную помощь. К ним могли обратиться, когда были срочно нужны несколько сотен рублей на какое-либо мероприятие или требовалось получить иную срочную помощь. Для благотворительного общества такую роль играла М. А. Гарелина, для отдела лиги для борьбы с туберкулезом — А. А. Бурьлина.

В заключение следует констатировать, что в начале XX в. в российской провинции в довольно многочисленных общественных объединениях разных типов постепенно формировались отдельные ростки гражданского общества. В процесс самоорганизации провинциального социума начали включаться самые различные слои населения, в том числе женщины. К сожалению, круг организаций, в которых они проявляли свою активность, был довольно узким, в большинстве случаев это были объединения, так или иначе связанные с филантропической деятельностью. Относительно слабое участие женщин в этом процессе было одной из причин того, что до революции 1917 г. гражданское общество в России так и не сформировалось полностью.

Библиографический список

1. Всероссийская лига для борьбы с туберкулезом. Иваново-Вознесенский отдел : отчет за 1912 г. Иваново-Вознесенск, 1913. 58 с.
2. Всероссийская лига для борьбы с туберкулезом. Иваново-Вознесенский отдел : отчет за 1913 г. Иваново-Вознесенск, 1914. 39 с.
3. Государственный архив Владимирской области.
4. Государственный архив Ивановской области.
5. Ивановский листок.
6. Обзор деятельности благотворительного общества за 1907 г. Иваново-Вознесенск, 1908. 102 с.
7. Обзор деятельности благотворительного общества за 1909 г. Иваново-Вознесенск, 1910. 76 с.
8. Обзор деятельности благотворительного общества за 1910 г. Иваново-Вознесенск, 1911. 80 с.
9. Обзор деятельности благотворительного общества за 1911 г. Иваново-Вознесенск, 1912. 88 с.
10. Обзор деятельности благотворительного общества за 1913 г. Иваново-Вознесенск, 1914. 98 с.
11. Обзор деятельности благотворительного общества за 1914 г. Иваново-Вознесенск, 1915. 88 с.
12. Отчет благотворительного общества в г. Иваново-Вознесенске за 1897 г. Иваново-Вознесенск, 1898. 24 с.
13. Отчет благотворительного общества в г. Иваново-Вознесенске за 1902 г. Иваново-Вознесенск, 1903. 40 с.

14. Отчет Иваново-Вознесенского общества трезвости с 9 ноября 1897 г. по 1 ноября 1898 г. Владимир, 1899. 95 с.
15. Отчет Иваново-Вознесенского общества трезвости с 1 ноября 1899 г. по 1 января 1901 г. Иваново-Вознесенск, 1901. 64 с.
16. Отчет Иваново-Вознесенского общества трезвости за 1902—1903 г. Иваново-Вознесенск, 1904. 56 с.
17. Старый владимирец.
18. Устав медицинского общества в г. Иваново-Вознесенске. Иваново-Вознесенск, 1901. 10 с.

ББК 63.3(2)53-284.3

Н. А. Мицюк

ТИПЫ РОССИЙСКИХ ДВОРЯНОК НАЧАЛА XX в. ПО ОТНОШЕНИЮ К СОБСТВЕННОЙ ФЕРТИЛЬНОСТИ И МАТЕРИНСТВУ

Либерализация и модернизация России, зарождавшиеся изменения социальных ролей дворянской женщины в обществе, значительные перемены в традиционном семейном укладе дворянских семей, процесс женской эмансипации не могли не отразиться на представлениях молодых дворянок о собственной фертильности и матримониальных функциях. Пестроту материнских портретов индустриальной России стали замечать дореволюционные писатели, врачи, общественные деятели — Л. Н. Толстой, Е. С. Дрентельн, Е. И. Конради [44, с. 391—392; 13, с. 186; 20, с. 14—16]. Современные исследователи, рассматривая женщин индустриальной России, обходят стороной неоднозначные типы русских матерей. В то же время материнство становилось той сферой, через призму которой женщины реализовывали собственные представления о гендерной идентичности, отрицая или всецело принимая потенциальные материнские роли. Амбивалентное отношение женщин доиндустриальной России к собственной фертильности заметила классик отечественной гендерной истории Н. Л. Пушкарёва, выделив два типа матерей: дворянок, для которых материнство становилось содержанием всей жизни, и женщин, пренебрегающих материнскими ролями [31, с. 246]. Однако в пореформенной России типажи матерей отличались существенным разнообразием. В связи с этим цель настоящего исследования состоит в ранжировании российских дворянок начала XX в. по отношению к репродуктивным функциям и материнским ролям. Это позволит глубже понять те изменения, которые происходили в среде российских женщин

© Мицюк Н. А., 2014

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта «Субкультура материнства в дворянской среде пореформенной России: антропологический и исторический подходы», грант № 14-31-01217.

и в гендерной системе (Г. Рубин) в целом. Я исхожу из тех убеждений, что в данную эпоху происходило рождение материнства в современном его понимании; формировался тип женщин, представительницам которого впервые за всю женскую историю удавалось совместить две противоборствующие сферы своего бытия — частную и публичную, что выразилось в появлении «универсальных матерей» (термин автора). Кроме этого, меня интересует, каким образом в эпоху нигилизма, феминизма, модернизма и декадентства мужчинам удалось вновь «возвратить» часть женщин в лоно семьи, ограничив сферу их деятельности супружеством и материнством.

Основываясь на его-документах, биографических сведениях дворянок пореформенной России [37], на существовавших литературных женских образах, а также описанных педагогами, врачами типажах современниц, можно выделить четыре основных типа женщин по отношению к материнским ролям. Их взгляды на предмет материнства могли быть диаметрально противоположными: от полного его отрицания до восприятия как своего «святого долга».

«Новые женщины»

К первому типу дворянок можно отнести тех, для кого материнские роли отошли на второй план. Эти, преимущественно юные, дворянки либо полностью отказывались от замужества и материнства, либо прибегали к отсроченному материнству. «Новые женщины» [49, 51] эпохи, пренебрегавшие всем нарочито женским, собственную фертильность не рассматривали в качестве единственного достоинства. Материнству они противопоставили личностное, как им казалось, самосовершенствование (получение научного образования, освоение профессиональных специальностей, общественную и революционную деятельность). Согласно подходу социального конструирования гендера, нет исключительно женских или мужских ролей, общество создает соответствующие запросы и стереотипы в отношении «мужского» и «женского» поведения. Пореформенная Россия впервые за всю женскую историю предоставила женщинам реальные возможности выбора направлений самореализации. Современные исследователи убеждены в абсолютной корреляции между высоким уровнем образования женщины, ее активной публичной деятельностью и уменьшением числа деторождений в ее жизни (Б. М. Бим-Бад) [4, с. 13]. И. С. Кон указывал на существование трех важнейших зависимостей в жизни женщины, во многом определяющих ее жизнь: биологической, социальной и психологической [19, с. 43]. «Новые женщины» разрушали традиционную зависимость от физиологических функций, связанных с продолжением рода (беременность, рождение детей), а также зависимость от последующей связи с детьми в период лактации, кормления грудью (социальная зависимость) ради освоения новых сфер деятельности.

Впервые молодое поколение «шестидесятниц» стало практиковать отказ от материнства. Их социальное поведение являлось формой девиации по отношению к традиционному жизненному сценарию, предписанному благовоспитанным девушкам. Увлеченные идеями Ж. Санд, под впечатлением романа Н. Чернышевского «Что делать?», они защищали примат свободы в личной жизни женщины. В русской литературе настойчиво изображался новый, свободлюбивый и независимый тип женщины («Некуда» Н. С. Лескова, «Синий чу-

лок» М. П. Чехова, «Обрыв» И. А. Гончарова, «Взбаламученное море» А. Ф. Писемского, «Трудное время» В. А. Слепцова, «Пансионерка» Н. Д. Хвощинской). Даже в работах медицинского характера нередко встречался призыв восстать против положения «безвольной рожающей машины» [46, с. 179].

Либерально настроенные феминистки Н. В. Стасова, А. П. Философова, М. В. Трубникова считали правильным посвятить себя личному совершенствованию, борьбе за женские права вместо служения семье и детям. Из трех активисток женского движения только у одной (А. П. Философовой) был ребенок. Е. П. Майкова (жена брата поэта А. Н. Майкова) в 1860-е гг. без особых угрызений совести оставила троих детей и мужа, сбежав с заурядным студентом. От вновь рожденного ребенка Екатерина Павловна поспешила освободить себя [8]. Напрочь отвергая собственное материнство, она увлекалась написанием детских рассказов. Сходна судьба Е. С. Гаршиной (матери будущего писателя В. М. Гаршина), которая оставила семью ради свободной жизни с учителем. В этом проявлялась двойственность морали «новых женщин». Они могли оберегать и защищать чужих детей, в то время как их собственные были брошены на произвол судьбы.

Апологетами нового типа женщин, отказавшихся от естественных ролей матери и супруги, были активные участницы народнического и революционного движения, во многом нигилистки по взглядам В. Н. Фигнер, В. И. Засулич, С. Л. Перовская, Е. К. Брешко-Брешковская. Первые три женщины никогда не состояли в браке и не имели детей. В их воспоминаниях вопросы, связанные с собственной фертильностью, полностью отсутствуют. Е. К. Брешковская, выйдя замуж совсем юной, родила ребенка, однако оставила его в грудном возрасте, занявшись революционной деятельностью [15, с. 213]. Следует отметить, что в это время на Западе стали появляться идеи «сознательного материнства», которые русские «шестидесятницы» не разделяли, считая их враждебными женской свободе и равноправию. Современные отечественные исследователи Н. Л. Пушкарёва, И. И. Юкина, С. Г. Айвазова подчеркивают, что материнская тематика не была актуальна в российском феминистском дискурсе [56, р. 219; 34; 50, с. 321; 3]. Об этом же пишут зарубежные ученые — А. Линденмайер, Р. Стайтс, Л. Энгельштейн [55, 40, 48]. Для многих представительниц либерального феминизма начала XX в. материнские роли также отошли на второй план. Эпоха модерна культивировала новый тип благородной женщины, который предполагал, по словам Н. Л. Пушкарёвой, отказ от «традиционных женских радостей: детей, семьи, семейно-домашней повседневности» [36, с. 10]. Известная участница женского движения, член партии кадетов А. В. Тыркова-Вильямс, несмотря на то что являлась матерью двух детей, в многочисленных автодокументальных сочинениях практически никогда не упоминала об их рождении и воспитании [27]. О. А. Шапир, А. Н. Шабанова также не рассматривали свою фертильность в качестве важного телесного опыта.

На страницах женских дневников фиксировались новые предпочтения дворянок. Об этом писала активная участница женского движения либерального толка Н. В. Стасова: «Для меня исчезло очарование семьи, своей собственной, я почувствовала любовь ко всемирной семье; это стало моим идеалом, я с

ним и умру!» [41, с. 387]. Ее родственница дворянка Е. Д. Стасова, известная большевичка, считала семью темницей, вырвавшись из которой можно заняться настоящим делом [42, с. 16]. А. М. Коллонтай после рождения сына оставалась верной женой и матерью в течение четырех лет, затем покинула семью, влившись в революционную борьбу. Для нее любовь к собственному ребенку представлялась формой эгоизма [18, с. 111]. Для многих активисток социально-политического движения, нигилисток по своим убеждениям, материнство становилось помехой на пути собственного социального служения. Отвечая на вопрос половой переписи, проводившейся в Томском университете, о пользовании противозачаточными средствами, студент-революционер заметил, что «беременность удаляет женщину от политической и духовной жизни, лишает ее возможности быть членом общества» [48, с. 355]. Данная мысль была типична для молодых представителей революционного класса.

Однако далеко не всем дворянкам удавалось сделать свободный выбор. Судя по дневниковым записям, среди дворянок-матерей было немало тех, кто вынужденно отказался от своих претензий на активную общественную деятельность, жертвуя собственными амбициями в пользу размеренной семейной жизни [45, с. 33; 43, с. 123; 38, л. 27; 29, ф. 375, карт. 2, д. 1; 14, с. 322]. Осознавая свою неполноценность вне брака, выйдя замуж, они прощались с девичьими грезами, полностью растворяясь в домашних делах. В то же время брак, дети не приносили желаемого результата, следствием чего становились бесконечные душевные терзания, чувство безысходности и бессмысленности жизни. Анонимный автор статьи, опубликованной в журнале «Союз женщин», называла таких женщин «женщинами предрассветной поры» [1].

Кроме субъективных источников, о новых предпочтениях женщин свидетельствовали и вполне объективные статистические материалы. Советский исследователь А. Г. Вишневский заметил, что на протяжении пореформенного пятидесятилетия происходили наибольшие изменения в матримониальном поведении населения. Анализируя статистические данные, он констатировал тенденцию сокращения возраста вступления в первый брак, увеличение доли женщин, остающихся незамужними. По мнению исследователя, это свидетельствовало в пользу роста «независимости, самостоятельности, гражданского самосознания русской женщины» [7, с. 119; 33, с. 76]. Эмансипация женского населения особенно быстро проходила в крупных городах. В. Михневич отмечал «антисемейный» характер Петербурга 1880-х гг., в котором все больше молодых людей предпочитали браку, семье свободный образ жизни. Этот город он считал раем для юных феминисток [25, с. 396].

Идеология эмансипации дворянской женщины, вышедшая далеко за рамки столичного общества, рассматривала материнство как явление, ограничивающее публичное самовыражение дворянки, депривирующей иные жизненные сценарии*. В данном случае уместно привести слова известного отечест-

---

* В этом контексте под депривацией понимается «депривация идентичности» (термин Й. Лангмейера, З. Матейчека) — психическое состояние субъекта, возникающее в результате невозможности удовлетворения одной из важнейших жизненных потребностей — потребности в общественной самореализации, которая способствует овладению различными общественными ролями и ценностными целями.

венного ученого Б. М. Бим-Бада, который отмечал, что «женщина, выступающая в роли живой машины для рождения детей, практически не имеет шансов на социальное освобождение, ей крайне трудно получить хорошее образование и практически невозможно построить успешную профессиональную карьеру» [4, с. 71]. В то же время в России наблюдался противоположный процесс, связанный с дворянской фертильностью, — переход от «безразличного» к «сознательному» материнству.

«Сознательные матери»

Атодокументалистика свидетельствует о появлении особого типа дворянок, для которых материнство было не просто желанным событием — они прилагали немало усилий для подготовки к роли матери. В дворянской среде происходил процесс перехода от «безразличного» [34, с. 35] к «осознанному материнству», наполненному гаммой эмоциональных переживаний. Для женщин данной категории материнство представлялось формой полезности обществу, тем самым их гендерная идентичность реализовывалась исключительно в браке, основанном на взаимной любви и «осознанном материнстве».

Существовали объективные причины, объясняющие возникновение нового отношения к материнству. Французская исследовательница Е. Бадинтер, изучая материнство в Западной Европе XVII—XX вв. как исторический феномен, пришла к выводу: в начале XIX в. в Европе стал формироваться новый запрос общества на материнство, культивирующий «сладость материнской любви» и «материнской ответственности» (*laresponsabilidadmaternal*) [52, p. 117, 121, 272]. Проявление этого феномена в индустриальную эпоху Е. Бадинтер связывала с богатыми слоями общества, для которых материнство было особым веянием моды. (Об общественном детерминизме женских ролей и материнства писали А. Рич, Н. Чодороу) [35, 58, 53]. В России возникновение «осознанного материнства» в дворянской среде происходило на полвека позже. Благородство образа матери культивировали на страницах печатных изданий врачи, литераторы, государственные деятели, философы, журналисты, педагоги. Л. Н. Толстой в литературных и публицистических работах настойчиво доказывал святость материнского долга, видя в материнстве не только биологическую функцию, но и проявление гражданского долга каждой женщины. Даже среди феминисток появлялись защитницы «сознательного материнства» (Е. И. Конради). Можно представить, какое впечатление на аристократок производил тот факт, что вопросы, казалось бы, исключительно женского естества, интимные по своей сущности, долгое время табуированные, теперь стали предметом для общественных дискуссий, в центре которых стояли мужчины. Авторитет опытных врачей, классиков русской литературы не мог не сказаться на популяризации типа новой, «сознательной матери».

Каков же портрет «новых матерей» в индустриальной России? Очевидно, что далеко не сразу и не все дворянки, привыкшие к активной светской жизни, восприняли «на ура» идею «сознательного материнства». Учитывая тот факт, что эта концепция зародилась на Западе в конце XVIII в., ее первым адептом следует назвать верхушку дворянского общества. К этой плеяде женщин относились, например, императрица Мария Федоровна, императрица Александра

Федоровна, П. С. Уварова, А. Г. Достоевская, С. А. Толстая. Читая женские дневники, личную переписку, убеждаешься, что идея «сознательного материнства» проникла глубоко в повседневную жизнь рядовых провинциальных дворянок 1880—1890-х гг. Общественный запрос сделал «осознанное материнство» и отцовство модными символами супружеских отношений. «Новые идейные супруги» [6] с особым трепетом относились к предстоящей беременности и родам: обстоятельно готовились к акту зачатия, с особой тщательностью соблюдали все предписания врачей, фиксировали состояние здоровья, характер развития своих младенцев в специальных дневниках [10, л. 1—3; 30]. Для женщин это событие становилось не одним из череды многих, а уникальным, требующим физического, эмоционального, интеллектуального сосредоточения.

Удивительным в истории женщин высшего сословия явилось то, что в век эмансипационного движения, борьбы женщин за свои права, возросших запросов на новые формы гендерной идентичности существенно изменялось отношение дворянок к материнству — от безразличного к осознанному. В европейской историографии присутствует точка зрения, согласно которой «капиталистическая промышленная экономика» XIX в. принесла «идеологию обособленных сфер», погрузившую женщин в мир домашних дел (Л. Абрамс) [2, с. 12]. В пореформенной России мир дворянской повседневности разделился на женский, связанный с материнством, домашним бытом, и мужской, подразумевающий чиновничью службу, земскую и общественную деятельность.

Однако применительно к российским дворянкам этому явлению можно найти психологическое объяснение. Общеизвестной тенденцией в развитии брачных союзов в высших слоях общества был уход от брака по расчету к браку по любви. Эмансипация любви в супружеской жизни не могла не повлиять на отношение женщин к материнству и детям. Выдающийся французский психоаналитик, философ, лингвист, мать троих детей Ю. Кристева обосновала категорию «материнской страсти» [22, 21], которая является сублимацией женской сексуальности. С этой позиции в пореформенной России происходило рождение материнства в современном его понимании. В коллективном сознании российского общества созрели предпосылки для превращения аристократки-любовницы в женщину-мать, не лишённую сексуальности. Провинциальная дворянка З. Арапова после рождения дочери, в частности, писала: «То, чего я ждала с таким трепетом, с такой радостью — совершилось. У меня родилась дочь, маленькое, бесконечно дорогое олицетворение моего Арапки. Да, она на него удивительно похожа. Это меня не удивляет, так как я знала, что иначе и быть не может — слишком страстно я этого хотела и желала этого до безумия, я знала, что природа так и совершит это» [29, ф. 12, карт. 1, д. 1, л. 5].

«Универсальные матери»

В ответ на тезис мужчин о том, что беременность, кормление, воспитание детей отнимает у женщины чрезвычайно много сил, следствием чего является ее неспособность реализоваться в иных сферах деятельности, феминистки предложили идею реальности совмещения материнства с профессиональной активностью. Женщинам данного типа ввиду различных причин удавалось благополучно осваивать несколько социальных ролей: матери, супруги, общественной дея-

тельницы или профессионального работника. Появление такого типа дворянок было продиктовано набором некоторых предпосылок и условий. С одной стороны, высокий уровень образования, возросшие потребности в определении собственной идентичности открывали женщинам различные поприща для деятельности. Кроме того, средний достаток семьи, вопреки канонам традиционного общества, заставлял замужних женщин финансово помогать семье. С другой стороны, эмоциональная привязанность к мужу, любовь к немногочисленным детям превращали их в заботливых хозяек и матерей. Они представляли новый тип женщины индустриального общества, которая пыталась отыскать оптимальное равновесие между частной жизнью и потенциальной социальной деятельностью. В связи с этим вместо отрицания материнства они отстаивали идеи отсроченного материнства, рационализации деторождения (ограничение количества детей, повышение брачного возраста, применение средств контрацепции и даже легализация аборт), активного привлечения мужчин к уходу за детьми, освоения общественных форм (детские сады) воспитания детей.

Одной из первых женщин, которая в своих работах и на собственном примере (воспитывала шестерых детей и вела активную социальную деятельность) отстаивала идеи гармоничного совмещения частного и публичного в жизни женщин была А. С. Симонович [39, с. 389; 24, с. 24; 12, с. 67]. М. К. Цебрикова в 1870 г. высказала мысль о том, что дворянки-матери вполне могли бы самостоятельно кормить грудью и заниматься профессиональным трудом [47]. Их идеи были оригинальны для российского эмансипационного дискурса 1870 г. Многие сторонницы женского движения стали говорить об этом спустя 30 лет. Основываясь на личном опыте, Е. И. Конради была убеждена, что современная мать из высших классов, при желании и соответствующем подходе, может успеть все: заниматься профессиональным трудом (она имела в виду интеллектуальный труд), кормить грудью ребенка, принимать активное участие в его воспитании и поддерживать домашнее хозяйство [20, с. 352]. Графиня П. С. Уварова успешно сочетала материнство, замужество и активную, вначале совместно с мужем, а затем самостоятельную, археологическую деятельность. С. В. Ковалевской занятия научной деятельностью не мешали состоять в браке и воспитывать дочь. Писательница, одна из первых русских феминисток, общественная деятельница М. В. Трубникова всю жизнь была преданной женой и хорошей матерью, о чем свидетельствовали ее дети в оставленных воспоминаниях [5]. Очевидно, что в связи с активной общественной, научной или профессиональной деятельностью женщины данного типа отказывались от многочисленных деторождений. Как правило, «универсальные матери» имели не более трех детей, что свидетельствовало в пользу вхождения в их жизнь средств контрацепции [26]. Таким образом, принцип «репродуктивной свободы» являлся существенным в реализации сценария «универсальных супругов». Идею «свободного материнства» отстаивали М. И. Покровская, О. А. Шапир, Е. А. Колтановская, Е. Н. Щепкина, Е. А. Чебышева-Дмитриева. Сторонницы либерального и радикального феминизма сходились в одном: женщина должна получить возможность совмещать рождение детей с активной социальной деятельностью. В этом ей должно оказывать реальную помощь государство посредством открытия общественных форм призрения детей, разработки мер по защите материнства и младенчества, социального страхования и

пр. Приверженка радикального феминизма, дворянка по происхождению, А. М. Коллонтай еще в условиях царской России теоретически обосновывала собственное видение проблем материнства. Защищая интересы работниц, она полагала, что система государственного социального страхования материнства и детства позволит разрешить «тяжелый конфликт между вынужденным профессиональным трудом женщины и ее обязанностями как представительницы пола, как матери» [18, с. 212]. Процесс отхождения части семейных функций государству (в деле воспитания и образования детей), по мнению современных исследователей, естественный процесс при переходе от традиционного общества, где доминировала патриархальная семья, к обществу индустриальному.

Таким образом, тип «универсальной супруги» и «деятельницы» мог быть реализован исключительно при наличии соответствующих условий: репродуктивной свободы женщины и комплекса государственных мер по поддержке института материнства. Именно последнее стало особенно актуальной темой в политическом и общественном дискурсе 1910-х гг.

«Дамы света», «сексуальные типажи» и «эротоманки»

В то же время среди любительниц светской жизни, столичных дам полностью не исчезло традиционное отношение к беременности, выразившееся в пренебрежении к материнству как таковому. Е. И. Конради считала, что большинство великосветских дам-матерей первой половины XIX в. «забрасывали своих ребят для балов, для заграничного праздношатания, для будуарных интриг» [20, с. 15]. В. Михневич нелицеприятно отзывался о светских дамах Санкт-Петербурга 1880-х гг.: «Хорошо известно, с какой бессердечной брезгливостью относятся многие светские женщины к материнству и к своим детям» [25, с. 396]. В психоанализе присутствует теория (Х. Дойч, Ю. Кристева) [54, 21], согласно которой в женской психике существует противопоставление материнства сексуальности, материнские чувства являются сублимацией сексуальности женщины. Беременность, материнство рассматривались как помеха бурной интимной жизни и реализации сексуальности, соответственно женщины этой категории оценивали беременность как крайне нежелательное явление, забота о детях перепоручалась многочисленной прислуге (кормилицы, няни, бонны, гувернантки). Но если в первой половине XIX в. салоны, балы, светские визиты доминировали в частной и публичной жизни дам, то их влияние на образ жизни дворянок в пореформенной России значительно уменьшилось. Дело заключалось в том, что великосветских дам начала XIX в. за «оставление» своих детей никто не осуждал, все воспринимали эту практику как полагающуюся, однако такое поведение в условиях пореформенной России вызывало всеобщую критику. Слабый материнский инстинкт, наравне с мастурбацией, считали формой социального извращения.

Русская литература и публицистика воспевали противоречивые женские типы. С одной стороны, врачи, литераторы, религиозные философы защищали святость материнства, но с другой — в популярной бульварной литературе авторы рисовали совершенно иной тип женщины: яркой, свободной от предрассудков, сексуальной, зачастую бездетной, живущей в мире страсти и любви. «Роковые женщины», неординарные женские типы прошлого вызывали устой-

чивый интерес у читающей публики. Одним из результатов женского раскрепощения, вопреки культивированию в обществе идей «святости материнства», стало раскрепощение женской сексуальности.

Реальным примером такого типа женщин явилась известная А. Сулова, возлюбленная Ф. М. Достоевского и жена В. В. Розанова. Принадлежа к высшему слою общества, имея благородное воспитание и отличное образование, она позволила себе отказаться от многих приличных форм традиционного женского поведения. Эпоха декаданса сделала сферу половых отношений доступной и открытой для обсуждения. Новая половая мораль набирала в свои ряды все большее число адептов. З. Гиппиус также отвергала традиционную половую мораль. В своих дневниках она, несмотря на замужество, описывала частые увлечения другими мужчинами и их ухаживания. О бисексуальности З. Гиппиус писали авторитетные исследователи (И. С. Кон, Р. Стайтс, Л. Энгельштейн). Увлечение игрой в бисексуальность становилось своеобразной модной эпатажирующей тенденцией столичной богемы. Тема лесбийской любви была открыто представлена в произведении неординарной писательницы Серебряного века, хозяйки литературно-артистического салона Л. Зиновьевой-Аннибал «Тридцать три уroda». Сексуальность и эротизм в поведении были свойственны и провинциальным замужним дворянкам. Личная переписка З. Шараповой и ее мужа С. Шарапова, известного публициста, демонстрирует крайнюю форму этого явления. Состоя в браке, она не ограничивала себя в сексуальном общении с другими мужчинами. Развязка была драматичной для С. Шарапова, который не подозревал, что все рожденные в их браке дети не являются ему родными [11, л. 3—14, 45—60, 75—80].

По мнению Л. Энгельштейн, первая русская революция актуализировала «половой вопрос» и «жажду эротики» [48, с. 219]. Особое звучание сексуальная риторика приобрела в контексте «женского вопроса» и социального статуса женщины. «Новые женщины» все чаще официальному браку предпочитали гражданский, семья и материнство не были целью их сожительства. В. Калицкая, повествуя об отношениях с писателем А. Грином, сообщала, что их сознательным выбором была совместная жизнь без вступления в брак, что являлось преступлением в глазах ее интеллигентного отца [17, с. 31—33].

К этой же категории дворянских женщин можно отнести тех, чье поведение отличалось крайней степенью девиации, — дворянок, занимающихся проституцией. Среди проституток дворянок было ничтожное количество, но сам факт торговли телом женщин из благородного сословия говорит о многом. В 1889 г. из 4220 столичных проституток 46 были дворянками [28, с. 21]. Среди причин, побудивших их проституировать, основной причиной была крайняя нужда. Однако встречались случаи, когда дворянки буквально шантажировали органы местного самоуправления. Псковская дворянка А. А. Антонович в обращении к псковскому губернатору жаловалась на тяготы своего существования. При отсутствии работы и сбережений она нанялась к богатому господину служанкой. Основное содержание ее просьбы сводилось к финансовой поддержке со стороны властей, в ином случае дворянка сетовала на то, что вынуждена будет «идти по пути разврата» [9, л. 140]. Кроме нужды, женщины называли «собственное желание» [16, с. 540]. Можно предположить, что сама

по себе проституция являлась для страстных женских натур, зажатых в рамки великосветской морали, способом обретения собственной свободы в сексуальной сфере. Впервые новый взгляд на суть проституции предложил врач В. Тарновский. В его трактовке публичная женщина «не только покидает свою семью, чтобы конкурировать на рынке в получении выгоды, но и занимает место мужчины-сеятеля, причем ее активность контрастирует с пассивностью несчастных мужчин, которые позволили себе увлечься ею» [48, с. 141]. Он, в духе биологического детерминизма Ч. Ломброзо, который выделил категорию «врожденных проституток» [23], считал, что склонность к проституции не столько социально обусловленный фактор, сколько врожденное качество женщины («предрасположенность к пороку»). Тарновский был убежден в сексуальной пассивности женщины, а ее приобщение к торговле собственным телом считал крайней формой извращения.

Таким образом, в условиях пореформенной России, под влиянием значительных социально-экономических и политических процессов, среди представительниц дворянского сословия пореформенной России оформились четыре основных типа женского поведения, связанных с пониманием «материнского долга» и ответственностью/безответственностью в вопросах материнского воспитания. Полный отказ от биологически предопределенных функций демонстрировали «новые женщины» эпохи, не просто участницы женского движения первой волны, но именно нигилистки и революционерки. Раскрепощение женской сексуальности способствовало в то время рождению другой поведенческой стратегии — «безразличных матерей», для которых материнство становилось препятствием на пути реализации свободы их женской чувственности. В то же время культивация в общественном сознании темы «святости материнства» привела к появлению особого типа «сознательных матерей» (и, кстати, отцов) — образованных, погруженных в воспитательный процесс, ставящих немногочисленных детей в центр своей семейной жизни. Бурное обсуждение участницами женского движения первой волны темы материнства в начале XX в. привело к рождению «универсальных матерей», которые впервые смогли примирить биологическую зависимость женщины с ее потребностью в социальной реализации, а также преодолеть утверждавшийся в гендерной системе российского общества принцип обособленных сфер. Этот процесс был невозможен без рационализации женской сексуальности.

Библиографический список

1. А. Женские силуэты предрассветной поры // *Союз женщин*. 1909. № 11. С. 17—44.
2. *Абрамс Л.* Формирование женщины новой эпохи, 1789—1918. М. : НИУ ВШЭ, 2011. 408 с.
3. *Айвазова С. Г.* Русские женщины в лабиринте равноправия : очерки политической теории и истории. М. : РИК Русанова, 1998. URL: http://www.owl.ru/win/books/rw/o1_2.htm (дата обращения: 07.02.2014).
4. *Бим-Бад Б. М., Гавров С. Н.* Модернизация института семьи: макросоциологический, экономический и антрополого-педагогический анализ. М. : Новый хронограф, 2010. 352 с.
5. *Буланова-Трубникова О. К.* Три поколения. М. : Госиздат, 1928. 220 с.

6. *Веремченко В. А.* Уход за детьми раннего возраста в дворянских семьях во второй половине XIX — начале XX в. // Вестн. ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2012. Т. 4, № 3. С. 18—31.
7. *Вишневский А. Г.* Ранние этапы становления нового типа рождаемости в России // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР / под ред. А. Г. Вишневского. М. : Статистика, 1977. С. 105—135.
8. *Володина Н.* Воспоминания Е. П. Майковой: опыт жизнотворчества // Academic Electronic J. in Slavic Studies. URL: <http://www.utoronto.ca/tsq/28/volodina28.shtml#top> (дата обращения: 08.02.2014).
9. Государственный архив Псковской области. Ф. 20. Оп. 1. Д. 3010.
10. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 618. Оп. 1. Д. 32.
11. Государственный архив Смоленской области. Ф. 121. Оп. 1. Д. 1040.
12. *Грицай Л. А.* Проблема материнства и материнского воспитания детей в трудах представительниц российского женского движения конца XIX — начала XX в. // Вестн. Удмурт. ун-та. 2013. Вып. 1. С. 66—71.
13. *Дрентельн Е. С.* Этюды о природе женщины и мужчины. М. : Брейтигам в Харькове и Москве, 1908. 285 с.
14. *Дьяконова Е. И.* Дневник. М. : Изд. В. М. Саблина, 1912. 837 с.
15. *Зензинов В.* Пережитое. Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1953. 290 с.
16. *Илюхов А. А.* Проституция в России с XVII века до 1917 года. М. : Новый хронограф, 2008. 560 с.
17. *Калицкая В.* Моя жизнь с Александром Грином. Феодосия ; М. : Коктебель, 2010. 256 с.
18. *Коллонтай А.* Социальные основы женского вопроса. СПб. : Т-во «Знание», 1909. 431 с.
19. *Кон И. С.* Мужчина в меняющемся мире. М. : Время, 2009. 608 с.
20. *Конради Е. И.* Исповедь матери // Соч. : в 2 т. СПб. : Изд. В. А. Баладиной, 1899. Т. 1. 535 с.
21. *Кристева Ю.* Интервью. URL: <http://doctornet.ru/article/yuliya-kristeva-materinstvoehto-strast> (дата обращения: 09.02.2014).
22. *Лейбин В. М.* Материнская страсть и сексуализация материнства // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2011. № 2. С. 152—159.
23. *Ломброзо Ч.* Женщина — преступница или проститутка. М. : Астрель, 2012. 320 с.
24. *Львова (Симонович) М.* Хочу умереть в России. М. : Русский мир, 2010. 448 с.
25. *Михневич В.* Язвы Петербурга : исторические этюды русской жизни. СПб. : Тип. Сущинского, 1886. 580 с.
26. *Мицюк Н. А.* «Соня опять беременна, а Маня завидует». Деторождение в жизни дворянок пореформенной России // Родина. 2013. № 7. С. 136—138.
27. Наследие Ариадны Владимировны Тырковой : дневники. Письма / сост. Н. И. Канищев. М. : РОСПЭН, 2012. 1111 с.
28. *Обозненко П. Е.* Поднадзорная проституция Санкт-Петербурга по данным врачебно-полицейского комитета и Калининской больницы. СПб. : Паровая скоропечатня «Надежда», 1896. 213 с.
29. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.
30. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 601. Д. 55. Л. 1—14.
31. *Пушкарёва Н. Л.* Мать и дитя в русской семье XVIII — начала XIX в. // Социальная история, 1997. М. : РОСПЭН, 1998. С. 246—274.
32. *Пушкарёва Н. Л.* Материнство как социально-исторический феномен : (обзор зарубежных исследований по истории европейского материнства) // Женщина в российском обществе. 2000. № 1. С. 9—24.

33. *Пушкарёва Н. Л.* Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы // *Вопр. истории.* 1998. № 6. С. 75—79.
34. *Пушкарёва Н. Л.* Историческая феминология, женская и гендерная история: итоги и перспективы // *Женщина в российском обществе.* 2002. № 2/3. С. 32—37.
35. *Пушкарёва Н. Л.* Материнство в новейших философских и социологических концепциях // *Этногр. обозрение.* 1999. № 5. С. 47—59.
36. *Пушкарёва Н. Л.* Сексуальность в частной жизни русской женщины (X—XX вв.) : влияние православного и этакратического гендерных порядков // *Женщина в российском обществе.* 2008. № 2. С. 3—17.
37. *Пушкарёва Н. Л.* У истоков женской автобиографии в России // *Филол. науки.* 2000. № 3. С. 62—70.
38. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 142. Оп. 1. Д. 383.
39. *Симонович А. С.* Кто может быть воспитателем? // *Детский сад.* 1867. № 11/12. С. 389—396.
40. *Стайтс Р.* Женское освободительное движение в России : феминизм, нигилизм и большевизм, 1860—1930. М. : РОСПЭН, 2004. 616 с.
41. *Стасов В. В.* Надежда Васильевна Стасова. СПб. : Тип. М. Меркушева, 1899. 504 с.
42. *Стасова Е. Д.* Страницы жизни и борьбы. М. : Госполитиздат, 1957. 142 с.
43. *Толстая С. А.* Моя жизнь // *Новый мир.* 1978. № 8. С. 123—189.
44. *Толстой Л. Н.* Так что же нам делать? // *Собр. соч. : в 22 т.* М. : Худож. лит., 1983. Т. 16. С. 376—424.
45. *Успенская А.* Воспоминания шестидесятницы // *Былое.* 1922. № 18. С. 13—45.
46. *Фишер-Дюккельман А.* Женщина как домашний врач. М. : Изд. Аскарханова, 1903. 556 с.
47. *Цебрикова М. К.* Предисловие к книге Дж. Ст. Милля «Подчиненность женщины». URL: <http://www.owl.ru/win/books/tw/fl.htm> (дата обращения: 09.02.2014).
48. *Энгельштейн Л.* Ключи счастья : секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX—XX веков. М. : Терра, 1996. 572 с.
49. *Юкина И.* «Новые женщины»: мотивы участия в женском движении // *Российские женщины и европейская культура : материалы V конф., посвящ. теории и истории женского движения / сост. и отв. ред. Г. А. Тишкин.* СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. филос. о-ва, 2001. С. 118—126.
50. *Юкина И.* Русский феминизм как вызов современности. М. : Алетейя, 2007. 544 с.
51. *Юкина И. И.* Нигилистки // *Женщины в социальной истории России / ТвГУ.* Тверь, 1997. С. 47—52.
52. *Badinter E.* Existe el instinto maternal? : historia del amor maternal, siglos XVII al XX. Barcelona : Paidós, 1991. 311 p.
53. *Chodorow N.* The Reproduction of Mothering : Psychoanalysis and Sociology of Gender. Berkeley ; Los Angeles : University of California Press, 1978. 321 p.
54. *Deutsch H.* The Psychology of Woman. New York : Grune and Stratton, 1945. Vol. 2. 421 p.
55. *Lindenmeyr A.* Maternalism and child welfare in late imperial Russia // *J. of Women's History.* 1993. Vol. 5, № 2. P. 1—34.
56. *Pushkareva N. L.* Women in Russian History from the Tenth to the Twentieth Century. Armonk : M. E. Sharpe, 1997. 341 p.
57. *Ransel D. L.* Mothers of Misery : Child Abandonment in Russia. Princeton : Princeton University Press, 1988. 344 p.
58. *Rich A.* Of Woman Born : Motherhood as Experience and Institution. New York, 1976. 351 p.

ББК 63.3(2)53-284.4

М. Ю. Семёнов, Е. Н. Меньшикова

**ЖЕНЩИНА НОВОГО ТИПА
В КУЛЬТУРНО-РАЗВЛЕКАТЕЛЬНОЙ ЖИЗНИ
РУССКОГО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА
КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX в.
(На примере театральной жизни)**

В современной российской гуманитаристике понятие «провинция/провинциальный город» используется не только для обозначения населенных пунктов, географически удаленных от столичных центров, но и для характеристики особого образа (стиля) жизни. Традиции подобного представления о провинции были заложены в отечественной историографии еще в XIX в.: уже тогда понятие «провинция» несло в себе больше оценочный признак и обозначало в большей степени социокультурное, чем географическое пространство [3, с. 70]. Иными словами, провинция представлялась (и представляется) как культурная периферия с типичной для нее культурной отсталостью, как место, где ничего не происходит. В связи с этим научный интерес имеет исследование культурной жизни одного из типичных русских провинциальных городов, каким являлся Курск, бывший в рассматриваемый период административным центром аграрной губернии и при этом значительно удаленный от столичных культурных центров.

Следует отметить, что региональные историки, исследовательское внимание которых обращено в том числе и к культурной жизни г. Курска конца XIX — начала XX в., представляют культурную событийность зачастую как набор фактов, как изолированный, отдельно стоящий феномен (от общерусского и мирового культурно-информационного пространства и культурно-исторического наследия) [1—12, 14—18, 20—26, 28]. Обилие уже выявленных в результате анализа разнохарактерных источников исторических фактов, касающихся культурной жизни г. Курска, не позволяет, однако, реконструировать его культурную жизнь объемно, избежать линейности в восприятии исторического времени и пространства, преодолеть традиционную иллюстративность в изложении исторического материала. Вследствие этого в научной литературе формируется представление о культурной жизни провинциальных городов как о замкнутом, исключительно самобытном культурно-историческом пространстве, что не только затрудняет формирование системного взгляда на феномен провинциального города (и его культурную жизнь, в частности), но и вступает в противоречие с уже существующими в отечественной гуманитаристике достижениями. Ведь, по мнению специалистов в области истории культурной жизни, одна из основных функций провинции — «отклик на явления

© Семёнов М. Ю., Меньшикова Е. Н., 2014

Статья подготовлена при поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых — кандидатов наук (проект № МК-843.2012.6).

культуры, происходящие в другом регионе или столице», в результате чего идет «адаптация столичных или иных культурных влияний к местным условиям, формирование собственных образцов...» [13, с. 70].

В связи с этим научный интерес представляет исследование процесса адаптации внешнего культурного влияния городским населением провинциального города, в данном случае Курска, на рубеже XIX—XX столетий. Решение подобной проблемы особенно актуально для отечественной исторической науки в связи с интенсивным процессом ее антропологизации, с одной стороны, и необходимостью преодоления андроцентричного подхода к исследованию исторических явлений и процессов — с другой. Представляется, что одним из возможных решений этой комплексной проблемы становится обращение к женскому «измерению»/«видению» истории в целом и городской жизни в частности.

С учетом этого задача статьи такова: выявить трансформацию гендерной идентичности провинциальной женщины (проявляющуюся в приобретении неких свойств, которые будут характеризовать ее как женщину нового типа) в контексте культурно-информационного пространства русского провинциального города Курска на рубеже XIX—XX вв.

Следует отметить, что определение «женщина нового типа» является общепринятым в зарубежной историографии [29]. В данной статье мы понимаем под ним не только исторический продукт, созданный реалиями пореформенной России, четко выкристаллизовавшийся в конце XIX — начале XX в., но и внутреннее состояние женщины-горожанки, обуславливавшее потребность включения в культурную жизнь города, участия в ней наряду с мужчинами, стремление не просто противопоставлять себя андроцентричному миру провинциального общества, но и войти в него, стать самодостаточной в нем.

В результате анализа разнородных исторических источников и конструирования репрезентативного образа женщины нового типа применительно к концу XIX — началу XX в. авторами были предложены следующие признаки: свобода в профессиональном выборе и как результат — профессионализация женщин, свобода в выборе досуговых практик, возможность самопрезентации в сетях общественного влияния, возможность генерирования (а не только потребления) культурных ценностей, эпатаж как модель поведения, установление прямых связей с внешним миром (самостоятельные поездки за границу, формирование самостоятельных деловых контактов), раскрепощение (в самом широком смысле).

Несмотря на существующее в современной гуманитарной науке представление о культурной жизни как о целостном и многомерном феномене, в данной статье предполагается исследование лишь одного из ее сегментов — театральной жизни, получившей мощное развитие в рассматриваемый период в Курске. Такое условное и во многом механическое ограничение связано в первую очередь с характером информации, содержащейся в использованных источниках. Источниковую базу составили номера «Курской газеты» с 1898 по 1913 г., являвшейся основным хроникером культурной жизни Курска на рубеже XIX—XX столетий. Наличие в газете отдельной рубрики «Театр и музыка» позволяет особо выделить сегмент театральной жизни. Привлечение номеров за разные годы дает возможность проследить динамику не только развития культурно-развлекательной жизни Курска, но и степени вовлеченности в нее женщин, их реакции и степень включенности явлений культурно-развлекатель-

тельной жизни в повседневные жизненные практики, поскольку «сформированная городом урбанизованная среда определила стандарт социального поведения — городской образ жизни, который кумулирует культурные ценности и нормы, обеспечивает “связь времен”, воспроизводство и развитие общественного целого. Городской образ жизни — это характеристика форм жизнедеятельности, определяемых городскими условиями» [27, с. 69].

Следует отметить, что к концу XIX — началу XX в. в Курске сложились по своему уникальные для провинциального города условия: наличие материальной базы (5 театральных площадок, парки, кинематографические площадки), средств сообщения (железная дорога), рост грамотности населения, готовность интеллигенции к реализации культурно-просветительских программ, ставших составной частью повседневной жизни горожан. Все это способствовало складыванию нового — урбанизирующегося — типа городской культуры, с характерной для нее высокой интенсивностью и разнообразием культурно-развлекательной жизни, что, в свою очередь, создавало условия для трансформации гендерной идентичности.

Среди наиболее ярких иллюстраций трансформации гендерной идентичности в условиях типичного провинциального русского города этого времени, связанных с очевидным преодолением андроцентричного устройства русского общества в целом и культурной жизни в частности, можно назвать появление женщин-антрепренеров. Первое упоминание о женщине-антрепренере, встречающееся в «Курской газете», относится к 1902 г.: тогда в Курске гастролировала труппа под управлением Е. А. Вадимовой. Местная пресса характеризовала репертуар, предлагавшийся курским зрителям, как состоявший в «большинстве случаев из серьезных пьес» [19, 1902, № 51, с. 3]. Сама же Е. А. Вадимова успешно выступала и как актриса [19, 1902, № 48, с. 3; 1912, № 28, с. 3]. Подобная ситуация сложилась и в труппе под управлением В. Г. Шер, силами которой, например, 4 и 5 марта 1903 г. на сцене Городского зимнего театра были поставлены оперетты «Гейша» и «Цыганский барон». По отзывам прессы, «в труппе имеются недурные единичные силы <...> приятен, местами великолепен голос примадонны В. Г. Шер. Ее меццо-сопрано способно сообщить настроение» [19, 1912, № 28, с. 2].

Более подробно «Курская газета» освещала гастроли труппы под управлением антрепренера З. А. Малиновской, работавшей в Курске на протяжении ряда сезонов и являвшейся одной «из самых длительных антреприз (1910—1913)» в губернском центре [23, с. 34]. Известно, что с 29 сентября 1912 г. по 24 февраля 1913 г. были поставлены пьесы как отечественных, так и зарубежных драматургов: «Уриэль Акоста» (К. Ф. Гуцков), «Джэк» (А. Додэ), «Человек-зверь» (Э. Золя), «Казнь» (И. Н. Ге), «На всякого мудреца довольно простоты» (А. Н. Островский), «Барышня с фиалками» (Т. Л. Щепкина-Куперник), «Листья шелестят» (А. И. Сумбатов), «Измена» (А. И. Сумбатов), «Наследие роковое» (Н. Н. Ходотов) и др.

Местная пресса положительно отзывалась об организации представлений и об игре артистов: несмотря на длительный гастрольный тур и частоту спектаклей (в 1913 г. они проходили 12, 13, 19, 20, 22, 26, 27 января и 9, 10, 24 февраля), игра актеров, по мнению курской периодики, оставалась на высоком уровне [19, 1913, № 13, с. 4].

Особенное одобрение прессы вызывала хорошо подготовленная материальная сторона гастролей труппы под управлением З. А. Малиновской: «Прекрасные декорации и костюмы, которыми так богата наша труппа, придали пьесе («Измена» А. И. Сумбатова. — М. С., Е. М.) особый интерес» [19, 1913, № 13, с. 4]. Неизгладимое впечатление произвела на зрителей постановка драмы по роману Э. Золя «Человек-зверь», во многом благодаря декорациям: «Шестая картина вызвала бурю аплодисментов. В глубокой тьме ночи из тоннеля вырывается огромный паровоз — яркие огни... фонарей его врезались в темноту, а своеобразный грохот машины... дополнил окончательно иллюзию. Декоратора вызывали» [19, 1913, № 5, с. 4]. Единичное упоминание о женщине-режиссере относится также к 1913 г. и связано с организацией любительского спектакля в пользу «недостаточных» учениц Курской Мариинской женской гимназии, который был подготовлен под руководством артистки Императорских театров О. И. Мусиной-Пушкиной [19, 1913, № 11, с. 2].

Появление в Курске начала XX в. женщин — антрепренеров/режиссеров, профессионально и достаточно успешно работавших в сфере театрального искусства, в целом было редкостью на фоне гастролей коллективов, режиссерами в которых являлись мужчины и которые традиционно управлялись мужчинами-антрепренерами.

Более традиционной сферой приложения профессиональных усилий женщин в театральной жизни губернского центра на рубеже XIX—XX вв. оставалось все же актерское ремесло (женщина-актриса). «Курская газета» не позволяет составить исчерпывающего представления о количестве женщин-актрис, выступавших на театральных подмостках Курска в указанный период. Однако представляется уместным назвать фамилии (там, где это возможно, обозначить и инициалы) женщин-актрис, оставивших след в театральной жизни Курска этого времени. Среди профессиональных актрис, работавших в коллективах различных антрепренеров, можно выделить следующих: В. И. Англичанова (3 упоминания), Андреева (2), Барковская (5), Н. Д. Борская (3), Н. М. Гондатти (1), Гончарова (2), Горева (1), Е. М. Грановская (1), М. А. Гурская (6), Э. Ф. Днепровы (9), Заревская (1), Кадмина (2), Канцель (1), Корт (2), А. А. Левшина (3), Лучицкая (1), Мишина (1), Никитская (1), Петрова (3), Преображенская (2), Раевская (1), Райдарова (1), Рейн (1), Русецкая (1), Рутковская (1), Е. М. Садовская (2), Н. Г. Салин (3), Таланова (1), Н. А. Тюрнская (1), В. Н. Щёкина (1). Среди курянок, участвовавших в любительских постановках: Балыченцева (1), А. З. Бужанская (1), Т. Н. Муратова (1), Н. Н. Муратова (1), Е. Н. Прибыткова (1), Офросимова (1), Д. Ф. Скорнякова (1), А. М. Страхова (1), Э. А. Стремоухова (1), С. Н. Суворова (1), Ходакевич (1), А. П. Шуманская (1).

Как видно из приведенных данных, основное внимание «Курская газета» уделяла гастролям профессиональных актрис. Так, например, разбирая игру В. И. Англичановой, гастролировавшей в Курске в 1913 и 1914 гг., пресса отмечала, что актриса пользовалась большой популярностью у зрителей: «Бенефициантку приняли очень тепло, с подчеркнутым единодушием наградили ее и долгими дружными аплодисментами, и красивыми цветами»; «После окончания этого акта за кулисами был прочитан и преподнесен молодежью адрес госпоже Англичановой. Вот его дословное содержание: “Глубокоуважаемая Вера Ивановна! Мы горячо верим, что наш родной театр, который является для нас

воспитательной школой, никогда не потеряет своего значения, украшаясь такими редкими талантами, как Вы. Вы приехали к нам, в сонное царство, и разбудили нас от обывательской спячки, животворным лучом проникли в наши темные осенние души и осветили их радостным светом...» [19, 1913, № 114, с. 3]; «Как в предыдущие, так и в этот спектакль госпожу Англичанову вызывала публика и выражала ей свое поклонение перед ее талантом» [19, 1913, № 92, с. 2]; «Г-жа Англичанова пользовалась шумным успехом <...> Глубина психологических переживаний тронула многих, и среди действия г-жу Англичанову долго вызывали...» [19, 1914, № 15, с. 3]. Говоря о профессиональных качествах актрисы, пресса эмоционально отмечала: «Госпожа Англичанова в роли Анюты показала нам свою большую, чуткую наблюдательность, утонченное благородство души, интеллигентность и богатое знание быта изображаемых ею героев» [19, 1913, № 92, с. 2]; «Нина (г-жа Англичанова) была очаровательна...» [19, 1913, № 114, с. 3].

Характеризуя игру актрисы Барковской, выступавшей в Курске в 1912 и 1913 гг., «Курская газета» особенно подчеркивала ее способность к перевоплощению на сцене, вдумчивость: «Тепло и ровно сыграла Марию Антоновну госпожа Барковская, заставлявшая искренно смеяться одной своей тонко прочувствованной манерностью “кисейной барышни”» [19, 1912, № 110, с. 3]; «Заслуженным успехом пользовалась госпожа Барковская в роли Марии. Артистка с душой отдалась игре, и тип простой, наивной, увлекающейся, честной девушки получился у нее законченным, интересным» [19, 1912, № 104, с. 2]; «Очень добросовестно отнеслась к своей роли госпожа Барковская (Ольга Сергеевна), зная, что эта роль не подходит к ней» [19, 1912, № 103, с. 3]; «Нуно (госпожа Барковская) доставляла удовольствие своей бесшабашно шаловливой натурой. Такие типы легко удаются госпоже Барковской, живой, не лишенной порой светлого юмора артистке» [19, 1912, № 102, с. 2]; «Сильно-драматическую роль исполняла г. Барковская. Играла старательно, серьезно обдумав каждую деталь. <...> Вызывали много и долго» [19, 1913, № 5, с. 3].

Признавая профессионализм актрисы М. А. Гурской (сезон 1912/13 г.), пользовавшейся популярностью у курских зрителей, газета отмечала: «В центральной роли выступала госпожа Гурская, создавшая своей удивительно художественной игрой идеальный образ Катерины (Кабановой. — М. С., Е. М.). Публика много и шумно аплодировала артистке» [19, 1912, № 123, с. 2]; «Госпожа Гурская в роли Марии Петровны (Мэри) была превосходна; талантливая, мало того, с особым складом чуткой души артистка в последней картине заставила вызвать на глазах зрителя слезы, когда она передавала последние минуты умирающей девушки» [19, 1912, № 115, с. 3]; «Роль Мари Шардэн как нельзя лучше подходит к артистке госпоже Гурской. Игра — сложная. Ведь получается следующее: артистка играет артистку, а та уже играет семьюнку, вот в чем сложность игры. Которая хорошо удалась госпоже Гурской» [19, 1912, № 102, с. 2]; «...Г-жа Гурская показала нам наивную, добрую, ко всему доверчивую женщину («Листья шелестят» А. И. Сумбатова. — М. С., Е. М.) — это верно передано» [19, 1913, № 8, с. 2]; «Г-жа Гурская пользуется вниманием у публики, что ярко было подчеркнuto и подносимыми подарками (цветы, портрет бенефициантки, ценная вещь), и теми единодушными овациями, которыми награждалась бенефициантка после каждого акта» [19, 1913, № 12, с. 4].

Анализ привлеченных источников позволяет заключить, что процесс профессионализации русского общества, сопровождавшийся в конце XIX — начале XX в. постепенным размыванием традиционного сословного устройства, затронул и женщин. Для женщин, выбравших актерское ремесло в качестве своей профессии, а значит, и жизненной стратегии, процесс профессионализации означал возможность творческой самореализации, необходимость выстраивания внешней презентации себя в выбранной профессиональной сфере (женщина-антрепренер), выстраивание деловых контактов, относительную финансовую независимость, возможность получения общественного признания, готовность к отрыву от дома и домашнего уклада, готовность работать в тяжелых гастрольных условиях, необходимость открыто и на равных работать в одном коллективе с мужчинами. Процесс профессионализации приводил к тому, что актерство перестало восприниматься обществом как нечто непристойное для женщины, социально осуждаемое.

Для курской публики восприятие женщины-актрисы и ее работы на сцене в конце XIX — начале XX в. стало нормой, расценивалось как культурное событие, расширяющее кругозор и пробуждающее интеллектуальные и эмоциональные потребности. Более того, анализ источников позволяет заключить, что ряд жительниц Курска в это время находились на начальной стадии профессионализации в сфере театральной жизни, принимая активное участие в постановках любительских спектаклей.

Можно сделать вывод, что основные проявления феномена «женщина нового типа» в театральной жизни Курска на рубеже XIX—XX столетий были связаны в первую очередь с приезжими женщинами — актрисами/антрепренерами/режиссерами. Вместе с тем появление ряда актрис-любительниц свидетельствовало о процессе активного восприятия курянками жизненного сценария, который авторы предлагают понимать как феномен «женщина нового типа».

Библиографический список

1. Аниканова И. В. Взаимодействие столичных и провинциальных театров: история и современность // Курский край : (науч.-ист. журн.). Курск, 2004. С. 35—37.
2. Аниканова И. В. История курского театра : (историографический аспект) // Курск : (документы. Воспоминания. Статьи) / отв. ред. и сост. А. Ю. Друговская. Курск : Изд-во КГМУ, 1997. С. 151—164.
3. Арцыбашева Т. Н. Курск театральный // Люби и знай свой Курский край / авт.-сост. Т. Н. Арцыбашева. Курск, 2007. С. 105—107.
4. Афанасьев А. Д. Общество содействия начальному образованию в Курской губернии // Курск : краеведческий слов.-справ. / гл. ред. Ю. А. Бугров. Курск : ЮМЭКС, 1997. С. 268.
5. Балицкий Р. Н. Благотворительные спектакли в Курской губернии на рубеже XIX—XX вв. // Курский край / гл. ред. Ю. А. Бугров. Курск : Изд-во Курс. гос. ун-та, 2002. С. 9—11.
6. Брежнева Т. А. История становления и развития музыкального образования Курского края (вторая четверть XIX — начало XX века) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2005. 24 с.
7. Бугров Ю. А. Н. В. Плевицкая. Курск, 2009. 60 с.
8. Бугров Ю. А. Развитие музыкально-сценической культуры и массовых зрелищ в российской провинции в середине XVIII — начале XX в. : (на материалах Курской губернии) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2004. 27 с.

9. Бугров Ю. А. Свет курских рамп : очерки истории культуры Курского края. Курск : Сеймь, 1995. Кн. 1. 84 с.
10. Бугров Ю. А. Свет курских рамп : очерки истории культуры Курского края. Курск : Учитель, 2002. Кн. 3. 84 с.
11. Бугров Ю. А. Свет курских рамп: очерки истории театральной культуры Курского края. Курск : Славянка, 2009. 480 с.
12. Бугров Ю. А., Розживина Е. В. Оперно-балетное искусство // Тр. Курс. обл. науч. краевед. о-ва. Курск, 2004. Т. 1, ч. 1. С. 24—35.
13. Данилов А. А., Меметов В. С. Интеллигенция провинции в истории и культуре России. Иваново : Иван. гос. ун-т, 1997. 173 с.
14. Косихина И. Г. Кружки любителей музыки и театра в Курской губернии середины XIX — начала XX в. // Курские тетради : Курск и куряне глазами ученых. Курск : Курс. гос. пед. ун-т, 1998. С. 43—49.
15. Косихина И. Г. Курский музыкальный кружок (конец XIX — начало XX в.) // Курск : (документы. Воспоминания. Статьи). Вопросы истории и краеведения / отв. ред. и сост. А. Ю. Друговская. Курск, 1999. С. 203—212.
16. Косихина И. Г. Курский общественный клуб // Историко-культурное краеведение: вчера, сегодня, завтра : (материалы Первой науч.-практ. регион. конф.). Курск : Курс. гос. пед. ун-т, 1999. С. 88—92.
17. Косихина И. Г. Общественно-культурные организации Курской губернии в 60-е гг. XIX в. — февраль 1917 г. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 1998. 18 с.
18. Курск : очерки истории города. Курск : Курс. кн. изд-во, 1957. 292 с.
19. Курская газета.
20. Палий Л. В. Становление и развитие городской садово-парковой культуры российской провинции XIX — начала XX в. : (на материалах Курской губернии) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2006. 22 с.
21. Свешникова Е. Е. Социокультурная жизнь губернского города Центрально-Черноземной России конца XIX — начала XX в. : на примере Орла и Курска : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2008. 24 с.
22. Тарасова Н. И. Из истории курской газетной периодики рубежа XIX—XX вв. // Курск : (документы. Воспоминания. Статьи). Вопросы истории и краеведения / отв. ред. и сост. А. Ю. Друговская. Курск, 1999. С. 196—199.
23. Татарская И. Ю. Очерки музыкальной жизни соловьиного края. Курск : Славянка, 2006. 176 с.
24. Терещенко А. А. Генезис и типология городов Центрального Черноземья во второй половине XIX — начале XX в. // Тр. Курс. обл. науч. краевед. о-ва. Курск, 2004. Т. 1, ч. 1. С. 118—128.
25. Терещенко А. А. Социально-экономическое развитие городов Центрального Черноземья во второй половине XIX — начале XX века, 1861—1904 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. Курск, 2003. 437 с.
26. Терещенко А. А. Социально-экономическое развитие провинциального города в России второй половины XIX — начала XX века : на примере Курской губернии : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 1999. 218 с.
27. Филимонова О. Ф. Жизненное пространство города: концептуальные основания и ментальные структуры. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2004. 216 с.
28. Ястребов А. Е. Культурный облик губернского провинциального города Центрального Черноземья в конце XIX — начале XX в.: Орел, Курск, Воронеж : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Орел, 1999. 16 с.
29. New women, 1890—1918 // Encyclopedia of European Social History from 1350 to 2000. New York : Charles Scribner's Sons, 2001. Vol. 4. P. 49.

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ГЕНДЕРНОГО АНАЛИЗА

ББК 81.055.52

Н. К. Радина

«КУЛЬТУРНЫЙ КОНФОРМИЗМ» АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО ТЕКСТА

(На материале мужских и женских автобиографий)

Автобиография — широко известный литературный жанр (собственное жизнеописание, произведенное автором текста), рожденный в поздней античности как результат усиления интереса к отдельной человеческой личности [23]. Исследователи автобиографических текстов разделяют их на два основных вида: ориентированные на описание собственных приключений (как у Б. Челлини) и автобиографии-философствования (как у М. Монтеня). Благодаря известной автобиографии И. В. Гёте в научных дискуссиях проблематизировано соотношение вымысла и реальности в автобиографических произведениях [6].

Поначалу автобиографии были ориентированы на представление исключительно незаурядных жизней, но уже в XIX в. появляются примеры написания автобиографий самых обычных людей. В XX в. автобиография не только литературный жанр, но и элемент определенного социального статуса: ряд профессий требует от соискателей написания автобиографии при приеме на работу. Кроме того, во второй половине XX в. с развитием социологии, психологии и социальной антропологии автобиографии создаются благодаря использованию исследователями биографического метода (см., напр.: [3, 8]).

Значительное число публикаций, посвященных автобиографии, убедительно свидетельствует, что в качестве исследовательского материала автобиография по-прежнему находится в центре внимания социогуманитаристики. В историческом аспекте автобиография оказывается «источником» фактов прошлого [14], а также отражает формы самопрезентации, характеризующие ту или иную историческую эпоху [7]. В социальной и педагогической антропологии автобиография оказывается ценна своей субъективностью, позволяющей

© Радина Н. К., 2014

Исследование осуществлено в рамках программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2013—2014 гг., проект № 12-01-0203 «Герменевтика автобиографического текста: гендерные аспекты».

увидеть мир Другого как бы изнутри, с точки зрения иных ценностей и позиций [15]. В социологии автобиография рассматривается в контексте анализа социального опыта, в психологии — как слепок психологических особенностей, например автобиографической памяти и психологических травм [3].

В целом социогуманитаристика интерпретирует автобиографию исключительно в феноменологическом или герменевтическом ключе, методики количественного анализа, как правило, не используются (за редким исключением: см., например, работы А. Кроника [12]). Действительно, если учесть, что автобиография ценна субъективностью, деталями, качественная методология и качественные методы, без сомнения, оптимальны. Тем не менее, поскольку современная виртуальная коммуникация дает обилие автобиографических текстов (блоги, дневники в сети Интернет и др.), существующих в виде готового материала для компьютерной обработки, буквально — материала для создания корпусов текстов, создается пространство для практики количественных методов, способных «считать» закономерности, общее, стандартное, присущее многим, в автобиографическом тексте.

Однако возникают вопросы: в каких исследовательских областях количественные методы релевантны для изучения автобиографического текста? какие исследовательские задачи могут быть решены при смещении фокуса с частного, индивидуального, отраженного в качественных методах, на количественное, общее, в изучении которого опираются на количественные методы? Представленное исследование было направлено на идентификацию культурных сценариев, реализованных в индивидуальной жизни, «запакованных» в автобиографическом тексте. Акцент на социологическом и социально-психологическом видении автобиографии предполагал определение роли культуры в конструировании индивидуальной истории («культурные рамки», в границах которых люди строят свое поведение, свое «Я», свою индивидуальную историю). Поскольку наиболее очевидное воздействие на социальное развитие личности оказывает гендерная культура общества, культурные скрипты извлекались из женских и мужских автобиографий.

Гендерная социализация как матрица жизненного сценария и жизненной истории

В социальных науках индивидуальное развитие личности рассматривают как детерминированное тремя основными факторами: биологическим (наследственность), социокультурным и субъектным (ценности, саморегуляция и др.). В современной социогуманитаристике, особенно в русле постмодернистских версий социального, субъектность прочитывается в контексте формирования культурой структуры самопонимания и самоопределения индивида [1]. В психотерапевтическом модусе культурного влияния проблематизируются «доминирующие нарративы» культуры: индивид открыт в поиске построения «Я» культурным установкам и скриптам, интериоризируя общепринятое, «нормальное», доминирующее, даже в случае внутреннего конфликта «культурного» и «субъектного». Таким образом, культура, «запаковываясь» в саму «идентичность» человека, может быть «распакована» благодаря «рассказу о себе» [19].

Другая значимая теоретическая идея для данного исследования — идея непрерывного воспроизводства культуры. Так, человеческая культура стремится к воспроизводству себя на групповом уровне (сохранение традиций, социокультурных стандартов и норм) и на индивидуальном (на пространстве персональной и социальной идентичности своих носителей) [9]. Следовательно, индивид, социализируясь, воссоздавая и осознавая свою идентичность, пытается подстроиться не под абстрактные культурные образцы, а под конкретные нормы социальной группы конкретного исторического периода [7].

Среди полифонии «культурного клавира» особое место занимает гендерная культура общества, очерчивающая границы «приемлемого» для представителей мужской и женской групп. Социальное конструирование гендера — ключевая тема современных гендерных исследований в социальных науках (см., напр.: [2, 8, 9, 10, 16, 21]). Мужские и женские культуры, предписывающие правила на уровне поведения, аффективных предпочтений и когнитивных схем для «нормального индивида», создают исторически и культурно укорененных мужчин и женщин. Следовательно, гендерная социализация, благодаря которой индивид становится маркированным в социуме как «мужчина» или «женщина», «шлифует» персональную идентичность, формируя соответствующую «повествовательную идентичность», которую возможно обнаружить в рассказанной жизненной истории.

Ключевые характеристики мужской и женской культур в социогуманитаристике изложены в рамках «гендерных теорий». Женскую культуру описывают посредством центрированности на человеке (главным образом, на воспроизводстве детей, а также на заботе о нуждающихся в помощи), локализации в приватном, семейном, как ориентированную на эмоциональную сферу, вторичную в социальных иерархиях по отношению к мужским позициям. Мужскую культуру представляют как сосредоточенную на власти и доминировании, наиболее очевидное пространство для реализации — публичное, способ функционирования — инструментальный (см., напр.: [2, 9, 10]). Гендерная культура создает формы «порядка» как своеобразной организации элементов культуры, чувствительные к историческим и экономическим изменениям общества. В рамках «гендерных порядков» в социальных науках описывают «гендерные контракты» — системы социальных и психологических паттернов, наиболее желательные для воспроизводства и одобряемые обществом.

Одна из значимых объяснительных схем, интерпретирующих различия между мужской и женской культурами, — психоаналитическая интерпретация Н. Ходоров, связывающая различия в разрешении эдипова комплекса у мальчиков и девочек с последующим конструированием ими социальных отношений [22]. В ситуации благополучного разрешения эдипова комплекса для мальчиков мать является их главным эротическим и эмоциональным объектом, у девочек же эротическим объектом является отец, а эмоциональным — мать, т. е. объектный мир женщин более сложен, чем объектный мир мужчин. Поскольку родительская опека детей обоего пола лежит на женщине, утверждает Н. Ходоров, люди обоих полов ищут возвращение к первоначальному эмоциональному единству с женщиной.

Методы, методики и материалы исследования¹

В качестве эмпирического материала были использованы тексты автобиографий мужчин и женщин с разным уровнем образования, проживающих в малых городах и сельской местности Нижегородской области (всего 82 автобиографии, 46 женских (весь корпус женских автобиографий — 48 530 словоупотреблений) и 36 мужских (весь корпус мужских автобиографий — 28 335 словоупотреблений)). Количественный анализ текстов автобиографических интервью был выполнен на основе программы Mystem, производящей морфологический анализ текста, и программы для подсчета частотности на базе результатов Mystem². Далее предполагалось следовать двум основным линиям анализа.

Согласно первой линии, используемые рассказчиками «вербальные единицы» с высокой частотностью были проанализированы в контексте реконструируемых социальных сетей (в русле индивидуальной психологии А. Адлера [20]). Согласно второй линии анализа, частотность стала основой семиотического анализа нарративного дискурса (семиотический квадрат А.-Ж. Греймаса) [5]. Семиотический анализ нарративного дискурса, по А.-Ж. Греймасу, предполагает извлечение семантических оппозиций, для чего используется семиотический квадрат, определяющийся тремя типами отношений: оппозиции (S1 и S2), комплементарности (S1 и ~S2), противоречия (S1 и ~S1) [13]. С опорой на семиотический квадрат в автобиографических текстах идентифицировались ключевые значения — основа культурных скриптов, которые далее подвергались гендерному анализу.

Поскольку гендерная социализация, захватывающая все жизненное пространство индивида, по-разному проявляется на разных возрастных этапах, было решено анализировать социальные сети выборки как в целом (групповые оппозиции: мужчины и женщины), так и подробно (по возрастам). Были проанализированы автобиографические тексты молодежи (4 женских и 8 мужских интервью), взрослых на этапе средней зрелости (32 и 22 соответственно) и поздней зрелости (10 и 6 соответственно)³.

Анализ женских автобиографий

Из данных частотного анализа были исключены служебные слова, а также слова с небольшой частотностью (меньше, чем число интервьюируемых). Для женщин «пороговым значением» по частотности стало значение 45. Кроме того, все числа, характеризующие частотность, были поделены на число интервьюируемых, поэтому при анализе имеют место средние показатели по употреблению в тексте автобиографии того или иного слова. Ядро/центральная часть социальной сети женщины, таким образом, представлена мамой (5), мужем (4,9), ребенком (ребенок, дитя — 5,3), отцом (3), дочерью (2,7), родителя-

---

¹ Выражаю благодарность компьютерному лингвисту А. Н. Одинцовой за помощь в обработке данных и участие в дискуссиях относительно особенностей конструирования семиотического квадрата А.-Ж. Греймаса.

² Авторы — О. Н. Кукушкина, Т. С. Елипашева.

³ В исследовании используется возрастная периодизация, принятая в психологии: зрелость ранняя (20—40 лет), средняя (40—60 лет) и поздняя (60 лет и далее) [11].

ми (2,3), подругой (2). Периферийная часть социальной сети — брат (1,9), сестра (1,8), друг (1,8), бабушка (1,5), сын (1,4). Очевидно, что автобиографии женщин в контексте психоаналитической версии гендерного анализа дважды «закольцованы»: центральная часть социальной сети представлена как инфантильным треугольником прошлых отношений в семье родителей (героиня, ее мать и отец), так и современным треугольником отношений взрослой состоявшейся женщины (героиня, ее ребенок, как правило — дочь, и муж). Наличие двух систем координат эмоционально-значимых отношений свидетельствует о социальной и эмоциональной зрелости интервьюируемых женщин.

Периферийная часть включает расширенную родительскую семью, в том числе и бабушку, что проблематизирует женскую родословную линию семьи героини.

Своего отца я никогда не видела. Мать выгнала его из дома, когда я была еще маленькая. С бабушкой у нас были теплые отношения, и о ней у меня остались хорошие воспоминания. Мы жили четвером: бабушка, мать, я и брат. Бабушка всегда брала меня и моего брата с собой в поездки к родственникам. Пекла нам пирожки и вообще очень вкусно готовила. В садик я не ходила — была с бабушкой, и мне это очень нравилось (55 лет, образование среднее специальное).

Если рассматривать женщин трех возрастов (ранней, средней и поздней зрелости), то их социальная сеть трансформируется следующим образом:

— молодые женщины находятся в состоянии условного перехода из семьи родителей в собственную семью (центральная часть социальной сети представлена мамой (11,25), братом (9,3), мужем (8,3), отцом (6) и ребенком (5), на периферии присутствует подруга (3,5));

— социальная сеть женщин средней зрелости как бы ослабевает, при этом особенно страдает ее мужская составляющая (центральная часть представлена мамой (4,5), мужем (4,1), родителями (2,8), на периферии ребенок (2,3), сестра (2), бабушка (1,7) и подруга (1,7));

— у женщин поздней зрелости социальная сеть сосредоточена вокруг своей семьи и стареющих родителей (центральная часть включает маму (6,3), мужа (5) и ребенка⁴ (3,9), периферийная — дочь (3,2), отца (2,8) и подругу (1,6)).

Таким образом, принципиальных изменений в социальной сети у женщин в процессе жизни не происходит, динамика лишь отчасти затрагивает ее состав: с возрастом в ней начинают преобладать женщины.

Определение частотности лексем в интервью позволило установить значимые сферы жизни женщин, посредством которых они представляют свою историю жизни:

- детство (детство, детский сад — 2,9);
- образование (школа (4,5), учиться (1,2), училище (1,2));
- работа (работа (3,6); работать (2,7));
- романтические отношения и замужество (любить (2), любовь (1), свадьба (1), замуж (1));
- рождение детей (рожать, рождение (1,6), родиться (1,7));

⁴ Ребенок в данном случае может быть своим или ребенком детей (внуком или внучкой).

— создание и обустройство семьи (семья (1,7), дом (2,6), квартира (1,7);
— переезды (город (1), деревня (1,1));
— рефлексия о судьбе и времени (жизнь (5,1), хороший (4,3), человек (2,9), время (2,7), всегда (2,2), отношения (1,2), сейчас (1,8), большой (1,2)).

Социальный контракт работающей матери, описанный социологами, изучающими женскую социализацию второй половины XX в. на основе использования качественных методов, просматривается в результатах обработки интервью методами корпусной лингвистики.

Рождение дочери Наташи было настоящим счастьем, она была спокойным ребенком, непробивная, вся в отца. Я даже в декрете не была: дочка родилась 6 июля, а в августе я уже вышла на работу в интернат. Мы жили пока еще в частном доме, было много забот, скучать некогда. С рождением ребенка все пустоты заполнились, а муж ушел на второй план. Мне нравилось быть мамой и женой, готовить, убираться (60 лет, образование среднее специальное).

Интервьюируемые женщины эмоционально и подробно рассказывают о своем опыте становления во внесемейном социуме (лексема «работа»).

На швейную фабрику идти не хотелось, да и время как раз тяжелое настало: все разваливалось, производство вставало. Устроилась я в Центральную районную больницу, где мама работала. Ясное дело — санитаркой, в терапевтическое отделение. Работа грязная, тяжелая, вокруг одни пожилые люди — немощные, без заботы близких, а зарплата мизерная (32 года, образование среднее специальное).

Поворотные события (наиболее яркое и характерное для большинства — замужество) также отражены в частотности соответствующих лексем (помимо того что непосредственно описаны в интервью).

До замужества веселая жизнь. <...> Потом замуж вышла. Говорят, когда важные события в жизни происходят, зуб мудрости вырастает. Вот один вылез, когда замуж вышла, а второй — когда сына родила (37 лет, образование среднее специальное).

Кроме того, женщины позиционируют себя в контексте активности, определяя свои действия посредством следующего:

— понятий «жизнь» и «память» (жить (3,3), помнить (2,8));
— желаний и их осуществления (хотеть (2,7), хотеться (1,5), делать (1,4));
— коммуникации (сказать (2,3), говорить (1,5), нравиться (1,1), помогать (1,5));
— контроля за «движением по жизни» (появляться (1,2), оставаться (1,2), ездить (1), уходить (1,3), заканчивать (1), уезжать (1)).

Также необходимо отметить реконструкцию принадлежности, общности в женских интервью, открывающуюся посредством анализа частотности местоимений: я (25,7), мы (13,6), свой (1,8), наш (1,6). «Я» в интервью женщин встречается лишь в 2 раза чаще, чем «мы», если же учесть наречие «вместе» (1,2), очевидно, что женский мир — это мир, разделенный с теми, кто женщине близок и дорог.

Разговариваю с кем-то, а все равно я одна. Муж, как это тебе сказать, вроде стенки, где-то ты прислонилась, прижалась. И что-то у вас общее, вы как-то переговорили, перетерли. Все как-то совместно и вроде как подпорка какая-

то. А здесь одиночество. <...> Все вспоминаешь, как замуж вышла... Все мысли уже делю не с мужем, а одна (72 года, образование среднее специальное).

В данном исследовании частотность лексем и значительный объем текстов были использованы с целью поиска семантических оппозиций в интервью для построения семиотического квадрата по А.-Ж. Греймасу.

В качестве ключевых слов для семиотического анализа были взяты обобщающие категории, наиболее полно представляющие жизненные истории интервьюированных женщин: работа, семья, двигаться, наше. Следовательно, согласно семиотическому квадрату, в любой истории женской жизни будут воспроизведены (см. отношения комплементарности (S1 / ~S2) на рис. 1) темы востребованности, развития и стремления к изменениям, потребности в родных людях, с которыми женщина будет хотеть разделить то, что считает своим.

S1 Работа Семья Двигаться Наше	S2 Безделье Одиночество Остановиться Чужое
~S2 Востребованность Родной Развитие Совместное	~S1 Безработность Чужой Покой Чье-то

Рис. 1. Семиотический квадрат: женская автобиография

Так и живем потихоньку. Подруга, с которой мы вместе живем, родила сына без мужа, и мы вместе теперь его растим. Малыш очень болезненный, как у многих медиков. Теперь жизнь по расписанию. Работаю на двух работах, благодаря чему хоть что-то можем себе и ребенку позволить. Мы же как родные (32 года, образование среднее специальное).

Социально-антропологический, социологический и социально-психологический контекст гендерных исследований в области женской культуры согласуется с полученными данными, т. е. семиотический квадрат адекватно отражает особенности современной женской культуры, ориентированной как на заботу в приватной сфере, так и на востребованность во внесемейном кругу, в публичной сфере (в профессии).

Важно и то, что методы корпусной лингвистики в совокупности с интерпретативными методами анализа (выделение центра и периферии, построение семиотического квадрата) позволили «считать» показатели, значимые для специалистов в социальной сфере при изучении тех или иных социальных и психологических феноменов (характеристики социальной сети, направленность активности, отношение к жизни), т. е. оказались релевантными инструментами для извлечения социокультурной информации из текстов.

Анализ мужских автобиографий

Центральная часть социальной сети мужчины предельно лаконична: мама (3), друг (2,5), отец (2). На периферии — ребенок (1,8), родители (1,6), жена (1,5), бабушка (1), брат (1). Важно отметить, что у женщин по частотности упоминаний в тексте интервью муж вытеснил отца, у мужчин — жена не выдержала «соперничества» с мамой.

Если рассматривать мужчин трех возрастов (ранней, средней и поздней взрослости), то их социальная сеть трансформируется следующим образом:

— у молодых мужчин центральная часть социальной сети представлена мамой (3,3), отцом (3) и другом (2,5), периферийная — девушкой (1,3), ребенком (1,3) и бабушкой (1,3);

— у мужчин средней взрослости в центре мама (2,8), друг (2,8), отец (2,2), на периферии — жена (1,7), бабушка (1,1);

— у мужчин поздней взрослости границы между периферией и центром размыты (ребенок (1,8); жена (1,8), родители (1,25), отец (1,25), брат (1,25), друг (1,25)).

Реконструкция социальной сети по материалам мужских интервью показывает, что мужчина оказывается действительно ориентированным на собственную семью, как правило, ближе к пенсионному возрасту: у более старших рассказчиков упоминания жены и ребенка в автобиографии начинают доминировать.

После армии вернулся, так сразу и женился. С женой мы еще до армии дружили. Вместе гуляли, в походы ходили. Живем мы хорошо, двое детишек у нас с ней. Сейчас-то она у меня лежит парализованная. А раньше первой красавицей была. Мои друзья все в нее влюблены были, а она выбрала меня. Я когда в армию уходил, все цветы в садах сорвал, всю комнату цветами завалил. Как только из армии вернулся — сразу к ней свататься. С тех пор вместе (68 лет, образование среднее).

Еще одна значимая деталь — вероятная материнская депривация⁵ героев интервью. Невысокая доля упоминаний матери при общей обедненной социальной сети (низкая доля упоминаний значимых людей), наличие достаточно высоких показателей на общем фоне у друга, отца и бабушки — все эти характеристики жизненной истории позволяют с большой долей вероятности предположить депривационную эмоциональную среду развития у интервьюируемых мужчин — жителей небольших городов и поселков [18].

С другой стороны, в автобиографии роль матери уравнивается ролью отца.

В детстве — одно из ярких воспоминаний... <...> Мы взяли без спроса моторную лодку. <...> Уплыли очень далеко, а мотор у лодки сломался. Кругом вода, никого. Меня охватил страх, что никто не знает, где мы, и нас никогда не найдут. <...> Просидели в лодке до самого вечера, уже начинало темнеть. Вдруг услышали звук мотора приближающейся лодки, потом я раз-

---

⁵ Материнская депривация (в психоанализе) — в современной интерпретации эмоциональная депривированность — недостаточность эмоциональных контактов в детском возрасте, на этапе взрослости характеризуется дальнейшими нарушениями привязанности.

глядел в лодке отца. <...> Я не знаю, как и где отец нашел еще лодку, но в то время я думал, что он герой (42 года, образование среднее специальное).

Контекст эмоциональной депривированности обуславливает деформацию социальных показателей зрелости мужчины — осознания ответственности перед собственной семьей (женой и ребенком). Из рассказа о себе уходит категория «жена» как определенная социальная роль в мужской жизни. Вместо жены в ряде интервью появляется женщина (и мать, и жена — женщины, появление женщины, таким образом, можно рассматривать как некое промежуточное состояние между инфантильностью (привязанностью к заботящейся о мальчике матери) и зрелостью, способностью заботиться самому о жене и детях).

Сейчас, думаю, в моей жизни многое изменится. Встретил хорошую женщину. Мы вместе живем. Я снова стал ощущать радость. Даже стал строить планы на будущее. Но пока об этом говорить не хочу, боюсь спугнуть счастье (40 лет, образование высшее).

Романтические отношения, счастливые и неудачные влюбленности, встреча с будущей женой отражены в большинстве автобиографий, однако, как и в данном случае, интервьюируемые мужчины рассказывают об этом, не называя происходящее, не используя привычные стандартные маркеры, как женщины (например, свадьба и т. д.), возможно, поэтому романтическая составляющая не реализуется в частотности, оказывается «невидимой» для выбранного исследовательского инструмента.

И как-то была командировка. <...> И там моя жизнь полностью изменилась... приобрела смысл, так сказать. <...> Когда мы приехали в Воркуту, начали обустриваться, искали квартиру для съема. <...> Дверь открыла молодая девушка, которая сказала, что квартира рядом уже занята. <...> Потом я увидел, что живет она с мамой, а мужчины в доме я так и не замечал. Набрался смелости и пригласил ее вечером прогуляться. <...> Так мы уже почти 3 года вместе (32 года, образование высшее).

Определение частотности лексем в интервью позволило выявить значимые сферы жизни мужчин, посредством которых они представляют свою историю жизни:

— рефлексия о судьбе и времени (год (8,2), жизнь (3,3), хороший/хорошо (3,5), один (2,6), человек (2,1), время (2,4), этап (1,6), момент (1,3), сейчас (1,3));

— образование и социальные институты (школа (3,4), учиться (2,3), армия (2), институт (1));

— работа (работа (2,6), работать (2,2), заниматься (1));

— создание и обустройство семьи (дом (1,6), семья (1,4), квартира (1,3), рождаться (1,3), любить (1,1)).

Мужская жизнь в созданном подкорпусе автобиографий — напряженное пространство переживания своего существования во времени и социальных институтах, наиболее ярко представлены школа и армия.

Ломали нас в армии капитально. Домой вернулся с другими взглядами. Мир после армии не казался белым и пушистым. Мои радужные очки потерялись где-то там (38 лет, образование среднее специальное).

Воспроизводя свою активность в рассказе о жизни, мужчины употребляют как наиболее частотные глаголы «помнить» (2,8) и «жить» (2,4), а также гла-

голы движения (пойти (1,7), ходить (1,5), начинать (1)), коммуникации (сказать (1,4)), социальной активности (учиться (2,3), работать (2,2)) и желания (хотеться (1)). Напряженность в мужской истории можно связать и с осторожностью, с которой мужчины концептуализируют в рассказе свою жизнь, даже сферу желаний описывая безлично (хотеться).

В традиционные каноны доминантной мужской культуры вписывается лишь представление интервьюируемых себя посредством местоимений: я (34), мы (9,3), сам (1), свой (1) («я» в мужских автобиографиях звучит в 1,5 раза чаще, чем в женских, при этом доминирование «я» над «мы» очевидно (2/1 у женщин и 3,5 /1 у мужчин)).

Система оппозиций семиотического квадрата А.-Ж. Греймаса и ключевые слова (слова с наибольшей частотностью и некоторые обобщения) представлены следующим образом. В любой истории мужской жизни будут воспроизведены (см. отношения комплементарности (S1 / ~S2) на рис. 2) темы инициативы, востребованности, активности и индивидуализма.

S1 Время Работа Жизнь Индивидуальное	S2 Безвремяе Безделье Смерть Общее
~S2 Инициатива Востребованность Активность Отдельное	~S1 Выжидание Безработность Апатия Совместное

Рис. 2. Семиотический квадрат: мужская автобиография

В целом мужская версия автобиографии органично вписана в классические стандарты мужской культуры: активность в публичной сфере, инициативность и сосредоточенность на собственном «Я» [2, 24, 25]. Своеобразное «запаздывание» в социальной зрелости отчасти обусловлено социокультурными особенностями среды взросления интервьюируемых (семьи с низким социально-экономическим статусом), отчасти особенностями мужской культуры, ориентированной на доминирование и девиацию [10, 17].

Были разные интересы: на рыбалку сходить — у меня до сих пор такое увлечение, с друзьями похулиганить. Можно сказать, что я практически жил на улице. <...> Если домой явишься — мать гулять не отпустит, ругать начнет за плохие отметки или за то, что соседние сараи обокрали (30 лет, образование среднее специальное).

Инициатива в мужских историях сопряжена с опасностями и требованиями «отвечать» за инициативу, «держаться удар».

После возвращения из армии я получил еще один стресс. Я решил заняться частным предпринимательством. Порядка года я занимался. Мое дело прогорело. Я ушел оттуда с большими долгами. В этот момент... Есть такая поговорка: «Друг познается в беде». Очень многие люди проявили себя с разных

сторон. Я бы сказал, все проявили себя с отрицательной стороны. В этот момент я остался один (32 года, образование среднее специальное).

Недостаточная частотность не позволяет некоторым значимым для «мужской культуры» темам «пробиться» и стать «видимыми» в анализе. К примеру, тема правонарушений и преступлений — обратная сторона требований к инициативности и активности мужчин со стороны мужской культуры — не нашла отражения в количественных показателях частотности.

Таким образом, семиотический анализ на основании частотности, не акцентируя детали и опуская содержательные нюансы, позволяет увидеть картину в целом, «схватить» наиболее общее. Интервью мужчин, их самопрезентация в истории, позволяет сделать выводы о сохранности общего направления в воспроизводстве мужской культуры на уровне построения идентичности конкретного, отдельного человека. Тем не менее косвенные признаки (отсутствие явной ориентации на доминирование, сдержанность, отраженная в ограниченной частотности глаголов, описывающих движение и волеизъявление, и т. п.) позволяют предположить недоминантную версию мужественности (или «мягкую доминантность») у авторов мужских биографий [16].

Интерпретация результатов и выводы

Качественные и количественные методы в программе исследования выполняют разные задачи. Качественные методы незаменимы на этапе изучения абсолютно нового исследовательского пространства, количественные — на этапе уточнения полученной информации, на этапе поиска закономерностей. Методы корпусной лингвистики в изучении вербального материала в социальных науках (дневники, автобиографии, блоги и др.) могут быть рассмотрены также в контексте экспресс-диагностики.

Благодаря экспресс-диагностике при изучении автобиографических текстов было выяснено, что социальные сети в историях жизни женщин представлены как более разнообразные и насыщенные. Женщины воспроизводят в автобиографиях систему отношений, свидетельствующую о социальной и личностной зрелости, а мужские истории жизни содержат элементы, указывающие на признаки эмоциональной депривации, пережитой в детском возрасте. Если учесть, что все интервьюируемые в выборке (и мужчины, и женщины) происходили из семей с низкими социально-экономическими ресурсами, можно предположить, что женская социализация извлекает необходимые ресурсы для развития практически из любого социального материала, а мужская — более уязвима, чувствительна к недостаточности социальной среды.

Женские автобиографии — и это отражено в частотности словоупотреблений — иллюстрируют современные представления о гендерном контракте работающей матери, а мужские автобиографии при анализе дают слепок с недоминантной версии традиционной мужской культуры. Тем не менее и мужчины, и женщины в автобиографиях демонстрируют «культурный конформизм», воспроизводя приемлемые для себя стандарты и нормы гендерной культуры. При этом женщины реконструируют собственную востребованность посредством объединения, включенности, а мужчины — посредством автономии, тем самым поддерживая в несколько модернизированном виде классические психоаналитические схемы понимания «мужского» и «женского».

Частотность лексем, описывающих рождение детей и замужество у женщин, а также армию у мужчин, позволяет предположить, что среди социальных институтов, отвечающих за воспроизводство гендерной культуры, именно материнство, замужество и армия являются ключевыми гендерными маркерами. Это свидетельствует о воспроизводстве патриархатного гендерного порядка, когда значимость/статус женщины детерминируется ее востребованностью у мужчин (поэтому важно, замужняя женщина или нет) и способностью к деторождению. Что же касается мужчины, его значимость «культурно» определяется включенностью в военизированные, закрытые для женщин мужские сообщества. При этом выбор «замужество» у женщин основывается на социальном влиянии, а армия является принудительной мерой, ее не выбирают. Пространство автобиографий реконструирует андроцентричный мир, и, следуя Д. Гилмору, возможно предположить, что запрос социума на «боевитую мужественность» характеризует понимание современного мира в контексте угроз и недостаточности ресурсов [4].

Индивидуальные характеристики, детали автобиографий при количественном экспресс-анализе теряются, однако интерпретативный метод на основе семиотического квадрата А.-Ж. Греймаса позволяет реконструировать общую систему значений для всей выборки, что в ряде случаев представляется полезным.

Таким образом, данную экспресс-диагностику можно рекомендовать для изучения текстов автобиографического характера, например из сети «Интернет», при условии обоснованного и тщательного формирования их корпусов.

Библиографический список

1. *Батлер Дж.* Психика власти: теории субъекции / пер. З. Баблюяна. Харьков : ХЦГИ ; СПб. : Алетей, 2002. 168 с.
2. *Берн Ш.* Гендерная психология. СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК ; М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2004. 408 с.
3. Биографическое интервью / Е. Н. Астафьева, О. Е. Кошелева, Е. Ю. Мещеркина, В. В. Нуркова. М. : Изд-во УРАО, 2001. 87 с.
4. *Гилмор Д.* Становление мужественности: культурные концепты маскулинности. М. : РОСПЭН, 2005. 264 с.
5. *Греймас А.-Ж.* Структурная семантика : поиск метода / пер. с фр. Л. Зиминой. М. : Академический Проект, 2004. 368 с.
6. *Елизаветина Г.* Становление жанров автобиографии и мемуаров // Русский и западноевропейский классицизм. Проза. М. : Наука, 1982. С. 235—263.
7. *Зарецкий Ю. П.* История субъективности и история автобиографии: важные обновления // Неприкосновенный запас. 2012. № 3. С. 218—232. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2012/3/z18-pr.html> (дата обращения: 03.01.2014).
8. *Здравомыслова Е., Тёмкина А.* Создание гендерной идентичности: методика анализа интервью // Гендерные исследования. 2000. № 5. С. 211—225.
9. *Клёцина И. С.* Психология гендерных отношений : дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 2004. 39 с.
10. *Кон И. С.* История и теория мужских исследований // Гендерный калейдоскоп / под ред. М. М. Малышевой. М. : Academia, 2002. С. 188—242.
11. *Крайг Г., Бокум Д.* Психология развития. СПб. : Питер, 2007. 940 с.
12. *Кроник А., Ахмеров Р.* Каузометрия : методы самопознания, психодиагностики и психотерапии в психологии жизненного пути. М. : Смысл, 2008. 284 с.
13. Методы анализа текста и дискурса : пер. с англ. / С. Тичер, М. Мейер, Р. Водак, Е. Веттер. Харьков : Гуманитарный центр, 2009. 356 с.

14. Право на имя: биографии XX века. Биографический метод в социальных и исторических науках : Междунар. чтения памяти В. В. Иофе : сб. докл. СПб. : НИЦ «Мемориал» : ЦНСИ : ЕУ СПб, 2004. 192 с.
15. Природа ребенка в зеркале автобиографии : учеб. пособие по педагогической антропологии / под ред. Б. М. Бим-Бада, О. Е. Кошелевой. М. : Изд-во УРАО, 1998. 431 с.
16. *Пушкарёва Н. Л.* «Странные мужчины» в русской национальной традиции // Государственный фольклорный центр «Астраханская песня». Научный отдел : материалы конференций. URL: <http://www.astrasong.ru/c/science/article/348/> (дата обращения: 03.01.2014).
17. *Радина Н. К., Никитина А. А.* Социальная психология мужественности : социально-конструктивистский подход. М. : БОРГЕС, 2011. 172 с.
18. *Радина Н. К., Павлычева Т. Н.* «Значимые» в историях жизни выпускников интернатных сиротских учреждений // Социальная психология и общество. 2010. № 1. С. 124—135.
19. *Рикёр П.* Повествовательная идентичность // Рикёр П. Герменевтика. Этика. Политика : (московские лекции и интервью). М. : Academia, 1995. С. 19—37.
20. *Сидоренко Е.* Терапия и тренинг по Альфреду Адлеру. СПб. : Речь, 2000. 347 с.
21. *Тартаковская И. Н.* Мужчины и женщины в легитимном дискурсе // Гендерные исследования. 2000. № 4. С. 246—265.
22. *Ходоров Н.* Психодинамика семьи // Хрестоматия феминистских текстов : пер. / под ред. Е. Здравомысловой, А. Тёмкиной. СПб. : Дмитрий Буланин, 2000. С. 140—165.
23. *Эйдельман Т.* Автобиография. URL: <http://files.school-collection.edu.ru/dlrstore/6032bbff-78f6-c764-3048-81e3fb637f9b/1002876A.htm> (дата обращения: 03.01.2014).
24. Encyclopedia of Men and Masculinities / ed. by M. Flood, J. K. Gardiner, B. Pease, K. Pringle. New York : Routledge, 2007. 744 с.
25. *Levant R., Richmond K.* A review of research on masculinity ideologies using the Male Role Norms Inventory // J. of Men's Studies. 2007. Vol. 15, № 2. P. 130—146.

ББК 76.025.2

Н. Г. Жидкова

**МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КИНОФЕСТИВАЛЬ
НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА
«СОВЕТСКИЙ ЭКРАН» (1959—1969 гг.):
ГЕНДЕРНЫЙ АНАЛИЗ**

В 1959 г. в Москве впервые состоялся международный кинофестиваль¹. Принципиально новое мероприятие, отличающееся от каких-либо предшествующих событий в мире советского кино, активно отражалось в СМИ. Правила подачи материала о кинофестивале сформировались не сразу. Тем интереснее наблюдать процесс формирования визуальной и вербальной фестивальной идеологии в советских журналах. Как отражалась в СМИ тема Московского международного кинофестиваля (ММКФ), как складывались правила репре-

---

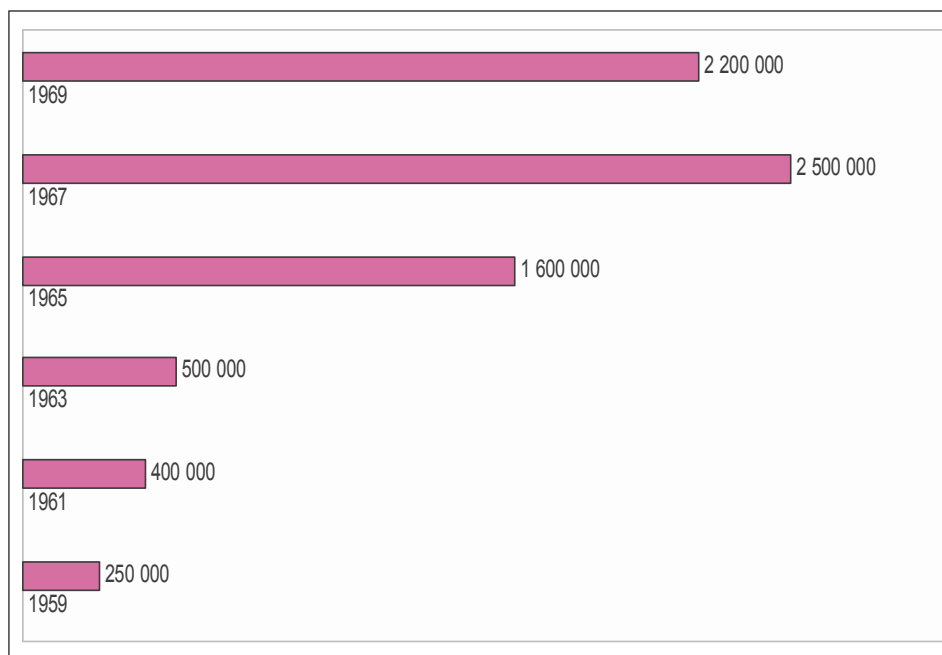
© Жидкова Н. Г., 2014

¹ Фактически в первый раз международный кинофестиваль в Москве состоялся в 1935 г., но периодическим культурным событием стал только с 1959 г.

зентации этого события на протяжении 1959—1969 гг.? Какие особенности репрезентации мужественности и женственности сформировались на страницах журналов, посвященных кинофестивалю?

Основой данного исследования является журнал «Советский экран» за 1959—1969 гг., первое десятилетие существования ММКФ. В это время издавались и другие журналы, связанные с киноискусством, например «Кино и культура» или «Кино». Но только «Советский экран» являлся на тот момент самым массовым журналом о кино, имел сравнительно большой тираж (см. диаграмму). Другие журналы, которые издаются и до настоящего времени, имели небольшой тираж и были направлены на довольно узкую аудиторию. Например, журнал «Искусство кино» позиционировался как орган советской кинокритики и имел не столь обширный тираж. Этот журнал предлагал в первую очередь профессиональный взгляд на киноискусство. По словам известного кинокритика и историка кино М. Туровской, «тощий и бледный» журнал «Искусство кино» отличался профессионализмом и предоставлял возможность заглянуть в западный мир киноискусства, хоть и сквозь призму идеологии [21].

Тираж журнала «Советский экран», 1959—1969 гг., экз.

Гендерные исследования репрезентации образов мужественности и женственности в СМИ охватывают разные эпохи, направления и специализации [7, 19, 20]. Общим местом этих исследований является признание того факта, что СМИ играют значительную роль в конструировании гендерных идентичностей. СМИ были и остаются агентами влияния, несмотря на отсутствие прямой гендерной спецификации (как в исследуемом случае).

Правила и нормы визуального и вербального отображения женских и мужских образов, вслед за российскими исследователями (см.: [7]), будут определены в данной статье как канон репрезентации. Априори считается, что к

концу 50-х гг. сложился определенный социалистический советский канон презентации мужских и женских образов на страницах журналов.

В поиске новой идентичности

Конец 50-х — начало 60-х гг. XX в. — эпоха перемен в значимых сферах общественной жизни для СССР, да и для многих стран социалистического лагеря. Как писал Дж. Боффа, «общим было стремление изменить экономические цели и общие черты, уменьшить капиталовложения, чтобы повысить уровень потребления... больше уделять внимания уровню жизни» [1, с. 451]. Эпоха оттепели начала отсчет формирования некоторой потребительской культуры советского человека [12]. Стала увеличиваться доля легкой промышленности, вырос выбор возможностей в проведении досуга рядовых граждан.

Перемены состояли не только в виде частичной экономической и политической либерализации. Имеется в виду частичная либерализация гендерной политики, расширение сферы индивидуальной свободы, стремление к состоянию, которое И. Кон обозначил как «автономизацию и индивидуализацию» [10, с. 118, 176—177]. Создавалось новое пространство, которое если не противопоставлялось традиционному, то значительно отличалось от него. Происходило «формирование специфической неформальной публичной сферы, то есть дискурса, оппонирующего официальному» [9, с. 303]. Автономная личность в поиске идентичности требует информацию для формирования индивидуальности, исходящую не от государства. Естественную подпитку в виде готовых нормативов, имеющих незататистское происхождение, дала сфера культуры. Речь идет о таком важном источнике информации по культурным канонам, потребительским ценностям, как литература, музыка, кино и т. д.

Литературный прорыв оттепели подарил новые ориентиры для поиска моделей поведения и саморепрезентации. Так, в 60-е гг. советские читатели открывают для себя новые имена в литературе — Э. Хемингуэя и Э. М. Ремарка, в творчестве которых доминирует тема индивидуальной свободы. В 1962 г. состоялась первая публикация работ А. И. Солженицына. Феномен «музыки на костях», самодельных записей на рентгеновских снимках, во многом определял музыкальную неформальную культуру крупных советских городов, впустив в повседневную жизнь множество музыкальных направлений, далеких от советского официоза. Кино к концу 50-х гг. становится важным транслятором западных культурных ценностей, нетрадиционных для советского общества гендерных идентичностей. Трофейные ленты, попавшие в российский прокат в послевоенное время, подготовили почву для интегрирования новых стандартов поведения. Трофейные американские, немецкие, итальянские ленты стали неформальным «окном» в мир западного общества, с иными потребительскими канонами, другими женскими и мужскими идентичностями, с чуждыми советскому строю образами одиночек, индивидуалов, противостоящих обществу. По словам И. Бродского, «одни только четыре серии “Тарзана” способствовали десталинизации больше, чем все речи Хрущёва на XX съезде» [2].

Важным агентом формирования новой культуры потребления, альтернативных ценностей и представлений о частной и общественной жизни становятся международные культурные мероприятия. С 1946 г. в Карловых Варах начинает функционировать Первый Международный кинофестиваль социалисти-

ческих стран. В 1957 г. в Москве проходит Всемирный фестиваль молодежи и студентов, на котором состоялись первые массовые кинопоказы лент зарубежного производства [11]. Можно сказать, с этого момента стартуют массовые разрешенные контакты с западной культурой. Границы неожиданно стали более проницаемы и для представителей советской власти. В 1959 г. Н. С. Хрущёв посещает Америку и открывает возможности межкультурной коммуникации на официальном уровне².

В целом изменение ценностных ориентиров советского человека было закреплено в Программе Коммунистической партии в 1961 г. Одна из глав Программы содержала моральный кодекс строителя коммунизма, построенный на гуманистических ценностях [15]. Смена идеологической парадигмы от экспорта революции к пропаганде советского строя заметно отразилась и на сфере кино. Мегазадача советского руководства изучаемого периода «догнать и перегнать» западный мир, мир капитализма, нашла свое отражение и в спорте, и в индустрии, и в покорении космоса. Кинопроизводство также не осталось в стороне. Воплощением торжества социалистического киноискусства призван был стать международный кинофестиваль в Москве.

Кинофестивали как капиталистический/социалистический проект

На первом этапе кинофестивального движения идеология играла определяющую роль. Один из статусных и уважаемых в настоящее время кинофестивалей — Венецианский, идеологическая машина Б. Муссолини, начал свою историю в 1932 г. как пропагандистский орган фашистского режима. В 30-х гг. в Европе было несколько попыток противопоставить ему мероприятие, равное по статусу. Первые попытки были не столь удачны, как у Муссолини. Так, в 1939 г. Каннский кинофестиваль возник как перспективный проект, но был отложен до 1946 г. В Москве в 1935 г. под покровительством И. Сталина состоялась премьера Московского кинофестиваля, который мог стать стартом новой культурной институции советского строя, но не стал. Хотя, по меткому замечанию М. Туровской, «кое-что... перепало и... зрителям» [21].

Политические послевоенные трансформации способствовали институционализации кинофестивалей в первую очередь как пропагандистской и идеологической машины, лишь в дальнейшем произошло наполнение данного события иным функциональным значением. К примеру, ежегодное знаменательное событие для современного мирового кинематографа — Берлинский кинофестиваль — сперва был важным и знаковым для начального этапа холодной войны. Он был организован в 1951 г. при поддержке стран — военных союзников США, Великобритании и Франции на территории Западного Берлина как пропагандистское мероприятие и только со временем стал одним из крупнейших кинособытий Европы.

Помимо противостояния социалистическому лагерю, нельзя отрицать интеграционную роль кинофестивалей на поствоенном европейском пространстве. Ряд исследователей предполагают, что послевоенные кинофестивали явля-

---

² Визит Н. С. Хрущёва состоялся в сентябре, уже после первого ММКФ, прошедшего в августе 1959 г.

лись проектом по восстановлению Западной Европы из руин войны [23]. Речь идет прежде всего о восстановлении социальной инфраструктуры.

Период конца 50-х — 60-х гг. интересен как особый этап становления мировой киноиндустрии. К концу 50-х мировое кинопроизводство претерпело ряд технологических революций, что удешевило кинопроцесс и позволило значительно повысить количество кинолент. Эти же технологические новинки позволили увеличить мощности советских кинофабрик. Число кинолент, снимаемых в СССР, возросло до 100 картин в год.

К концу 50-х гг. советская киноиндустрия уже могла противопоставить западному капиталистическому миру свои достижения. Советские режиссеры получили мировое признание. В 1958 г. фильм «Летят журавли» становится победителем Каннского кинофестиваля. В воспоминаниях гуру советского кино сталинской эпохи С. А. Герасимова признается тот факт, что ко второй половине 50-х выросло новое, послевоенное поколение талантливых режиссеров [6]. Таким образом, к концу десятилетия показатели качественные (новые талантливые режиссеры) и количественные (увеличение числа картин в год) стали объективными предпосылками участия СССР в кинофестивальном движении, призванном продемонстрировать преимущество советского строя.

Итак, 1959 г. — начало истории ММКФ. Как время «тотального освобождения» охарактеризовали его П. Вайль и А. Генис: «Разоблачен Сталин, напечатан Солженицын, выпущены транзисторные приемники, идет разговор об инициативе и критике...» [3, с. 25]. Кинофестиваль стал вершиной подобного освобождения, открывающего канал прямой коммуникации между социалистическим и капиталистическим миром.

ММКФ как воспитатель и пропагандист

Свободный поиск индивидуума на волне изменений 60-х гг. мог увести в опасные для государства дали. Кинофестивали являлись инструментом не только пропаганды социалистических достижений, но и контроля над советским потреблением западной культуры. Материалы журнала «Советский экран» по первым фестивалям, казалось, придерживались четкой цели: научить смотреть фильмы капиталистических стран сквозь призму советской критики. Запретить просачивание чуждой буржуазной культуры невозможно, но можно контролировать — через формирование самоидентификации с правильным социалистическим обществом и его культурой.

Кинофестиваль 1959—1961 гг. на страницах журнала предстает в первую очередь как воспитательное мероприятие. С одной стороны, журнал проводит разъяснительную работу, почему социалистические фестивали и фильмы лучше фестивалей и фильмов производства капиталистических стран. С другой — даются четкие указания, как правильно смотреть буржуазные фильмы.

В 1959 г. № 13 «Советского экрана», посвященный ММКФ, открывается обширной разъяснительной статьей о том, что такое кинофестиваль, зачем он нужен и какое место он должен занимать в мире социализма. Кроме того, дается четкое разграничение между кинофестивалями буржуазным и социалистическим: «Высоко оценивая пропагандистские возможности кинофестивалей, деятели социалистической культуры использовали эту форму для популяризации идей ми-

ра, добра и дружбы между народами... И если в Канне и Венеции царит коммерческий дух, прикрытый великосветскими развлекательными сенсациями, то в Карловых Варах устраиваются диспуты о развитии киноискусства» [5, с. 1—2].

Подготовка советских граждан к адекватному восприятию чуждой культуры продолжается небольшими статьями, опубликованными от лица обычных советских людей. В этих заметках каждый автор рассказывает, *зачем*, а главное *как* нужно смотреть зарубежные фильмы. Состав авторов представляет собой репрезентативную выборку советских граждан — с точки зрения журнала. Это представители рабочих профессий (шофер и слесарь), интеллигенция (ученый, учительница), представитель творческой профессии — артист и, наконец, молодежь в лице студентки московского вуза. Общий тон заметок воспитательный и содержит призыв к индивидуальному правильному отбору фильмов для просмотра: «Советская молодежь будет рада посмотреть новые зарубежные фильмы, которые призывают к миру и дружбе, к борьбе за счастье для всех людей на земле» [14, с. 7].

Фотографии читателей и «простых зрителей кинофестиваля» в журналах 1959—1961 гг. достаточно скупы. Доминирует два варианта визуального ряда. Первый вариант — портреты, сопровождающие воспитательные материалы, как в рубрике «Наши читатели о зарубежных фильмах» или «Фестиваль — наш праздник» («Советский экран», 1959, № 13). Это поясные портреты небольшого размера, где неизменно присутствуют атрибуты профессии. Врач в белом халате, слесарь рядом со станком, композитор у рояля и с нотами в руках и др. (ил. 1).

Ил. 1

Вслед за исследователями визуального канона в советских СМИ можно отметить тенденцию к смещению акцента в изображении женщины в журналах этого периода. Образ равной в труде и бою соратницы замещается образом женственной хранительницы домашнего очага. Профессиональная занятость изображаемых женщин — учительница, врач родильного дома, актриса, как правило, близка традиционному гендерному разделению ролей в обществе. В фестивальных журналах «Советского экрана» 1959—1961 гг. не встретишь фотографии женщины с атрибутами «неженских» профессий, что иллюстрирует изменение к концу 50-х гг. гендерного контракта.

Второй вариант изображения зрителей фестиваля на страницах журнала — это массовка: многочисленные зрители в кинозале или толпа поклонников как фон для позирующих кинозвезд. Такие неперсонифицированные многолюдные фотографии чаще всего не позволяют вычленить отдельные эмоции или образы, но они создают ощущение всеобщего воодушевления и «единого порыва» советских граждан.

Особенно интересна традиция изображения на страницах журнала данного периода звезд кино. Социалистический канон очень строг: фото деятелей искусств либо поясные официальные, либо сделаны с большого расстояния. Вариантов сюжета съемок немного. Гости кинофестиваля погружаются либо в

советскую производственную сферу, либо в «повседневную» советскую культуру. Снимки в большинстве своем постановочные: участники позируют. Пример — фото мексиканской киноактрисы Роситы Кинтаны, которая «по просьбе

Илл. 2

москвичей поет в сквере у Большого театра», или фото китайской актрисы Цинь И (ил. 2 [16]), посещающей завод «Красный пролетарий». Интересно, что почти на всех фотографиях этого периода мужчины очень сдержанны в проявлении чувств, в то время как женщинам дозволены выражение радости и умеренная жестикуляция. Е. Викулина в исследовании репрезентации гендера в фотографии оттепели отмечает общую тенденцию 50-х к отсутствию естественных проявлений эмоций,

жестикуляции. Допустимый максимум — это сдержанная радость советского человека [4, с. 21—22]. Размер фото, отсутствие крупного плана лиц, отсутствие фотографий в полный рост формировали телесность, при которой лицо и тело не играли важной роли в отображении индивидуальности. В отличие от неофициальных фото оттепели, анализируемых Е. Викулиной, фото о фестивале можно отнести к разряду официальных — со многими соответствующими характеристиками, свойственными не оттепели, а визуальному канону в СМИ 50-х гг.

Показательна является статья о Т. Самойловой и Д. Лоллобриджиде «Разговор по душам» (рубрика «Из фестивальных встреч») [17]. Одни из самых красивых и востребованных актрис своего времени ведут сдержанную беседу. Темы профессиональные: дисциплина, театр, поиск правды. Сопровождает статью небольшое поясное фото двух актрис, ведущих беседу. Двойные фотографии — представители «нашего» и «чуждого» мира — довольно распространены в журналах 1951—1961 гг. Скажем, снимок 1959 г. — И. Скобцева и Д. Мазина [16, с. 5]. Поясное фото разговаривающих актрис. Никаких бытовых подробностей в сопроводительном тексте, никакой личной информации. В целом журналисты не искали идеологически неверных информационных поводов, не связанных с конкурсом. ММКФ в 1961 г. подарил миру кино скандальное фото, которое облетело весь мир: актрисы Д. Лоллобриджида и Э. Тейлор оказались на приеме в одинаковых платьях. Но подтверждение этого факта в «Советском экране» найти не удалось. Это не та деталь, которая стоила бы внимания официального журнала Союза кинематографистов СССР.

В первые годы существования ММКФ канон визуального и вербального отображения кинофестиваля на страницах «Советского экрана» подтверждает доминирующую воспитательную фестивальную концепцию. Читателя обучают правильно оценивать буржуазное искусство и по-социалистически адекватно воспринимать представителей коммерческого западного искусства. Сдержанные эмоции, отсутствие жестикуляции, постановочность, табу на темы быта или личной жизни — это основные характеристики визуальной и вербальной репрезентации ММКФ на страницах «Советского экрана» в 1959—1961 гг.

ММКФ на перепутье

Выпуски «Советского экрана», посвященные ММКФ 1963 г., отражают двойственное положение кинофестиваля в советском обществе. В журналах усиливался официальный блок, посвященный советской власти. На первых страницах фестивального выпуска публикуется оценка пленумом ЦК КПСС кино как «могучего средства воспитания масс». Уделяется внимание некинематографическим успехам СССР. В 13-м, фестивальном номере журнала на первой странице, помимо фотографий аплодирующих членов ЦК КПСС, помещены фотографии космонавтов В. Терешковой (с кинокамерой в руках) и В. Быковского (слушающего музыку в наушниках), сопровождающиеся следующим текстом: «Блестящий успех еще одной грандиозной космической эпопеи — живое воплощение титанической силы, таланта и гения советского народа» [18, с. 1].

Ил. 3

1963 г. оказался переломным для ММКФ. Складывается ощущение, что фестиваль вышел из-под контроля советской пропагандистской машины. С одной стороны, присутствует обязательный официальный блок со строгим визуальным и вербальным канонам, как в предыдущие годы. С другой — в журнале отдельно, не пересекаясь с официозом, живут своей жизнью материалы о кинофестивале. Верстка, текст и визуальный ряд фестивальных номеров претерпели значительные изменения.

Для визуального ряда теперь характерны эмоции и жесты. На фестивальных страницах 1963 г. появляется много графических рисунков, на которых эмоции подаются в утрированном виде. Почему не фотографии, а рисунки? Возможно, что рисунок стал одним из инструментов формирования советской индустрии кинореальности. Ю. Лотман в работе по семиотике кино, рассматривая концепцию условных и изобразительных (иконических) знаков, указывает на то, что к изобразительным знакам испытывают меньше доверия, чем к условным. Возникает оппозиция «способное быть средством обмана — неспособное быть средством обмана» [13, с. 10]. Слово — кино, рисунок — фотография... Рисунок открывает возможности свободной интерпретации, фантазии, работы воображения. Такая дихотомия укладывается в современное представление о киноиндустрии как индустрии грез. Рассказы, очерки и интервью о ММКФ, сопровождаемые рисунками, становятся в 1963 г. основой для легитимизации собственного, советского киномира, способного стать миром грез для советского человека.

Из кадра практически исчезают статисты — «простые» зрители и читатели. Хотя это не отменяет направленности риторики материалов на советских граждан («Наш хозяин — зритель» — статья в «Советском экране» за 1963 г.). Главными и единственными персонажами кинофестиваля на страницах журнала становятся деятели кино. Тексты, часто посвященные повседневной жизни звезд на фестивале, становятся более художественными. Материалы журнала не только предоставляют информацию о конкурсе или анализируют кинолен-

ты, они несут развлекательную функцию. Кто с кем встретился, где и как, о чем поболтали, что ели и как выглядели — это те немногие темы, которые в легком и шутовском тоне затрагиваются на страницах «Советского экрана» в рубрике «Спутник кинофестиваля» в 1963 г.

Образ женщин на фестивальных страницах также претерпевает значительные изменения. При сравнении журналов за 1959—1961 гг. и 1963 г. первое, что сразу бросается в глаза, — это появление на фотографиях женских ног.

Ил. 4

Изменяется женский образ, изменяется сфера телесности. Фигуры подаются в полный рост, тело выступает средством художественного выражения индивидуальности. Радость, удивление, восторг, непосредственные эмоции, активная жестикуляция (ил. 4) становятся нормой на фестивальных фотографиях 1963 г. («Советский экран», № 15).

Фестивальные журналы «Советского экрана» за 1963 г. создают ощущение отсутствия взаимного интереса официальной советской власти и участников фестиваля. Это подтверждается конкурсной политикой ММКФ. Несмотря на рекомендации партии, в 1963 г. победителем стал итальянский режиссер Ф. Феллини. Фестиваль, который должен был демонстрировать миру превосходство социалистического киноискусства, явно не оправдал надежды как эффективное средство критики буржуазной культуры. Фрондерство фестивального жюри и «провал» в идеологической борьбе привели к явному падению интереса советского руководства к фестивалю в целом.

«Звездопад» второй половины шестидесятых

Неоспоримым для авторов фестивальных исследований является признание значимости кинофестиваля как точки «пересечения искусства, коммерции, технологий, культуры, идентичности, власти, политики и идеологии» [22]. Успех кинофестивалей мирового уровня кроется в их многоплановости. С 1963 г. ММКФ теряет свою значимость как идеологическое и политическое явление, но не наполняется новым смыслом ни как коммерческий институт в связи со спецификой социалистического хозяйства, ни как значимое соревновательное событие кинематографического мира. С 1965 г. результаты конкурса стали предсказуемыми: фильмы из капстран не становились единоличными победителями³. Тем не менее кинофестиваль сохранял свое познавательное значение, по-прежнему давая возможность знакомиться с мировым кинематографом, оставаясь площадкой для межкультурной коммуникации. ММКФ стал советским развлекательным мероприятием со слабой коммерческой и идеологической составляющей. Изменения статуса ММКФ отразились и в правилах отображения кинофестиваля на страницах исследуемого журнала.

Фестивальные номера «Советского экрана» за 1965, 1967, 1969 гг. продемонстрировали радикальную смену канона репрезентации. Официальный ма-

³ До 1987 г., когда победителем вновь стал Ф. Феллини.

териал отсутствует: нет приветствия от генерального секретаря КПСС, нет информации о достижениях социализма. Содержание журнала оставляет впечатление полного равнодушия представителей официальных структур к ММКФ. Меняется политика в отношении обложки фестивальных номеров. Так, обложки 1965 и 1967 гг. выходят с портретами зарубежных звезд (М. Влади, С. Лорен, К. Кардинале и др.), что разительно отличается от обложек журналов предыдущих лет (ил. 5). Исключением выглядит журнал за 1969 г., но в этот год отмечался юбилей кинофестиваля, и материал выпуска был сборным из всех предыдущих номеров.

Ил. 5

Женщины все больше предстают на страницах журнала как активные участницы фестиваля. В эти годы снимается табу на освещение личной жизни кинодеятелей. Мужья, жены, разводы, дети, условия жизни — эти и другие темы появляются в журнальных материалах. Например, история брака и детей итальянской актрисы К. Кардинале не могла быть помещена в «Советском экране» более раннего времени (ил. 6) [8, с. 13].

Ил. 6

Сюжетные линии фотографий разнообразны: портреты, групповые фото, жанровые зарисовки (звезды за едой, на прогулке, смеющиеся, танцующие и т. д.). Объединяет все эти фотографии объект съемки — деятели кино в разных жизненных ситуациях, не постановоч-

ных, со схваченными живыми эмоциями. Данное направление вербальной и визуальной презентации подчеркивает преобладающую развлекательную функцию кинофестиваля, которая начинает доминировать с 1965 г. Он остается вне идеологии, вне жесткой регламентации, вне официального вербального и визуального канона.

Неверным было бы охарактеризовать визуальный ряд фестивальных журналов как полностью не ограниченный правилами советской репрезентации. Так, обязательным условием фестивальных материалов оставалась тенденция к интернациональности. Вьетнамские, индийские, монгольские, сенегальские и других национальностей актеры, их фото и текстовый материал о них стали обязательным условием каждого фестивального номера журнала «Советский экран».

Другой отличительной чертой журналов второй половины 60-х гг. являлась демонстрация приобщения гостей фестиваля к советской культуре. Разнообразные сюжеты — возложение цветов к памятникам, посещение Третьяковской галереи, Эрмитажа или Петергофа, фотографии на фоне архитектурных исторических сооружений — становятся частью канона репрезентации фестиваля. Например, фото Софи Лорен у могилы К. С. Станиславского (1965 г.), гостей фестиваля у Московского университета (1967 г.) или камбоджийской актрисы Ди Советх (ил. 7) у самовара (1969 г.) («Советский экран», № 13).

Ил. 7

В целом «Советский экран» второй половины 60-х гг. отражает процесс институционализации советской сферы развлечения.

Предпринятая в данной статье попытка описания канона репрезентации фестиваля в журнале «Советский экран» за 1959—1969 гг. проблематизирует вопрос о том, как именно определялась визуальная и вербальная идеология репрезентации международного события. Международный статус события подразумевал появление чуждых советскому строю образов женственности и мужественности на страницах советских СМИ. Формирование канона репрезентации фестиваля в журнале в полной мере отражает генезис фестиваля как социального института на советском пространстве.

Трансформация визуального и вербального канона в течение первого десятилетия существования фестиваля отражает несколько значимых изменений, которые можно объединить в отдельные этапы. На первоначальном этапе (1959, 1961 гг.) в журнале преобладало жесткое конструирование образов социалистических и капиталистических кинодеятелей, что объясняется важностью пропагандистской роли ММКФ. Фотографии женщин в этот период практически всегда контекстуальны, связаны с профессией или с какой-либо созидательной деятельностью.

В 1963 г. ситуация меняется: наблюдается параллельное сосуществование двух канонов — официального и неофициального. С одной стороны, продолжается конструирование образа советского государства великих достижений, а с другой — наблюдается выстраивание канона отображения деполитизированного светского мероприятия. Подобный диссонанс дает возможность сосуще-

ствовать на страницах журнала образу советской женщины-труженицы и образу светской, эмоциональной, привлекательной участницы. Новые возможности позволяют транслировать индивидуальность, и, если у моделей недостает эмоций или не хватает мастерства фотографа, фото заменяется рисунками.

Заключительный этап становления московского кинофестиваля (1965, 1967 и 1969 гг.), который синхронизируется с приходом к власти в СССР Л. И. Брежнева, характеризуется практически полной деполитизацией журнального материала о фестивале. Правила и нормы репрезентации женских образов становятся более свободными: фото раскрепощенных героинь, сюжеты о частных сферах жизни звезд. Здесь они предстают в силу специфики мира кино в образах, связанных с темой красоты, юности и таланта.

В целом вербальные и визуальные каноны репрезентации международного кинофестиваля в журнале «Советский экран» определялись в первую очередь отношением к мероприятию официальных властей. Строгое следование советскому визуальному канону 50-х гг. сменилось в течение десятилетия тенденцией к репрезентации внеконтекстуальной женственности и мужественности представителей мира кино, предназначенного развлекать, а не воспитывать или пропагандировать.

Библиографический список

1. *Боффа Дж.* История Советского Союза : в 2 т. 2-е изд. М. : Междунар. отношения, 1994. Т. 2 : От Отечественной войны до положения второй мировой державы. Сталин и Хрущёв, 1941—1964 гг. 632 с.
2. *Бродский И.* Трофейное // *Иностр. лит.* 1996. № 1. С. 237—244. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/1996/1/brodsky-pr.html> (дата обращения: 01.05.2014).
3. *Вайль П., Генис А.* 60-е. Мир советского человека. М. : Новое лит. обозрение, 2001. 368 с.
4. *Викулина Е.* Репрезентация гендера в советской фотографии «оттепели» // *Современный дискурс-анализ.* 2011. № 5. С. 21—34.
5. Вступительная статья // *Советский экран.* 1959. № 13. С. 1—2.
6. *Герасимов С. А.* Жизнь, фильмы, споры. М. : Искусство, 1971. 256 с.
7. *Дашкова Т.* Идеология в лицах. Формирование визуального канона в советских журналах 1920—30-х годов // *Культура и власть в условиях коммуникативной революции XX века : форум немецких и российских исследователей / под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова, И. Гарбовского.* М. : АИРО-XX, 2002. С. 103—128.
8. *Долинский М., Черток С.* Клаудиа Кардинале // *Советский экран.* 1967. № 13. С. 12—13.
9. *Здравомыслова Е. А., Тёмкина А. А.* Государственное конструирование гендера в советском обществе // *Журнал исследований социальной политики.* 2003. Т. 1. № 3/4. С. 299—323.
10. *Кон И. С.* Сексуальная культура в России. Клубничка на березке. М. : ОГИ, 1997. 464 с.
11. *Кудрявцев С.* Рекорды и мифы советского кинопроката // *Время новостей.* 2007. № 136. 2 авг. URL: <http://www.vremya.ru/2007/136/13/183976.html> (дата обращения: 21.02.2014).
12. *Лебина Н. Б., Чистяков А. Н.* Обыватель и реформы : картины повседневной жизни горожан в годы НЭПа и хрущевского десятилетия. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. 404 с.

13. *Лотман Ю.* Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин : Эсти Раамат, 1973. 138 с.
14. Наши читатели о зарубежных фильмах // Советский экран. 1959. № 13. С. 3—7.
15. Программа Коммунистической партии Советского Союза, 1961 г. М. : Политиздат, 1974. Гл. 5, п. 1.
16. Советский экран. 1959. № 18.
17. Советский экран. 1961. № 15. С. 12—14.
18. Советский экран. 1963. № 13.
19. *Тартаковская И.* Мужчина и женщина на страницах современных российских газет: дискурсивный анализ // Рубеж. 2000. № 5. С. 168—241.
20. *Тартаковская И.* «Сильная женщина плачет у окна»: гендерные репрезентации в советской и постсоветской массовой культуре // Аспекты социальной теории и современного общества / под ред. С. Кухтерина, А. Согомонова. М. : Ин-т социологии РАН, 2000. С. 155—176.
21. *Туровская М.* Голливуд в Москве, или Советское и американское кино 30—40-х годов // Киноведческие записки. 2010. № 97. URL: <http://www.kinozapiski.ru/data/home/articles/attache/51.pdf> (дата обращения: 21.02.2014).
22. Charles-Clemens ruling Jesper Strandgaard Pedersen. Film festival research from an organizational studies // Perspective Scandinavian Journal of Management. 2010. № 26. URL: <http://openarchive.cbs.dk/bitstream/handle/10398/8170/49-R%C3%BCling-Strandgaard-2010-Film%20Festival%20Research%20from%20an%20Organizational%20Studies%20Perspective.pdf?sequence=1> (дата обращения: 21.02.2014).
23. *Strandgaard P. J., Mazza C.* Who's last? Challenges and advantages for late adopters in the international film festival field // Creative Encounters Working Papers. 2008. Nov. URL: <http://openarchive.cbs.dk/bitstream/handle/10398/7782/Creative%20Encounters%20Working%20Papers%2016.pdf?sequence=1> (дата обращения: 21.02.2014).

СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ЖЕНЩИНЫ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

ББК 60.561.23

Ю. Ю. Чилипенко

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ НЕФОРМАЛЬНЫХ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Современная наука уделяет существенное внимание социально-трудовым отношениям, рассматривая различные их аспекты. Одна из наиболее востребованных тем сегодня — формальные и неформальные отношения в современных организациях. И это неудивительно, т. к. неформальные трудовые отношения связывают множеством социальных интеракций трудовой коллектив, вступая в противоречивое единство с формальными трудовыми отношениями. Одной из главных причин существования и широкого распространения неформальных отношений является то обстоятельство, что система формальных норм и правил не в состоянии учесть всего многообразия реальных жизненных ситуаций. При этом неформальные отношения могут становиться как источником дезорганизации формальных структур, так и источником их самоорганизации и саморазвития, что повышает гибкость и устойчивость управленческой системы [6].

В связи с этим не вызывает сомнения необходимость пристального внимания к неформальным отношениям, складывающимся в социально-трудовой сфере, обусловленная их масштабами и многообразием форм, быстрой трансформацией их социальных функций, их неоднозначной ролью в современных российских организациях и в обществе в целом.

Следует отметить и тот факт, что практика неформальных отношений свойственна не только российским организациям. В западной социологии труда неформальные отношения исследуются достаточно давно и в различных аспектах. Однако если говорить о российских трудовых организациях, то степень распространения в них неформальных отношений выше, чем в западных. Поэтому неудивительно, что ряд западных исследователей самостоятельно или совместно с российскими коллегами изучают обстановку на российских предприятиях, система неформальных отношений в рамках которых, несомненно, более содержательна и разнообразна [3, 13, 4, 8, 10, 9]. Так сложилось исторически, что деятельность российских работников была в высочайшей степени зарегламентирована, и это, в свою очередь, мотивировало их к поискам неформальных путей урегулирования различных вопросов в сфере труда. Однако возможность изучения данного вопроса появилась только в период проведения в нашей стране рыночных реформ.

По результатам исследования В. Ядова и Дж. де Барделебен, неформальное регулирование социально-трудовых отношений превалирует над формальным. Авторы видят причины этого в несовершенном трудовом законодательстве России. Согласно полученным ими данным, чуть ли не 90 % всех социально-трудовых отношений основываются на неформальных договоренностях [10]. По мысли российских исследователей, причину этого следует видеть в длительном периоде самодержавной власти, отсутствии четких и подробно прописанных законов, определяющих трудовые отношения, в тысячелетнем презрении власти к человеку труда и подчиненному (см., напр.: [9]).

Здесь же необходимо отметить и тот факт, что особенности распространения и функционирования неформальных отношений в организациях зависят от ряда условий социального характера. В этой связи следует учесть мнение М. Вебера о том, что в качестве субъектов действия могут рассматриваться только отдельные индивиды, а не общество в целом или те или иные формы коллективности: «Для других (например, юридических) познавательных целей или для целей практических может оказаться целесообразным и просто неизбежным рассмотрение социальных образований (“государства”, “товарищества”, “акционерного общества”, “учреждения”) точно так, как если бы они были отдельными индивидами (например, как носителей прав и обязанностей или как виновников действий, имеющих юридическую силу). Но с точки зрения социологии, которая дает понимающее истолкование действия, эти образования суть только процессы и связи специфических действий отдельных людей, так как только последние являются понятными для нас носителями действий, имеющих смысловую ориентацию» [1, с. 13]. Таким образом, субъекты этих отношений — люди, обладающие определенными социально-демографическими характеристиками, важнейшей из которых является гендерная принадлежность. Особенности поведения и реакций мужчин и женщин на внешнюю среду, мотивации их поступков, личностные характеристики, безусловно, определяют специфику функционирования неформальных интеракций в любой организации.

Как считает Т. И. Заславская, женщины уступают мужчинам в развитости инновационного мышления, творческом размахе, готовности к серьезному риску и осуществлению крупных стратегических проектов. Им в большей степени, чем мужчинам, присущи такие социально-профессиональные качества, как осторожность, стремление решать возникающие конфликты не силовыми методами, а переговорами, умение устанавливать доверительные контакты с партнерами, значительно меньшая включенность в криминальные и противоправные операции [2].

Значит ли это, что женщины более осторожно включаются в неформальные отношения? Испытывают ли они меньшую степень доверия к неформальным обязательствам, нежели к формальным? И если женщины все же вступают в неформальные трудовые отношения, то какие мотивы движут ими?

Желание найти ответы на эти вопросы и определило направление нашего исследования.

Мы будем рассматривать неформальные трудовые отношения как совокупность многообразных социальных взаимодействий между работниками и

работодателями, которые дополняют или замещают официально установленный в организации порядок.

Цель работы — изучение неформальных отношений в современных российских организациях, а именно: степени их распространенности, условий существования, взаимосвязи с формальными отношениями, специфики гендерной составляющей этих процессов.

За основу были приняты несколько предположений:

— наряду с формальными отношениями в современных российских организациях в той или иной степени обязательно присутствуют неформальные отношения, и степень их распространенности зависит от ряда условий и социальных факторов, в том числе и от гендерной принадлежности и мотивации субъектов этих отношений;

— в ряде случаев работодатели предпочитают нанимать женщин, основываясь не на признании их профессиональной компетенции, а на возможности безнаказанно осуществлять в отношении них дискриминационные практики, пользуясь их правовой незащищенностью и некоторыми социально-психологическими особенностями;

— женщины более осторожны в вопросах вступления в неформальные отношения, но если вступают в них, то полагаются на неформальные обязательства в большей степени, чем на формальные правила. Формальные обязательства кажутся им ненадежными в силу изначального гендерного неравенства в трудовых отношениях. Женщины гораздо чаще, чем мужчины, подвергаются гендерной дискриминации;

— пострадавшей стороной в ходе несоблюдения неформальных договоренностей может быть не только работник, но и работодатель. При этом женщины-работницы и женщины-работодатели ведут себя менее агрессивно, чем мужчины, в случае ущемления их интересов вследствие неисполнения таких договоренностей.

Для проверки гипотетических положений настоящего исследования нами был проведен анкетный опрос 510 работников г. Нижнего Новгорода. Мужчин и женщин — поровну. Время опроса — лето 2013 г. Респонденты представляли следующие виды экономической деятельности:

- 1) производство — 102 чел.;
- 2) строительство — 112 чел.;
- 3) торговля — 86 чел.;
- 4) сфера услуг — 97 чел.;
- 5) образование и здравоохранение — 113 чел.

Анкета содержала 28 вопросов открытого и закрытого типов. Вопросы касались формальных и неформальных правил, существующих в организациях, официальных и неофициальных отношений по горизонтали и по вертикали, оформления трудовых отношений и соблюдения договоренностей, возможности использования служебного положения в личных целях, значения личных связей для успешного трудоустройства и карьерного роста, гендерного неравенства в вопросах найма и оплаты труда и др. Для проверки нашей последней гипотезы был проведен дополнительный экспертный опрос 48 руководителей предприятий и организаций Нижегородской области (мужчин и женщин поровну).

Предположение о том, что наряду с формальными отношениями в современных организациях в той или иной степени обязательно присутствуют неформальные, полностью подтвердилось. 97 % респондентов (мужчин — 50 %, женщин — 47 %) ответили, что в той или иной мере сталкивались с проявлениями неформальных отношений в своей трудовой жизни.

Далее, 57 % опрошенных (мужчин — 25 %, женщин — 32 %) признали, что им хотя бы однажды приходилось работать без официального оформления, и столько же (58,5 %) готовы работать неофициально и в будущем, если условия будут более выгодны, чем на аналогичной официально оформленной должности. Мужчин среди них гораздо больше — 38 %. Это и подтверждает нашу гипотезу о том, что женщины более осторожны в вопросах вступления в неформальные отношения.

Затем, мы обнаружили, что официальное оформление далеко не всегда определяет реальные условия трудовой сделки. Работники либо изначально предупреждаются об этом, либо в ходе трудового процесса ставятся перед фактом, что должностная инструкция является формальностью. Внешне формальный найм может быть неформальным по сути. Например, 14 % респондентов не знают содержания своей должностной инструкции, т. к. никогда ее не читали либо заранее отнеслись к ней как к пустой формальности. Около половины опрошенных считают, что инструкция отражает их должностные обязанности в общих чертах, и только пятая часть работников подробно изучила свою должностную инструкцию и считает, что работа проходит в точном соответствии с ней. Такое распределение мнений респондентов делает весьма условным само понятие формального найма.

Результаты опроса показали, что при найме на работу, помимо квалификации, крайне важными оказались личные и родственные связи претендента. Только 2 % опрошенных абсолютно отрицают их роль, 15 % отмечают, что в их организациях работают родственники и друзья работодателей, 20 % ответили, что все ключевые должности в их организациях занимают только благодаря личным связям, а 59 % респондентов (из которых 37 % женщин) вообще убеждены, что без них нельзя найти хорошую работу, и поэтому они пользуются личными связями как для своего трудоустройства, так и для трудоустройства своих близких. При этом 18 % опрошенных (из них более половины женщин) ответили, что не пользуются личными неформальными связями только по причине их отсутствия, 20 % затруднились ответить и лишь 4 % респондентов не пользуются ими принципиально, а полагаются только на свою квалификацию и профессионализм. В то же время следует отметить, что в ряде организаций (23 %) запрет на прием родственников на некоторые ведущие позиции закреплен во внутренних нормативных документах.

Наиболее распространенным примером, иллюстрирующим закрепление неформальных отношений, является традиция отмечать дни рождения сотрудников и другие праздники в рабочее время (89 % респондентов знакомы с этой практикой). Есть и другие варианты, названные респондентами: сокращение рабочего дня в день рождения сотрудника, 1 сентября, чтобы проводить детей в школу, и др., что нередко закрепляется в таком официальном документе, как «Правила внутреннего трудового распорядка организации». Нередко эти по-

правки оказываются наиболее выгодны именно женщинам, поскольку они предоставляют возможность уделить больше внимания различным семейным датам и праздникам. Однако зачастую закрепляется во внутренних нормативных документах организации и противоречащая Трудовому кодексу система денежных штрафов (33 % респондентов заявили о знакомстве с ней).

Таким образом, развитие неформальных отношений нередко ведет к их частичной формализации. Неформальные взаимоотношения воспринимаются как нормы поведения. К ним постепенно привыкают и работники, и работодатели. Поэтому не исключено, что устоявшиеся неформальные нормы могут быть зафиксированы в документах, т. е. заключены в формальные рамки.

Переходя к анализу явления дискриминации, мы спросили наших респондентов, сталкивались ли они когда-либо с дискриминацией по гендерному признаку при найме на работу. Ответы распределились следующим образом: 56 % опрошенных (из них 80 % женщин) ответили положительно, 28 % (из них 68 % женщин) — иногда сталкивались, 10 % — ответили отрицательно и 14 % — затруднились ответить.

Исследователи подразделяют дискриминацию при найме на работу на два основных вида: дискриминация на уровне предпочтений и статистическая. Дискриминация на уровне предпочтений со стороны работодателей была рассмотрена в общих чертах Г. Беккером, который предположил, что часть их имеет предубеждение против найма на работу тех или иных групп работников (в данном случае — женщин) [11, р. 167].

Сущность статистической дискриминации заключается в том, что, принимая решение о найме, работодатель пытается угадать вероятную трудоспособность и эффективность кандидатов на должность по неким косвенным признакам, таким как: образование, опыт, пол, возраст, результаты тестирования и др. Если работодатель считает, что женщины — худшие работники, чем мужчины, то он будет систематически отдавать предпочтение мужчинам, независимо от индивидуальных профессиональных характеристик конкретного кандидата. Значит, конкретный работник оценивается исходя из критериев, сформированных для той группы, представителем которой он является. Скажем, традиционно считается, что мужчины более «эффективны» в таких областях деятельности, как интеллектуальный труд; работа, связанная с принятием решений; работа с повышенными физическими нагрузками. Женщинам «отводится» работа с людьми, с бумагами, требующая повышенного внимания и терпения, чисто исполнительская, а также легкая, не требующая высокой квалификации и образования [5, с. 132].

Кроме этого, ряд респондентов отметили, что в случае положительного решения о найме им приходилось сталкиваться и с другими видами дискриминации: в оплате труда, повышении квалификации, при продвижении в должности, сокращении персонала. Более того, при ответе на открытые вопросы респонденты женского пола описывали случаи дискриминирующего отношения не только со стороны своих начальников и коллег мужского пола, но даже и со стороны клиентов. Нередко мужчины отказываются поступать на работу в организацию, где женщины заняты на топовых должностях либо если ими непосредственно будет руководить женщина. На наши открытые вопросы были получены такие ответы: «Ни за какие деньги не буду работать под руководством женщины,

потому что женщина и руководитель — понятия несовместимые», «Женщины не умеют принимать жестких и серьезных решений», «У женщин по природе нет качеств, необходимых успешному руководителю», «Мужчины в принципе умнее женщин». Гендерная дискриминация со стороны клиента обычно возникает тогда, когда он предпочитает, например, быть обслуженным только женщинами или только мужчинами. Во многих случаях (продажа автомобилей, строительных материалов, бытовой техники и др.) клиенты считают, что женщина априори не может быть компетентна в этих вопросах.

Экспертный опрос руководителей по вопросам найма женщин-работниц показал, что большинство работодателей (61 %) были настроены против найма женщин, но на ряд конкретных должностей в структуре предприятий они предпочитали брать именно их. На вопрос о том, каковы были мотивы предпочтения найма женщин на определенные виды работ, более половины работодателей отметили, что женщины соглашаются на более низкую оплату; 28 % — указали, что женщины-работницы более «послушны и управляемы», чем сотрудники-мужчины; 12 % — объяснили, что женщины более уступчивы в отношении сверхурочной работы. Таким образом, в тех случаях, когда работодатели все же предпочли найм женщин-работниц, это было связано не с высокой оценкой профессиональных качеств работающих женщин, а с безнаказанной возможностью осуществлять в отношении женщин дискриминационные практики, такие как занижение оплаты и предоставление худших условий труда.

Далее, в ходе опроса сотрудников компаний мы попытались выяснить у наших респондентов, насколько часто в их организации соблюдаются формальные и неформальные договоренности. В большинстве своем (62 %) работники отметили, что неформальные договоренности в их организациях соблюдаются обеими сторонами взаимодействия не реже, а иногда и чаще, чем формальные. В то же время работники отмечают, что придают большее значение неофициальным договоренностям с начальством или коллегами, чем официальным правилам (68 %). Женщин среди ответивших «да» оказалось 48 %. Причины этого, скорее всего, кроются в том, что женщины по своей природе более доверчивы, чем мужчины, и поэтому всецело полагаются на вытекающие из неформальных договоренностей обязательства. Да и зачастую боятся отказать начальнику из страха лишиться премии или вообще быть уволенными, поскольку не чувствуют себя достаточно защищенными системой формальных правил.

Результаты экспертного опроса руководителей показали еще ряд интересных фактов. Больше половины респондентов (57 %) отмечают тот факт, что регулярно сталкиваются с несоблюдением неформальных договоренностей со стороны работников. Причем формы проявления этого «несоблюдения» респонденты отмечают самые различные: от простой «забывчивости» до «покрывательства» друг друга и шантажа работодателя. Таким образом, очевидно, что взятые обязательства могут выполняться или не выполняться не только работодателями, но и работниками: в неформальных трудовых отношениях всегда присутствуют две стороны. Поэтому работодатели, вступая в неформальные отношения с наемными работниками, также могут оказаться обманутыми в своих ожиданиях. При этом, по мнению большинства опрошенных, в случае возникновения конфликтов из-за несоблюдения неформальных договоренно-

стей, женщины-работодатели и женщины-работницы менее агрессивны и менее настойчивы в отстаивании своих интересов и соответственно чаще, чем мужчины, оказываются в невыгодном положении и сдают свои позиции.

В отношении природы уступчивости и сговорчивости женщин-работниц на рынке труда исследователи выдвигают две основные гипотезы. Первая — женщины так погружены в семью, что работа имеет для них второстепенное значение. Вторая гипотеза диаметрально противоположна: работа очень важна для женщин и поэтому они вынуждены соглашаться на любые, даже самые дискриминационные, условия, лишь бы получить работу (высокая ценность работы как средства зарабатывания денег и самореализации) [7].

Наше исследование подтвердило скорее вторую гипотезу. Причем мотив самореализации (51 %) оказался для женщин важнее мотива зарабатывания денег (31 %). Еще 18 % опрошенных женщин затруднились ответить.

Обобщая результаты анализа, можно утверждать, что в российских организациях неформальность из явления, существующего в качестве дополнения к формальным нормам и практикам, нередко превращается в основу трудовых отношений. Неформальные отношения часто сознательно формируются и поддерживаются руководством организации, и можно предположить, что на более высоком уровне они косвенно поддерживаются государственной системой [6]. Тем более что в реальной трудовой практике они не изолированы друг от друга, а взаимосвязаны, поэтому четко разделить их не всегда представляется возможным.

Формы проявления и существования неформальных практик распространяются на самые различные области трудовых отношений. Степень их распространения зависит от ряда условий (например, они различны на крупных предприятиях, бывших ранее государственными, и в новых частных структурах). Уровень вовлеченности сотрудников в неформальные отношения также определяется рядом факторов, в том числе и социально-демографического характера. Важнейший из них — гендерная принадлежность субъектов этих отношений.

Анализ ответов женской половины респондентов позволяет сделать вывод о том, что в неформальных отношениях (как и в формальных) женщины находятся в ущемленном положении. Проявления гендерной дискриминации связаны в основном с добровольным согласием женщин на неравные трудовые условия, в силу изначального гендерного неравенства на рынке труда, а также их природной мягкости и доверчивости, дающих возможность работодателю вовлекать женщин в неформальные трудовые отношения, тем более что они более ответственно относятся к неформальным договоренностям, чем мужчины.

Библиографический список

1. Вебер М. Избранные произведения : пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова, предисл. П. П. Гайденко. М. : Прогресс, 1990. 804 с.
2. Заславская Т. И. Структура современного российского общества // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1995. № 6. С. 5—21.
3. Клеман К. Неформальные практики российских рабочих // Социол. исслед. 2003. № 5. С. 13—16.
4. Мелин Х. На пути к обществу рабочего класса: российская классовая структура в 90-е годы // Мир России. 2000. № 2. С. 152—168.
5. Теория и методология гендерных исследований : курс лекций / под общ. ред. О. А. Ворониной. М. : МЦГИ, 2001. 416 с.

6. Токарская Н. М., Карпикова И. С. Социология труда : учеб. пособие / под ред. М. А. Винокурова. М. : Унив. книга : Логос, 2006. 208 с. URL: http://socioline.ru/files/5/316/sociologiya_truda_tokarskaya_n.m_karpikova_i.s_uch_pos_2006_-208s.pdf (дата обращения: 03.02.2014).
7. Хоткина З. А. Новый век — новые проблемы: гендерные аспекты труда и занятости в России // Общество и гендер : материалы Летней школы в Рязани, 1—12 июля 2003 г. Рязань : Поверенный, 2003. С. 150—156. URL: <http://www.gender-cent.ryazan.ru/hotkina.htm> (дата обращения: 15.01.2014).
8. Шершнева Е. Л., Фельдхофф Ю. Культура труда в процессе социально-экономических преобразований : опыт эмпирического исследования на промышленных предприятиях России. СПб. : Петрополис, 1999. С. 119—124.
9. Юрасов И. А. Трудовые отношения в России на современном этапе : (на примере промышленности) // Изв. Пенз. гос. пед. ун-та им. В. Г. Белинского. 2008. № 11. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/trudovye-otnosheniya-v-rossii-na-sovremennom-etape-na-primere-promyshlennosti> (дата обращения: 17.10.2013).
10. Ядов В. А., Барделебен Дж. де. Современное состояние трудовых отношений в России. URL: <http://www.2001.isras.ru/Publications/Yadov> (дата обращения: 12.01.2014).
11. Becker G. The Economics of Discrimination. 2nd ed. Chicago : Univ. of Chicago Press, 1971. 274 p.
12. Granovetter M. The sociological approaches to labor market analysis: a social structural view // The Sociology of Economic Life / ed. by M. Granovetter, R. Swedberg. Boulder : Westview Press, 1992. P. 233—263.
13. What about the Workers? : Workers and the Transition to Capitalism in Russia / S. Clarke, P. Fairbrother, M. Burawoy, P. Krotov. London : Verso, 1993. P. 114—120.

ББК 60.561.6

И. В. Сохань

ПРОИЗВОДСТВО ЖЕНСКОЙ ТЕЛЕСНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МАССОВОМ ОБЩЕСТВЕ: КУЛЬТ ХУДОБЫ И ТИРАНИЯ СТРОЙНОСТИ

Принимая во внимание устойчивость воспроизведения культа худобы современным массовым обществом, нельзя не согласиться с тем, что причины этого феномена глубоки и указывают на серьезные трансформации, которые произошли с практиками конструирования телесности, в том числе и с гастрономической практикой, являющейся одной из базовых для производства нормы тела. Заложницей императива худобы оказывается преимущественно женщина, телесность которой является прицельным объектом давления разнообразных риторик социокультурного поля: моды и рекламы, стандартов гламура (заменившего собой архетипические варианты красоты), требований социальной ус-

© Сохань И. В., 2014

В работе использованы результаты, полученные при реализации проекта № 12-01-0001, выполненного в рамках программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2013—2014 гг.

пешности (связанной с привлекательной внешностью, а значит, и со стройностью). Все это инициирует и поддерживает стандарт худого женского тела, ведь «внешний вид тела имеет один-единственный смысл — привлекательность, которая ничем не отличается от привлекательности платьев в мире моды» [8, с. 179]. Красота не просто опирается на культ худобы, но сливается с ним: быть красивым и быть худым сегодня означает одно и то же, и в этом смысле тирания красоты становится и тиранией худого тела с многочисленными патологическими эффектами — в том числе и пищевыми расстройствами. Действительно, актуальные пищевые девиации представлены полюсами ожирение/анорексия, причем с аксиологической точки зрения анорексия даже более предпочтительна, т. к. связана с культурной традицией пищевой аскезы, гастрономического минимализма, производящего более духовное тело. Христианская матрица негации телесности, которая побуждает отказываться от еды, в случае анорексии становится отрицательной формой зависимости, особенно в условиях навязчивости пищевого потребления.

Проблема культа худого тела, навязывания женщине несбыточных идеалов стройности, коррелирующих с опасным для жизни и здоровья пищевым минимализмом, тирании и так называемого фашизма худобы, давно стала актуальной для западных исследователей. С. Бордо [12, 13], К. Чернин [14, 15], Ж. Липовецкий [6], К. Уоллерстайн [11], Д. Моррис [9] анализируют репрессивные практики конструирования женской телесности. М. Дармон в работе «Развитие анорексии. Социологический подход» [16] рассматривает анорексию как форму девиантного поведения. Анализ пищевых девиаций, связанных с доминантой нормы худого тела, становится все более важным направлением исследований проблемы конструирования женской телесности, где рассматриваются не только социальные и культурные причины навязчивости худобы, но и микроуровень продуцирования патологических явлений, с ней связанных. В своей ставшей классической работе о власти С. Льюкс пишет о дисциплинировании женского тела, в частности о худобе, забота о которой стала частью биополитики [7, с. 144—145].

В данной статье при анализе худобы акцентируется связь ее и специфики современного гастрономического потребления, вариации которого достаточно разнообразны — от навязчивой тотальности фаст-фуда до диетических стратегий, подразумевающих дополнительную осведомленность потребителя о том, что и как он ест. Худоба стала выражать новый тип власти над миром и независимость индивида, незагрязненность его телесности эмпирическими значениями, продолжая свойственную христианству идею об освобождении от эмпирической реальности, рассматриваемой в качестве темницы для тела. Несмотря на истинность риторик относительно фашизма и тирании худобы, которые выступают новым типом дискурса о женском теле все с той же целью вписывания его в патриархальную социокультурную структуру, худое тело «обрастает» новыми смысловыми коннотациями в условиях деконструкции гастрономических практик потребления, связанных с господствующей телесной нормой. Изменения в стилях питания, техногенные трансформации качества пищи подчеркивают ценность худого тела в качестве наиболее дистанцированного и свободного от материальной плотности. Методология исследования носит комплексный характер

и основана на сочетании феноменологического анализа, социокультурного подхода, психоанализа и дискурс-анализа.

Итак, максимально желаемым, важнейшим качеством телесности (как основы для красоты) худоба/стройность стала в следующих условиях:

— избыточное пищевое потребление, навязываемое массовым обществом (желаемая норма телесности базируется на трудновыдерживаемых гастрономических стратегиях, потому что они должны противостоять навязываемой избыточности);

— приобретение ею значения маркера высокого социального статуса;

— воплощение ею значения символа власти (продолжение воспроизведения традиционной семантики худобы как символа власти духа над телом);

— приобретение гендерной акцентуации (выражение хрупкости и эфемерности побуждающего к заботе-о-себе женского тела);

— атмосфера гламура, когда красота и худоба стали практически тождественными понятиями, потому что культура гламура предлагает разного рода искусственные заменители красоты, но инсталлироваться они должны в соответствующую основу — худое тело.

В современном обществе худоба актуальна и по причине накладываемой на тело универсальной мерки сексуальности/несексуальности: худое тело выступает эротическим знаком, самым конвертируемым как в реальной экономической сфере, так и в когерентной ей экономике желаний. Появилась специфическая терминология, характеризующая дискурс высказываний о теле и его привлекательности: лукизм (от англ. *look*; дискриминация на основе привлекательного внешнего вида), вейтизм (от англ. *weight*; дискриминация на основе чрезмерного или недостаточного веса, но преимущественно чрезмерного), хайтизм (от англ. *height*; дискриминация на основе роста), сайзизм (от англ. *size*; дискриминация на основе размера одежды, т. е. на основе веса). Эта терминология мигрирует и в русский язык по мере усвоения опыта научного высказывания об этих проблемах, наиболее выраженной среди которых является, конечно, проблема лишнего веса, как раз в силу перечисленных выше причин. Таким образом, стигма ожирения — одна из основных причин дискриминации женщин в мире, где идея красоты и связанной с этим дисциплины приобретает характер прокрустова ложа и задает параметры социального исключения/социальной включенности.

Традиционно положительное восприятие худого тела опиралось на его статус в качестве маркера независимости человека от негативно воспринимающегося материального мира, эмпирической реальности, которая загрязняет плоть, соответствующим образом влияя на душу. Возможность иметь худое тело также связывалась с минимальным пищевым режимом, предпочитаемым его носителем, со способностью контролировать потребность в пище и не нуждаться в еде материальной, отдавая предпочтение питанию духовному. Модификацией духовности в современном обществе потребления выступает форма ложного экзистирования¹ —

---

¹ Такие экзистенциалы, как свобода, смерть, тревога и др., выражают специфику бытия человека (как оно раскрывается в этом мире). Но, сводя возможность своего экзистирования к потреблению, человек позволяет последнему поглотить, пусть и, казалось бы, приятным способом, свою экзистенцию, растворить ее в мире вещей и отношений между ними, превратив и себя в вещь.

способность к потреблению. Так же как духовный статус предполагает сублимацию бессознательных импульсов в метафизические формы, так и способность к потреблению — утонченному и не стихийному, но одобряемому модой и поэтому бесконечно воспроизводящемуся — инициируется неким сублимирующим механизмом, при котором импульсы бессознательного конвертируются в конкретные желания. Последние вовсе не недостижимы, а реализуемы в доступных потребительских траекториях.

Изменилась традиционная культурная роль женщины — роль матери, кормящей и заботящейся о ближних, телесная репрезентация которой — полнота, символизирующая отдачу и устойчивость. Актуализировавшаяся женская свобода, ценности самоопределения, выбора и власти над своей жизнью ассоциируются с худобой: «Для многих веков европейской эстетики худое женское тело — это еще и аллегория монструозного. Если полнота и мягкость неизменно ассоциировались с покладистой домашней женщиной, то анорексичное тело вызывало у зрителей страшные предчувствия» [9, с. 220]. Таким образом, полное тело воспринималось как гарантирующее заботу и безопасность, могло также ассоциироваться с беременностью, тем более что это состояние было наиболее естественным для замужней женщины в традиционном обществе. В то время как худое тело выглядело прерогативой как молодой женщины, так и мужчины. У молодой женщины оно маркировало ее потенциал, отсутствие еще особых земных забот, особую эфемерность бытия. Мужчина же должен был выглядеть как активный и подвижный, годный для выполнения своих мирских задач. К тому же в традиционном обществе довольно устойчивая ассоциация полноты и тучности связана с телом человека, облеченного властью. Он мог обладать особой, статусной полнотой, связываемой с масштабом его ответственности и решаемых задач относительно обустройства и благополучия всего общества и поддерживаемой специальным гастрономическим режимом (сегодня мы бы его оценили как весьма избыточный и чрезмерно деликатесный).

Современные практики заботы-о-себе, в большинстве своем, включают гастрономическое нормирование и необходимость следовать тем или иным диетическим предписаниям. Ж. Липовецкий отмечает скрытый, но мощный конфликт между гастрономической сферой и связанной с ней нормой тела: «Если наша культура и выступает свидетелем тирании фигуры, то наряду с этим она отмечена также снятием ограничений с обычаев, регламентирующих питание, с отменой общественных установлений, касающихся приема пищи... Если к нему предъявляют все более суровые эстетические требования, то одновременно с этим другие социальные принуждения, вроде тех, что связаны с приемом пищи, ослабевают, а это открывает путь для импульсивного и неупорядоченного поведения, которое и приводит к набиранию веса» [6, с. 212]. Сегодня факт худобы является самоценным, даже если за ним не стоит минимальный гастрономический режим, а чрезмерное потребление пищи оценивается в качестве порочного, только если ведет к формированию ненормативного образа тела². Одним

---

² На уровне бытовой культуры, мифологии и стереотипов массового сознания постоянно воспроизводится проблема неограниченного пищевого потребления и сохранения нормы худого тела. В частности, навязчивая реклама средств для похудения базируется именно на желании потребителя не контролировать прием пищи и одновременно худеть.

из главных смысловых посылов худобы оказывается власть — прежде всего власть над собой, чувственной эмпирической природой (низовой по отношению к духовному предназначению человека); в современном массовом обществе — это, скорее, власть над миром, способность оставаться независимым от него в условиях перманентных гастрономических соблазнов. Уже неважно, как достигается эта независимость — волевым отказом или реальной ненуждаемостью в пищевом разнообразии и его интенсивности. Еще более актуальна независимость в условиях активного гастрономического потребления: человек ест, но его тело остается худым, репрезентируя власть над миром, который, даже проникая внутрь, перерабатывается, не нарушая телесной границы. Этот тип власти выражает также статусный характер худобы, что соотносится со стратегиями гастрономического потребления, нацеленными на экологическую пищу, диетические программы, противоположные быстрой еде, возможность выбирать пищу, а не быть принужденным к ней вследствие социальных и экономических причин. Несмотря на распространенность и популярность быстрой еды, становятся все более востребованными различные гастрономические траектории, связанные с осмыслением психологического и культурного значения той или иной пищи, возможностью реализовывать практики ее приготовления и организации соответствующего гастрономического пространства потребления, с увеличением коммуникационного компонента трапезы. Основные гастрономические дискурсы модных журналов могут быть систематизированы следующим образом:

— эстетические, когда еда важна сначала как объект визуального потребления (с этим связано и повальное увлечение фотографировать то, что ешь, и выкладывать в личные блоги), тем самым выступая слепком с представлений о высокой кухне;

— диетические, сопровождающиеся рекомендациями о полезности, информацией о количестве калорий и витаминах;

— просветительские, увязывающие репрезентируемое блюдо и рецепт с его историческим прошлым и культурными коннотациями. Получается, важно еще и обладать знанием о том, что ты ешь. Возможно, усиление просветительского дискурса связано и с ослаблением правдивого информирования о подлинном происхождении продуктов;

— технические, связанные с подробным и доступным изложением технологии приготовления того или иного блюда и расширяющие представление о собственных возможностях гастрономических экспериментов.

Существенную роль в выборе собственной диетической траектории играет то, какой тип тела она продуцирует, какой видит себя осуществляющая ее персона. Если проанализировать гастрономические высказывания публичных персон, чье мнение зачастую является экспертным для потребителя, то можно обнаружить, что существует четко озвучиваемая закономерность между репрезентацией своих пищевых предпочтений и образом телесности. Основным дискурсом здесь — дискурс здоровой пищи, необходимо сочетающийся с гастрономической эстетизацией, подразумевающей, как результат, здоровое и эстетичное тело.

Нельзя сказать, что мужчина совсем исключен из-под влияния императива худобы, однако можно констатировать, что требования к мужской телесности сильно смягчены в силу устоявшихся стереотипов относительно особенностей

мужской и женской идентичности. Если обратиться к опыту психоаналитических исследований, то обнаруживается, что проблема ожирения является преимущественно женской проблемой. Р. Комер отмечает, что профессиональная деятельность мужчин, страдающих от пищевых девиаций, связана с необходимостью телесной репрезентации, в то время как женщины тотально испытывают давление необходимости быть худой [5, с. 243—244]. Хотя исследованный М. Вудман механизм формирования ожирения и анорексии, вне всякого сомнения, носит универсальный характер, он основан на выводах, полученных в ходе работы с женщинами-пациентками, в процессе лечения которых и было написано исследование об ожирении, нервной анорексии и подавленной женственности [3]. Согласно его автору, пищевые расстройства вызываются травмой феминности, которая может быть представлена и у мужчины — например, как затрудненная связь со своей феминностью, вследствие чего она представляется угрожающей маскулинной идентичности и заставляет рассматривать свое тело под транслированным общественными риториками критическим взглядом, с точки зрения актуального стандарта красоты. Этот вывод, специальный для проблемы ожирения и анорексии, обычно дополняется объяснением, касающимся природы зависимостей вообще, в число которых входит и пищевая.

Кроме того, необходимо обратить внимание на такую сопутствующую и неоднозначную проблему, как подмена красоты гламуром. Специфическое отличие красоты от гламура³ в том, что гламур превращает тело в эстетический знак с обязательным эффектом эротизации, в то время как телесная красота традиционно должна выступать маркером душевно-духовной природы человека. Гламурный стандарт телесности декларирует торжество преобразованной плоти, идеальное тело гламура — это тело манекена, материальность которого представлена пластиком — полностью искусственной субстанцией, отказывающейся подчиняться природным циклам энтропии. Гламур отождествил красоту с худобой, которая, в приобретенном статусе в качестве необходимо достигаемой любыми путями, и стала своего рода тиранией тела.

В теории праздного класса Т. Веблена анализируется особый тип праздности, реализуемый женой в почтенном буржуазном семействе, в то время как муж занят трудовой деятельностью, которая производит материальный ресурс, в том числе и для дополнительной эстетизации жизни. Именно в эпоху расцвета буржуазии произошла специфическая гендерная передача «праздных

---

³ Гламур — дополнительный функционал любого знака-объекта потребления, создающий эффект дополнительной эстетизации, особой красоты, вхождения в мир роскоши и люкса, всего того, что конструирует телесную идентичность по канонам красоты общества потребления (массового общества) и превращает тело в желанный знак эротического. По мнению С. Гандла, автора книги «Гламур», этот феномен возник еще в XVIII в. в европейской культуре, когда буржуазия, имеющая финансовые основания для своего существования, но не имеющая предикатов статуса, не обладающая маркерами отличия ее от простого народа — в плане красоты, вкуса к высокой эстетике и особым стилевым отличиям практик жизни (т. е. всем тем, что принадлежало аристократии), к этим предикатам и маркерам устремилась. Оказалось, что купить можно если не саму красоту, аристократические манеры и т. д., то знаки, которые их обслуживают. Поэтому гламур — это эрзац красоты.

полномочий», которые ранее принадлежали элите, и преимущественно мужчинам. Деньги мужа напрямую коррелируют со степенью праздности, обеспечиваемой им своей жене, которая и становится основной потребительницей материальных ценностей и роскоши, при этом необходимо эстетизируя и утончая (истончая) свой внешний облик. В этом случае женщина должна иметь соответствующее тело, демонстрирующее именно то, что она не работает, но потребляет, — и это тело худое. Таким образом, культурная доминанта худобы стала таковой в европейской культуре с XIX в., когда сформировался особый, буржуазный тип праздного класса и худоба женщины в качестве представительницы этого класса подчеркивала ее высокий социальный статус, в отличие от женщины более низкого социального положения, вынужденной много работать [2].

Специфика худого тела маркируется его относительной эфемерностью, демонстрирующей неспособность к тяжелому производительному труду, и особым типом гастрономического потребления, в основе которого лежит высокая степень дистанции по отношению к пище. Эта дистанция наполняется различными формами гастрономического этикета, которые делают трапезу формой, вмещающей разного рода коммуникации, а пищу — материальным носителем сложных культурных значений. В этом случае первичное удовольствие от еды сублимируется, оно уже не выступает ожидаемой наградой за тяжелый производительный труд, характерный для низших социальных слоев. Анализ эволюции гастрономического этикета в европейской культуре показывает, что стратегическая цель его развития и усложнения — создание дистанции между человеком и пищей как его первичной биологической потребностью, потому что чем больше дистанция — тем больше культурных значений сложного и трансформирующего характера могут быть в ней реализованы. «Человек есть то, что он ест» — аскетическая простая пища инициирует формирование аскетической же плоти, отстраненной от «этого», эмпирического, мира. Пища обильная и простая формирует тело труженика; пища обильная и сложносочиненная формирует тело чревоугодника, чей социальный статус может несколько варьироваться, но чей экономический статус должен быть достаточно бесспорным. А тело аристократа формирует пища сложная, деликатесная, но в то же время сопровождающаяся такими практиками ее потребления, которые отражают сильную степень дистанции человека по отношению к пище.

Вместе с женской эмансипацией изменяется мода, обнаруживая, что предпочтительным для социальной репрезентации является именно худое тело. Ж. Бодрийяр настаивает, что мода в обществе массового потребления может перейти любые границы, кроме одной, незыблемой — границы различения толстого и худого тела [1, с. 182]. Как верно заметил Ж. Липовецкий, по мере опрощения и разнообразия моды усиливается значимость стандарта телесности и эстетической нормы, с ней связанной: «Если мода в области одежды становится все менее настоящей и ей отводится в бюджете все меньше места, то критерии красоты тела заявляют о своем торжестве с удесятеренной силой. Чем менее единообразна мода, тем с большей очевидностью стройное и сильное тело превращается в общепринятую норму» [6, с. 195]. Таким образом, или одежда является средством нормирования внешности, или представление о том, каким должно выглядеть тело, чтобы удовлетворить общественные

и культурные требования, а также реализовать связанные с этим дисциплинарные практики. При этом даже негласные и функционирующие на полубессознательном уровне стереотипы также выполняют дисциплинарную роль: социальная компетентность предполагает поддержание тела в соответствующем состоянии, а нынче это худоба. Толстяки подвергаются исключению, даже если оно не явное, а подразумеваемое. Одежда уже не конструирует тело, а предоставляет возможность показать его, в то время как ранее «модная одежда служила в значительном числе случаев “покровом” тела: несовершенное тело снабжалось большим количеством материи, покровов, украшений и условностей и после этого становилось образцово привлекательным с точки зрения господствующей культуры» [8, с. 181].

Мода, обнажившая тело, усилила его эстетическую ценность как таковую, преодолев свою функцию эстетизации в качестве доминирующей, оставив себе только возможность давать пространство собственно телу проявить свои качества. Такая мода демонстрирует миру прекрасное обнаженное тело, не желая его скрывать и корректировать⁴. Поэтому идеал женской красоты — это худое тело в качестве «чистого холста, на котором можно было бы написать прекрасные портреты любых обитателей мира грез» [4, с. 315]. Так осуществился переход от внешней формы дисциплинирования, когда мода, ориентированная на закрытие тела, тем самым моделирует его внешним образом, к иной форме дисциплинирования, когда мода открывает тело человека, но социальные и культурные требования к его эстетической форме таковы, что требуют от индивида больших личностных усилий в отношении самодисциплины, иначе он подвергается социальному исключению.

В исследованиях по психологии и психоанализу пищевых расстройств часто встречается устойчивый вывод о том, что полные женщины склонны заботиться о других, лишая питания прежде всего себя. Идея внутреннего питания, которое полный человек стремится подменить питанием внешним — земной пищей, присутствует в религиозно-философских комментариях относительно желаемого статуса телесности. Питаться себя — это значит не нуждаться во внешнем, но признавать свою онтологическую достаточность. В этом случае человек не будет склонен к пищевой зависимости. Полнота — следствие того, что эмпирический мир был излишне впущен в человека и душа стала превращаться в тело, по словам Порфирия. Худоба же свидетельствует о практически божественной самодостаточности и ненуждаемости в Другом и других. Символически превращение души в тело — это и есть уменьшение внутреннего питания и признание, на уровне физического облика, излишней зависимости человека от окружающего мира. Возможно, поэтому полное тело не может быть достаточно эстетизировано и ценно признано в дискурсе массовой культуры; мода, кино, глянец отвергают его или воспринимают как объект и способ иронии.

Современная ситуация с культом худобы хотя и выглядит противоречивой, но позволяет сделать довольно четкие выводы:

---

⁴ Вот почему топ-модели задают недостижимый для большинства женщин телесный идеал, провоцируя анорексию и разного рода неврозы. Такое тело и отражает суть современной моды — продемонстрировать совершенную, идеальную плоть.

— худоба связана с новым образом и новыми возможностями женской реализации, которые можно назвать посттрадиционными. Роль женщины не сводится к материнской, выражающейся в этическом и аксиологическом дискурсе заботы-о-другом; доминирующим оказывается дискурс заботы-о-себе;

— императив худобы обладает высоким дисциплинирующим потенциалом. Культура, в которой преобладают визуальные репрезентации реальности, акцентирует бытие прежде всего как бытие-под взглядом-Другого, где Другой определяет значимость рассматриваемого им объекта, а ценность последнего определяется прежде всего способностью остановить на себе взгляд Другого и заставить его любоваться собой;

— с точки зрения как экономики желаний, так и когерентных ей экономических процессов массового общества культ худобы поддерживается многочисленными дискурсами и субдискурсами потребления. Фармацевтическая индустрия, диетологическое информирование, косметические концерны, глянец и СМИ, пластическая хирургия — все эти ресурсы формируют и обслуживают потребность в стройном теле. Идея о худобе как основе красоты и важнейшем качестве феминности приносит постоянные дивиденды;

— стройное тело является и социальным капиталом: порядок как социального успеха, так и социального исключения во многом связан с худобой и красотой, как и работа так называемых социальных лифтов. Хотя это не проговаривается и не артикулировано формально, худоба связывается и с интеллектом: образ интеллектуальной женщины в европейской культуре часто сочетался с образом худого, на грани анорексии, тела. По-видимому, здесь присутствует та же идея внутреннего питания, в данном случае связанного с интеллектуальной деятельностью и знаниями;

— в современной массовой культуре, где человек, окруженный соблазнами интенсивного потребления окружающего мира, склонен к разного рода зависимостям, худоба по-прежнему несет в себе смысл свободы от загрязняющих эмпирических значений. Худой человек воспринимается как независимый от низовой части своей природы, опирающийся на внутренний источник питания;

— женская худоба отождествлена с красотой, худое тело соответствует эстетическим требованиям погруженного в визуальное потребление массового человека и является наилучшим в роли манекена, объектом сосредоточения на себе взгляда Другого.

Библиографический список

1. *Бодрийяр Ж.* Общество потребления : его мифы и структуры : пер. с фр. М. : Культ. революция, 2006. 269 с.
2. *Веблен Т.* Теория праздного класса : пер. с англ. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 368 с.
3. *Вудман М.* Сова была раньше дочкой пекаря : ожирение, нервная анорексия и подавленная женственность : пер. с англ. М. : Когито-Центр, 2010. 176 с.
4. *Гандл С.* Гламур : пер. с англ. М. : Новое лит. обозрение, 2011. 384 с.
5. *Комер Р.* Патопсихология поведения. Нарушения и патологии психики : пер. с англ. М. : Прайм-Еврознак, 2005. 640 с.
6. *Липовецкий Ж.* Третья женщина. Незыблемость и потрясение основ женственности : пер. с фр. СПб. : Алетейя, 2003. 512 с.

7. Льюкс С. Власть : радикальный взгляд. М. : ИД ГУ ВШЭ, 2010. 240 с.
8. Менингхаус В. Цена красоты: польза и вред от ее обожания // Логос. 2009. № 4/5 (72). С. 177—185.
9. Михель Д. Ужасные отражения материнского тела: примеры гендерных политик на Западе в современную эпоху // Гендерные исследования. 2000. № 4. С. 203—226.
10. Моррис Д. Голая женщина. М. : Эксмо, 2009. 384 с.
11. Уоллестайн К. Худоба и эстетика отверженности в современной модной рекламе // Теория моды. 2006. № 1. С. 115—137.
12. Bordo S. Reading the slender body // Body/Politics : Women and the Discourse of Science / ed. by M. Jacobus, E. Fox Keller, S. Shuttleworth. London : Routledge, 1989. P. 83—97.
13. Bordo S. Unbearable Weight : Feminism, Western Culture, and the Body. London : University of California Press, Ltd., 1993. 343 p.
14. Chernin K. The Obsession : Reflections on the Tyranny of Slenderness. New York : Harper & Row, 1981. 240 p.
15. Chernin K. The Hungry Self : Women, Eating, and Identity. New York (NY): Times Books, 1985. 212 p.
16. Darmon M. Devenir anorexique : une approche sociologique. Paris : La Decouverte, 2008. 350 p.

ББК 60.561.51

Л. Л. Шпаковская

ДИСКУРСИВНОЕ ПРОИЗВОДСТВО СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА МАТЕРИНСТВА

Материнство является важным элементом повседневного опыта многих женщин, а также значимым основанием для формирования женской идентичности. В современном мире знания о родительстве, материнстве и детстве, об отношениях родителей и детей не заданы традицией, а (вос)производятся в конкретных социально-политических и культурных условиях. При этом некоторые формы знания о родительстве приобретают статус «истины», некоторые модели родительства и заботы о детях начинают рассматриваться как «хорошие» или «правильные», а другие — как вредные и даже опасные. Процесс создания истины и нормативных представлений о родительстве и заботе о детях чрезвычайно сложен, в нем участвуют (и вступают в символическую борьбу) политики, эксперты, СМИ, сообщества родителей. Проблематика материнства как особого дискурсивного конструкта достаточно мало исследована. Вместе с тем она является чрезвычайно продуктивной для понимания специфики воспроизводства различий социальных ролей мужчин и женщин, гендерного и социального порядка.

© Шпаковская Л. Л., 2014

В статье использованы результаты, полученные при реализации проекта «Родительство в современной России: политика, ценности и практики», выполненного в рамках программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2012—2013 гг., грант № 12-05-0017.

Данная статья ставит своей целью очертить теоретические направления анализа материнства на основе концепций дискурса, биовласти, управления и класса, а также предложить направления их использования для изучения материнства в России. Статья написана на материалах исследования, посвященного анализу культурных моделей родительства в современном российском обществе, в рамках которого были собраны интервью с экспертами по вопросам детства и родительства (детские врачи, педагоги дошкольных образовательных учреждений, психологи, авторы и редакторы популярных изданий для родителей), проанализированы научно-популярные книги советов для родителей детей дошкольного возраста и специализированные глянцевого журналы для родителей, изданные в России в период 2009—2013 гг.

Индивидуализация неравенств и рефлексивное родительство

Современные социальные науки утверждают, что индивидуальные биографии постепенно освобождаются от норм, традиций и требований, которые некогда определяли течение жизни людей [16, 20]. Сегодня социальные роли и идентичности не являются жестко заданными и предоставляют возможности выбора из довольно широкого набора культурных образцов, выступают результатом личного решения на основе доступных ресурсов, собственных вкусов и предпочтений. Индивиды принимают решения, связанные с образованием, профессией, семьей, стилем жизни. Например, такие биографические события, как брак, выбор брачного партнера, планирование и рождение детей, стиль родительства и принципы воспитания, представляют собой открытые вопросы [6, с. 118].

Э. Гидденс называет такую способность к осуществлению выбора индивидов и социальных институтов рефлексивностью. Рефлексивность дает возможности индивидуальной свободы и самореализации [20, с. 26]. Однако обратной стороной ее становится ответственность, которую принимают на себя индивиды за свою жизнь, за социальный успех или поражение. Социальные неравенства и социальные проблемы начинают объясняться личными склонностями и способностями. Иначе говоря, те, кто не смог добиться социального успеха, склонны скорее винить в этом самих себя, чем видеть результат действия социальных ограничений [3, с. 112]. В этих условиях возрастает роль тех социальных агентов, которые производят и распространяют знание, придают значение практикам: врачей, психологов, педагогов, социальных работников, различных консультантов и тренеров. Они помогают делать компетентные выборы, дают советы, транслируют те или иные системы знаний через СМИ, продукты массовой культуры, рекламу [30, р. 25].

Теории индивидуализации и рефлексивной модернизации показывают, что семья и родительство также претерпевают изменения [16, 17, 18, 20]. Утверждается, что эти сферы жизненного опыта приобретают смыслы, связанные с индивидуальным выбором и личной удовлетворенностью. В частности, современное родительство выстраивается вокруг качества детско-родительских отношений, оно связано с рефлексией, эмоциональной работой и особым вниманием к построению родительских ролей и идентичностей [10, с. 215].

Оно не формируется на основе традиций и опыта, передаваемого женщинами из поколения в поколение в рамках семьи, но предполагает освоение каждым поколением матерей и отцов актуального экспертного знания относительно того, как стать «хорошим» родителем, социализироваться в этой роли [6, 10]. Доступный набор моделей родительства и родительских практик существенно расширяется и становится объектом выбора и индивидуального решения. Важным следствием данной трансформации родительства выступает переопределение родителя (и прежде всего матери) в качестве основного агента, ответственного за успешную социализацию и обеспечение благополучия ребенка. Эти тенденции изменений родительства и материнства фиксируются исследователями в западных странах. В России их наличие также признается, несмотря на разную оценку их смысла и степени охвата российского общества. В частности, паттерны материнства расширяются за счет внебрачных рождений, отложенного родительства, разводов, повторных браков, одинокого родительства. При этом разные типы материнства в неравной степени распространены в разных социальных слоях российского общества и зависят от уровня образования и дохода женщин и их семей [5]. Утверждается также, что практики современного рефлексивного неимперативного родительства ограничиваются средой городского образованного среднего класса [7, 14].

Нормализующий дискурс материнства

По мнению М. Фуко, рост значения индивидуального выбора и роли экспертов связан с трансформацией форм власти и управления в современных обществах. Экспертное знание представляет собой относительно новую форму контроля населения и управления им, возникшую в начале XX в. Фуко называет такие формы контроля биовластью [19, р. 202]. Под биовластью понимаются техники нормализации и контроля человеческих тел, имеющие своей целью сделать их более послушными и продуктивными [26, р. 466]. Они находят воплощение в различных процедурах сбора информации о населении, например статистических данных о смертности, рождаемости, продолжительности жизни, здоровье. Агентами этой власти становятся эксперты как носители знания, на основе которого они производят представления о норме и девиации поведения, интеллектуальных способностей, телесных качеств индивидов.

Управление через медиа, социальную политику, образование, здравоохранение имеет имплицитный интерес в формировании особого типа субъективности индивидов [25, р. 2]. Такие индивиды действуют не на основе внешнего директивного контроля, они могут управлять своим поведением и эмоциями самостоятельно, ориентируясь на заданные образцы нормальности. В частности, поведение матери находится под наблюдением множества специалистов: от врачей, часто включающихся в процесс мониторинга состояния матери на самых ранних стадиях беременности или даже подготовки к зачатию, до социальных работников и педагогов, контролирующих процессы домашнего воспитания вплоть до наступления совершеннолетия ребенка. От матери ожидается, что она будет компетентной, будет располагать необходимыми знаниями о «правильной» заботе и воспитании, следовать советам экспертов.

Иначе говоря, материнство дискурсивно нормализуется через эксплицитные оценки состояния здоровья, благосостояния, уровня компетентности и форм поведения матери со стороны экспертов. Материнство оказывается точкой пересечения множества конкурирующих дискурсов, которые борются за определение того, что составляет «интересы ребенка», «правильные» родительские практики и «хорошую заботу» [23, р. 262]. Процессы производства нормы часто оказываются скрытыми, замаскированными риторикой личного выбора и стремлением матери дать ребенку «все самое лучшее». Вместе с тем матери не являются пассивными потребителями экспертного знания, они участвуют в борьбе за значение материнства и определение границ нормы. В этой борьбе важную роль приобретают сообщества родителей, часто виртуальные, где матери обсуждают и осмысливают свой опыт взаимоотношений с детьми, проводят собственную экспертизу советов врачей, педагогов, товаров для детей и вырабатывают собственное коллективное мнение по этому поводу [2, с. 84; 11, с. 99].

Современные технологии власти переопределяют содержание и смысл материнства. Мать становится особенно значимой смысловой фигурой, поскольку она воспринимается экспертным и политическим дискурсом (как либеральным, так и консервативным) как основной агент, ответственный за воспитание ребенка и поддержание семейных отношений. Женщины видятся ответственными за эмоциональный климат в семье, за ведение домашнего хозяйства. Именно женщин обвиняют в неспособности сохранять семейные отношения, идти на уступки, нежелании посвятить себя семье вместо карьеры или стремлении разрушить традиционные семейные ценности. Нуклеарная «полная» гетеросексуальная семья рассматривается в качестве «ячейки общества», социального порядка и социальной стабильности [13, с. 24]. В свою очередь, правильное воспитание и хорошая забота о ребенке рассматриваются как условие формирования социально компетентного индивида и гражданина. Таким образом, женщине приписывается ответственность за производство «хорошего общества», «хорошего гражданина» и социального порядка в широком смысле [25, р. 38—39]. В немалой степени современный политический и интеллектуальный интерес к материнству вписан в данный смысловой конструкт.

Дискурсивная модель материнства подразумевает модель ребенка. Детство как отдельный этап жизненного цикла человека, требующий особого отношения со стороны взрослых и обладающий самостоятельной ценностью в культуре, стало одним из открытий эпохи капитализма [1]. В рамках этого культурно-исторического конструкта родительство как комплементарная роль приобретает особое наполнение, связанное не только с обеспечением биологических потребностей, но и формированием личности, эмоциональной заботой о ребенке. При этом мать определяется в качестве основного родителя.

Дискурсивная модель ребенка включает представление о нем как от рождения «хорошем», талантливым и обладающим уникальной индивидуальностью. Задача родителя состоит в том, чтобы максимально раскрыть в нем эти качества. Если ребенок оказывается «плохим» (например, умственно или физически неполноценным, склонным к делинквентному поведению), то это происходит потому, что общество и родители (прежде всего мать) не предоставили ему необходимых условий. Например, такой образ ребенка можно обнаружить

в книгах популярных советов для родителей по воспитанию детей, в массовой продукции, рекламе, а также маркетинговых стратегиях производителей товаров для детей. Скажем, российские журналы для родителей дают читателям советы, как осуществлять развитие своих детей. Развитие состоит в раскрытии внутреннего потенциала путем формирования стимулирующей среды (цветовая гамма интерьера жилья, игрушки, музыка, занятия с родителем). При этом развивающие действия родителя должны быть сензитивными, отвечающими на запросы и склонности ребенка. Такой сензитивностью обладает мать, которая работает над созданием тесного эмоционального контакта с ребенком с самых первых минут его жизни, включена в рутинную заботу, а потому может в дальнейшем отслеживать любые изменения состояния ребенка, отмечать проявления тех или иных его склонностей, гибко реагировать, предлагая ему именно те занятия, которые будут способствовать развитию этих склонностей. Отцу также предлагается выработать стиль родительства, направленный на развитие и раскрытие способностей ребенка, но его роль представлена либо как помощника матери, либо как родителя, берущего на себя ограниченный набор действий под общим руководством матери (занятия с сыном математикой, поход в выходные в театр, приготовление детских суши по выходным). Авторитарный стиль воспитания, различные формы принуждения и тем более физического воздействия на ребенка (наказания) осуждаются в связи с тем, что они не позволяют раскрыть его потенциал и делают процесс родительского воспитания неэффективным.

Нормативная модель материнства также предполагает компетентное родительство, связанное с освоением широкого набора знаний в сфере детской физиологии и психологии. В частности, популярная литература для родителей, глянцево-журналы и мнения экспертов содержат идею о том, что взросление ребенка состоит из определенной последовательности этапов или фаз развития, каждая из которых соответствует его определенному возрасту, связана с наличием определенных физиологических характеристик и освоением определенного набора моторных, когнитивных, эмоциональных навыков. Если развитие ребенка не соответствует данным этапам, оно маркируется как не соответствующее норме, он считается «не совсем здоровым», «особым», имеющим «ограниченные возможности». От родителя ожидается освоение знаний о развитии ребенка, постоянный мониторинг его состояния на их основе и обращение к экспертам в случае обнаружения первых признаков отклонения от нормы. Например, сензитивная мать может обнаружить первые симптомы болезни или отклонения в развитии и обратиться к врачу с целью получения более детальных инструкций для коррекции и нормализации состояния ребенка.

Класс и материнство

Опыт материнства является социально дифференцированным. Современные теоретики обращают внимание на то, что осуществление выбора и реализация нормативных образцов материнства невозможны без определенного набора культурных и экономических ресурсов, а потому оказываются недоступными для ряда социальных групп. При этом разные классово укорененные

типы материнства репрезентированы по-разному и получают разную моральную оценку [25, р. 82]. Они также субъективно переживаются: от гордости и удовлетворенности собой до чувств стыда и вины, выраженных утверждением «я плохая мать» [9].

Обсуждение практик материнства связано с анализом ресурсов, которые задают условия для их реализации. Развивая идеи П. Бурдье о решающей роли культурного капитала в процессах воспроизводства социальных неравенств на основе стилей жизни и вкусов [4], исследователи подчеркивают, что этот капитал аккумулируется не только в образовательных учреждениях и социальном окружении: ведущая роль в его формировании принадлежит семье [24].

В семье дети приобретают определенные способы мышления, наборы когнитивных диспозиций и предпочтений. При этом центральное место в передаче культурного капитала отводится матери, поскольку, как правило, она тратит наибольшее количество времени на выполнение заботы и воспитание детей. Забота, осуществляемая матерью, отражает ее культурный, экономический и социальный капиталы [22, 27, 28]. Иначе говоря, осуществление заботы, вписанной в классовый стиль жизни, отвечающей определенным вкусам и эстетическим представлениям, невозможно без наличия экономических ресурсов, вкусовой предрасположенности матери, а также времени, которое она может уделить развитию и воспитанию ребенка. Способы организации заботы о детях приобретают разную степень легитимности. Так, идеология «раннего развития» [2], транслируемая российскими СМИ, предписывает родителям оснащение жилого пространства ребенка развивающими играми, посещение развивающих групп и центров, где с самого раннего возраста дети занимаются под руководством педагогов музыкой, лепкой, рисованием. Такая деятельность по развитию ребенка предполагает наличие экономических ресурсов семьи для их оплаты, временных ресурсов матери, а также ее социальной и культурной компетентности для того, чтобы выбрать наиболее подходящий товар или провайдера услуг раннего развития.

Классовые аспекты материнства также представлены как неравенства в доступе к знанию о родительстве. Матери из среднего класса, имеющие высшее образование и часто занятые в профессиях, связанных с экспертным знанием о детстве: педагогике, медицине, психологии и т. п., оказываются в позиции экспертов и наблюдателей по отношению к матерям из рабочего класса. Матери из рабочего класса представляют собой группу, которая постоянно находится под наблюдением со стороны тех, «кто знает» [25, р. 29]. В России матери из среднего класса формируют основной состав участников родительских форумов, где они обмениваются информацией, экспертируют товары, рекомендуют друг другу популярные книги и статьи для родителей, тем самым участвуя в создании нормативной модели компетентного материнства.

Как уже отмечалось ранее, разные практики материнства имеют разную степень легитимности, им приписывается разная моральная ценность [29, р. 46]. Утверждается, что в данном случае класс существует не как реальная группа, а производится дискурсивно, через приписывание ценности материальным условиям существования его представителей. В частности, практики материнства выступают такой дискурсивной областью классового производст-

ва [31, p. 13]. Процессы символического производства класса осуществляются в политическом дискурсе, в СМИ, системах экспертного знания, которые формируют представления о нормальности. В результате определенные стили жизни, практики и отношения маркируются как нормальные, морально приемлемые, а другие — как патологичные, ненормальные, опасные. Западные исследователи показывают, что практики среднего класса конструируются как культурная норма [29, p. 46]. Например, в отношении матерей из рабочего класса часто высказываются суждения, определяющие их как невнимательных, жестких, авторитарных, неграмотных [21]. Их обвиняют в том, что они воспитывают детей, склонных к преступным действиям, имеющих проблемы, касающиеся физического или умственного здоровья [25, p. 39].

Российский глянец для родителей, а также русскоязычные книги популярных советов для отцов и матерей предлагают образец компетентного, сензитивного материнства, реализующегося при наличии определенного уровня экономических ресурсов, позволяющих обращаться к платным медицинским и образовательным услугам, приобретать одежду модных и престижных брендов, развивающие современные игрушки в качестве универсальной модели. «Нормальные» матери осуществляют менеджмент собственных эмоций, отказываются от наказаний и авторитарности в пользу сензитивности, развивающего и поддерживающего стиля родительства. Другие типы материнства появляются в проблемно ориентированных СМИ и представлены такими категориями, как «неблагополучные семьи», «семьи, находящиеся в трудной жизненной ситуации». Такое материнство выступает предметом озабоченности органов опеки, социальных работников, педагогов или даже милиции. Таким образом, средний класс и его практики родительства задают культурные образцы нормы. Матери из среднего класса выступают основными потребителями экспертного знания о родительстве и позиционируются в качестве нормативных образцов материнства, транслируемых популярными СМИ.

Заключение

Итак, в статье очерчены основные направления критического анализа изучения родительства и материнства, актуальные для западного академического дискурса и связанные с теориями рефлексивной модернизации, биовласти и управления, а также новой классовой теорией. Все они подчеркивают, что родительство в западном обществе становится сферой индивидуального выбора, приобретает свойства рефлексивности. В связи с этим особую роль начинает играть экспертное знание, помогающее осуществлять компетентные выборы. При этом возможности выбора являются классово обусловленными и представляют форму социального неравенства в современном обществе. Применительно к российскому контексту вопрос о применимости данных теорий остается открытым [30]. Российские и западные исследователи по-разному оценивают направления социальных изменений: одни обнаруживают тенденции рефлексивности, другие считают, что наряду с ними есть консервативные тенденции в сфере семьи и родительства, связанные с отказом от необходимости совершения выбора, попытками возрождения традиции и желанием

придерживаться традиционных образцов мужественности и женственности [12, 15]. Тем не менее анализ популярной литературы, а также гляцевых журналов для родителей показывает, что модель материнства среднего класса, связанная с высоким уровнем сензитивности, компетентности, ответственности и потребительским выбором, является доминирующей в массовой культуре. При этом мать позиционируется в качестве главного родителя, осуществляющего основной объем работы, связанной с заботой о ребенке. Более подробный анализ этих репрезентаций родительства показывает, что данная модель также не является когерентной. В рамках ее можно найти конкурирующие между собой образы материнства и родительства, структурированные вокруг таких смысловых осей, как естественность — медикализация, интересы ребенка — интересы матери, спонтанность — рациональность. Таким образом, нормативные модели родительства в массовой культуре в России нуждаются в дальнейшем детальном изучении.

Библиографический список

1. *Аръес Ф.* Ребенок и семейная жизнь при старом порядке. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. 416 с.
2. *Ассонова Е.* Новые ценности в детско-родительских отношениях // *Pro & Contra*. 2010. Т. 14, № 1/2. С. 78—93.
3. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.
4. *Бурдые П.* Формы капитала. Западная экономическая социология : хрестоматия современной классики. М. : РОСПЭН, 2004. 656 с.
5. *Гурко Т. А.* Семья и родительство на фоне постиндустриальных обществ // *Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие : материалы IV Всероссийского социологического конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ*. М. : РОС, 2012. URL: <http://www.isras.ru/files/File/congress2012/part21.pdf> (дата обращения: 17.11.2013).
6. *Исупова О. Г., Кон И. С.* Материнство и отцовство : социологический очерк // *Гендер для «чайников» — 2 / под ред. И. Тартаковской*. М. : Звенья, 2009. С. 113—135.
7. *Майофис М., Кукулин И.* Возникновение гражданского родительского сознания // *Pro & Contra*. 2010. Т. 14, № 1/2. С. 61—77.
8. *Мид М.* Культура и мир детства. М. : Наука, 1988. 429 с.
9. *Нартова Н.* Маленькие мамы: стратегии субъективации материнства // *Здоровье и интимная жизнь : социологические подходы / под ред. Е. Здравомысловой, А. Тёмкиной*. СПб. : Изд-во ЕУСПб, 2012. С. 300—319.
10. *Чернова Ж.* Семейная политика в Европе и России: гендерный анализ. СПб. : Норма, 2008. 328 с.
11. *Чернова Ж., Шпаковская Л.* Политэкономика современного родительства: сетевое сообщество и социальный капитал // *Экономическая социология*. 2011. Т. 12, № 3. С. 85—105.
12. *Чернова Ж. В., Шпаковская Л. Л.* Дискурсивные модели современного российского родительства // *Женщина в российском обществе*. 2013. № 2. С. 14—26.
13. *Чернова Ж. В., Шпаковская Л. Л.* Молодые взрослые: супружество, партнерство и родительство : дискурсивные предписания и практики в современной России // *Laboratorium : журн. соц. исслед.* 2010. № 3. С. 19—43.

14. *Шпаковская Л.* «Гражданский брак» как проект: свобода и отношения // Практики идентичности. Гендерное устройство. СПб. : Изд-во ЕУСПб, 2010. С. 27—69.
15. *Ashwin S.* Introduction // *Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia* / ed. by S. Ashwin. London : Routledge, 2000. P. 1—29.
16. *Beck U., Beck-Gernsheim E.* Individualization : Institutionalized Individualism and its Social and Political Consequences. London : Sage, 2002. 286 p.
17. *Björnberg U.* Cohabitation and marriage in Sweden — does family form matter? // *International J. of Law, Policy and the Family*. 2001. № 15. P. 350—362.
18. *Connell R.* Gender. Cambridge : Polity Press, 2002. 280 p.
19. *Foucault M.* The birth of biopolitics // *The Essential Foucault : Selections from Essential Works of Foucault, 1954—1984* / ed by P. Rabinow, N. Rose. London : The New Press, 2003. P. 202—207.
20. *Giddens A.* Modernity and Self Identity : Self and Society in the Late Modern Age. Oxford : Polity Press, 1991. 264 p.
21. *Gillies V.* Is poor parenting a class issue? Contextualising antisocial behaviour and family life // *Is Parenting a Class Issue?* / ed. by M. Klett-Davies. London : Family and Parenting Institute, 2010. P. 44—61.
22. *James N.* Emotional labour: skill and work in the social regulation of feelings // *The Sociological Rev.* 1989. № 37 (1). P. 15—42.
23. *Kremer M.* The politics of ideals of care : Danish and Flemish child care policy compared // *Social Politics : International Studies in Gender, State and Society*. 2006. Vol. 13, № 2. P. 261—285.
24. *Lamont M., Lareau A.* Cultural capital: allusions, gaps and glissandos in recent theoretical developments // *Sociological Theory*. 1988. № 6. P. 153—168.
25. *Lawler St.* Mothering the Self: Mothers, Daughters, Subjects. London : Routledge, 2000. 229 p.
26. *Mckee K.* Post-Foucauldian governmentality: what does it offer critical social policy analysis? // *Critical Social Policy*. 2009. Vol. 29 (3). P. 465—486.
27. *Oakley A.* Social Support and Motherhood : the Natural History of a Research Project. London: Blackwell, 1993. 342 p.
28. *Reay D.* Class Work : Mothers' Involvement in Children's Schooling. London : University College Press, 1998. 258 p.
29. *Skeggs B.* The re-branding of class: proprietising culture // *Rethinking Class : Culture, Identities and Lifestyle* / ed by F. Devine, M. Savage, J. Scott, R. Crompton. London : Palgrave Macmillan, 2005. P. 46—68.
30. *Walker Ch.* Learning to Labour in Post-Soviet Russia. Vocational Youth in Transition. London ; New York : Routledge, 2011. 206 p.
31. *Walkerdine V., Lucey H., Melody J.* Growing up Girl : Psycho-Social Explanations of Gender and Class. London : Palgrave, 2001. 358 p.

ББК 60.561.7

А. А. Варызгина

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ОБРАЩЕНИЯ МАЛООБЕСПЕЧЕННЫХ СЕМЕЙ В СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫЕ НЕКОММЕРЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Для малообеспеченных семей обращение в некоммерческие организации (НКО) за помощью и поддержкой является одной из попыток преодоления трудной жизненной ситуации, в которой они находятся [3]. Благополучие семьи, как правило, ухудшается в связи с появлением детей и уходом с работы в отпуск по уходу за ребенком матери, что зачастую приводит к тому, что молодая семья оказывается в трудной жизненной ситуации [8, с. 9]. Родители прилагают усилия по ее преодолению, более подробно рассмотренные в монографии «Проблемы и перспективы использования партисипаторного подхода для повышения качества жизни населения» [2]. Обращение за помощью в НКО — одна из стратегий преодоления трудной жизненной ситуации.

Понятия «некоммерческая общественная организация», «общественная организация» и «общественное объединение» в литературе часто используются как синонимы [12]. Тем не менее общественной организацией, согласно законодательству, является основанное на членстве общественное объединение, созданное на базе совместной деятельности для защиты общих интересов и достижения уставных целей объединившихся граждан. В соответствии с Федеральным законом от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (действующая редакция от 21 февраля 2014 г.), некоммерческой является организация, не имеющая извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и не распределяющая полученную прибыль между участниками [11]. Согласно Федеральному закону от 5 апреля 2010 г. № 40-ФЗ, некоммерческие организации, осуществляющие деятельность, направленную на решение социальных проблем, развитие гражданского общества в Российской Федерации, признаются социально ориентированными НКО [10]. Они могут осуществлять различные виды деятельности с целью выражения потребностей отдельных групп населения, в числе которых [7]:

- социальная поддержка и защита граждан;
- оказание помощи беженцам и вынужденным переселенцам;
- оказание юридической помощи на безвозмездной или на льготной основе гражданам и некоммерческим организациям и правовое просвещение населения, деятельность по защите прав и свобод человека и гражданина;
- профилактика социально опасных форм поведения граждан;

— благотворительная деятельность, а также деятельность в области содействия благотворительности и добровольчества;

— деятельность в области образования, просвещения, науки, культуры, искусства, здравоохранения, профилактики и охраны здоровья граждан, пропаганды здорового образа жизни, улучшения морально-психологического состояния граждан, физической культуры и спорта; содействие указанной деятельности, а также содействие духовному развитию личности.

Для успешного осуществления перечисленных видов деятельности НКО должны активно взаимодействовать с государственными органами власти, бизнесом, населением. Как отмечают исследователи, существующие НКО постепенно вырабатывают подобные механизмы взаимодействия, а также налаживают между собой региональное и межрегиональное сотрудничество [7], но пока усилия третьего сектора скорее точечны и разрозненны [12]. В Нижегородской области сектор общественных организаций, предоставляющих социальные услуги и сервисы для социально уязвимых групп населения, развит несколько лучше, чем в среднем по России [12]. Однако, несмотря на значительное число НКО, претендующих на региональный характер своей деятельности, их основная масса (64,5 %) сосредоточена в Нижнем Новгороде, а почти в половине районов области нет ни одной зарегистрированной организации [1, с. 250].

И государственные социальные службы, и НКО сталкиваются в процессе своей работы с одними и теми же проблемами населения, оказывают населению схожие услуги (материальная поддержка, консультации по различным вопросам, организация мероприятий и др.). Как уже было сказано выше, активное взаимодействие государственного и некоммерческого секторов необходимо, но пока осуществляется лишь в незначительной степени. Эксперты, принявшие участие в исследовании¹, отмечают, что сотрудничество государственных и некоммерческих организаций эпизодично, нерегулярно и основывается в большинстве случаев на личных связях работников. Обе стороны выражают уверенность, что развитие подобного сотрудничества важно, т. к. будет способствовать повышению эффективности оказываемой помощи. В числе обстоятельств, замедляющих развитие сотрудничества, эксперты упоминают неразвитость механизмов, его регламентирующих и способных заменить собой личные связи как основу доверия между организациями. Невысокая вовлеченность некоммерческого сектора в процесс оказания социальных услуг населению, особенно в малых городах, приводит к тому, что семьи, находящиеся в трудной жизненной ситуации, редко обращаются за помощью в НКО, хотя такие примеры, безусловно, существуют.

Семьи, которые имеют постоянный опыт обращения за помощью в НКО, оценивают ее достаточно высоко. Отношения представителей организаций

---

¹ Исследование «Партисипаторный подход к снижению бедности: механизм общественного участия» проведено летом 2010 г. объединенным международным коллективом в составе профессора Р. Кей (университет Глазго, Великобритания), доцента А.-М. Сетре (университет Упсала, Швеция), сотрудников кафедры экономической социологии факультета социальных наук ННГУ под руководством профессора Н. Н. Ивашиненко и Научно-исследовательского центра ЭОН под руководством Д. Г. Стрелкова [6].

и получателей помощи часто неформальные, даже дружеские. Персонифицированные взаимоотношения играют важную роль в установлении взаимоотношений двух сторон, являются в значительной степени основанием доверия. Семьи получают от НКО разнообразную поддержку: денежную помощь, детские вещи, консультации специалистов (к примеру, юридические). НКО проводят различные акции (скажем, «Мамы против кризиса»), праздничные мероприятия для детей, привлекают спонсоров для решения проблем обращающихся к ним за помощью семей. Один из примеров — установка счетчиков на воду несколькими семьям.

***Многодетная мама.** Недавно поставили счетчики на воду. Это была акция доброй воли несколькими семьям сразу... С точки зрения общественных организаций — праздничные мероприятия, проведение каких-то акций. Такие, например, как «Мамы против кризиса», производители детской одежды устраивали. Они нам помогли.*

***Интервьюер.** А негосударственные организации какие и что они дают?*

***Многодетная мама.** Ну, только Настя. Памперсами, едой в два месяца и до этого — она нам много чем помогла. На кроватку и т. д. Психологически.*

Задействование семей с детьми, в том числе многодетных, в деятельности НКО можно рассматривать как проявление активного участия, взаимной поддержки. Организованная деятельность, направленная на помощь семьям в трудной жизненной ситуации, имеет ряд преимуществ по сравнению с неорганизованной, стихийной поддержкой. Одно из них — организация (особенно официально зарегистрированная) имеет возможность взаимодействовать с властными структурами для решения стоящих перед ней задач (такая возможность важна даже при условии, что имеющийся у НКО опыт взаимодействия с властями не всегда положительный). Кроме того, многоплановая помощь нуждающимся в ней семьям гораздо эффективнее в условиях организации (кружки, секции для детей, организованная раздача детских вещей, организация общения семей, психологическая поддержка).

***Многодетная мама, член НКО.** Организация может больше сделать. Если это один человек — это одно. А если это группа людей, особенно если это официально как-то зарегистрировано, она может иметь выход на власти.*

***Многодетная мама, руководитель НКО.** К нам обращается очень много людей (многодетных семей), и получается так, что вопрос каждой семьи нужно решать конкретно <...> Может быть, многодетным нужны не столько меры социальной поддержки, сколько им нужно вот это общение по интересам... Здесь моральный аспект очень важен.*

Эффективность своей деятельности, направленной на помощь нуждающимся семьям, НКО оценивают не только в количественных показателях (сколько денег выделили, сколько акций провели и т. д.), но и (что наиболее ценно, с их точки зрения) в плане повышения собственной активности обратившихся к ним семей. Руководители НКО очень высоко ценят примеры, когда получившие их поддержку семьи, многодетные мамы начинают проявлять собственную инициативу в поиске путей выхода из сложившейся сложной ситуации, а также начинают помогать другим семьям. НКО стараются вовлекать

обращающихся к ним мам в подобную деятельность, создавая для этого условия (организация выставок и пр.).

Руководитель НКО. Мне приятно очень, когда у них получается у самих что-то делать, потому что благодарность — это не дело. Первый вопрос — они понимают, что они могут решить свои проблемы сами, вот это и есть самое главное... У нас в начале октября будет акция под названием «Мамы против кризиса». Она стартовала перед Восьмым марта, и там смысл такой: мамы выставляют свои изделия на продажу. Причем изделия абсолютно разные: начиная от услуг репетиторов, заканчивая мыловарением, каким-то товаром. Шьют, вяжут, какие-то поделки делают и т. д. и т. п. Эта акция как раз была направлена на то, чтобы показать людям, что даже сидя дома с ребенком в декрете, даже если несколько детей — все это реально, если вы хотите. Иногда это, скажем так, глобальный такой проект, который продолжается и, я надеюсь, будет дальше продолжаться. Посетители этой выставки видят, что можно сделать.

Спектр проблем, с которыми семьи с детьми, в том числе многодетные, обращаются в некоммерческие организации, достаточно широк. Если в службы социальной защиты семьи преимущественно обращаются за денежной помощью в виде выплат и льгот, то в случае с НКО это не главный повод обращения. По оценкам руководителей НКО, помимо финансовых и жилищных проблем, к ним часто обращаются за помощью в развитии и обучении детей, организации их досуга (секции, кружки, дополнительное образование). Очень много просьб поступает в отношении помощи в процессе взаимодействия с органами власти («бумажные вопросы»).

Несмотря на существование положительных примеров, обращение в НКО не является широко распространенным явлением среди семей, находящихся в трудной жизненной ситуации. Одна из причин — малая известность деятельности НКО среди населения. В большинстве своем семьи, находящиеся в трудной жизненной ситуации, не располагают информацией о существовании и деятельности общественных организаций. Это положение подтверждается и данными недавнего всероссийского исследования, проведенного Левада-Центром² [9]: большая часть населения никогда не сталкивалась с их деятельностью напрямую, в работу таких организаций вовлечено всего около 4—5 % населения.

Сегодня семьи, нуждающиеся в помощи НКО, имеют мало шансов узнать о подобных организациях и оказываемых ими услугах. Уже осуществляемая деятельность НКО широко не освещается, что делает подобные организации относительно мало известными в обществе. На сегодняшний день адекватные представления о деятельности некоммерческого сектора имеют

---

² Опрос был проведен Левада-Центром 20—23 июля 2012 г. по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения среди 1601 человека в возрасте 18 лет и старше в 130 населенных пунктах 45 регионов страны. Распределение ответов приводится в процентах от общего числа опрошенных вместе с данными предыдущих опросов. Статистическая погрешность данных этих исследований не превышает 3,4 %. Большинство россиян имеют весьма туманные представления о НКО (URL: <http://www.levada.ru/01-08-2012/otnoshenie-k-nko-i-zakonodatelnym-initsiativam-v-etoi-oblasti> (дата обращения: 12.12.2013)).

преимущественно сами НКО и непосредственно узкий сектор взаимодействующих с ними специалистов. Потенциальные клиенты сегодня узнают об НКО в основном по каналам межличностной коммуникации. Однако такой способ достаточно ограничен, не способствует существенному повышению известности НКО. Мало налажено организационное взаимодействие НКО и государственных структур (службы социальной защиты, медицинские учреждения: поликлиники, женские консультации, роддомы), которые ежедневно имеют дело с потенциальными клиентами НКО. Некоторые работники государственных учреждений предоставляют своим клиентам информацию об НКО по личной инициативе.

В данной ситуации одним из эффективных каналов информирования семей наряду с другими государственными учреждениями может стать служба социальной защиты, т. к. большинство потенциальных клиентов НКО, так или иначе, обращаются за помощью в соцзащиту. Предоставление информации об НКО и их деятельности в службы социальной защиты будет способствовать налаживанию взаимодействия организаций. Кроме того, службы социальной защиты могли бы выступать в качестве пользующегося доверием источника информации для семей в трудной жизненной ситуации. Увеличение числа положительных примеров взаимодействия с НКО ближайшего окружения семей будет способствовать популяризации деятельности НКО и привлечению новых клиентов, поскольку каналы межличностной коммуникации на сегодняшний день являются основным, наиболее эффективным, вызывающим доверие источником информации. Семьи с детьми, обратившиеся за помощью в службу социальной защиты, в основном не имеют опыта взаимодействия с НКО. Многие из них даже не знают о существовании подобных организаций. Семьи часто сомневаются в том, что НКО способны оказать существенную поддержку, и поэтому не хотят за ней обращаться.

Интервьюер. *А обращались ли Вы по поводу своих проблем в общественные организации за помощью?*

Молодая мама. *Нет. Я думаю, это бесполезно. У нас то ли мир такой, то ли жизнь такая. Каждый варится в своем котле, как хочет, так и выживает. Вот по такому принципу. Наверное, так оно и есть.*

Многодетный отец. *А смысл какой? Ну? Смысл? Это не за граница! Это Россия. Никто в этой жизни тебе тут не поможет. Никто, абсолютно. Это еще дед говорил. Он войну прошел, все делал сам. Родители тоже, все сами, своими руками. Никто тебе не поможет, никто абсолютно.*

С другой стороны, семьи, не обращавшиеся в НКО, но доброжелательно настроенные по отношению к ним, также сомневаются в том, что НКО смогут существенно облегчить тяжелое финансовое состояние обратившейся к ним семьи, хотя ценят энтузиазм и желание помочь работающим в них людям. Настороженное отношение к НКО некоторых семей обусловлено имеющимся негативным опытом обращения в подобные организации за помощью.

Многодетная мама. *Я пыталась обращаться в нашу ассоциацию многодетных матерей. Но у меня ничего не получилось <...> Во-первых, я сначала никак не могла дозвониться: у них постоянно менялись председатели, потом сказали, что это акция в какие-то годы, ну, например, для лечения зубов, крайне необходимая мера для нас, проводилась только для определенного круга*

семей. Я считаю, что все это организационно не очень хорошо было построено <...> Я не имела положительного опыта работы с ними.

Часть семей уверена, что деятельность далеко не всех благотворительных организаций отвечает идее их создания. В основном это связано с неверием нуждающихся семей в то, что есть «богатые люди, легко расстающиеся с большими деньгами ради благого дела, что они создают данные организации не для того, чтобы отмыть деньги, не для того, чтобы что-то провести через эти организации, а чтобы помочь нижестоящим». Сама идея существования таких организаций, в которых люди объединяются для помощи друг другу, приветствуется, хотя при этом и не выражается желания принимать непосредственное участие в их деятельности.

Молодая мама. Я не участвую, но я думаю, что это очень замечательные люди, которые этим занимаются.

Многие клиенты службы социальной защиты не видят себя в числе клиентов НКО. Неправительственные, негосударственные, некоммерческие фонды, организации воспринимаются этими семьями как организации для тех, «кому совсем плохо» (старики, беспомощные, одинокие, беспризорные дети). Клиенты социальной защиты не выражают желания обращаться в НКО за помощью в силу того, что не причисляют себя к подобным категориям граждан, находящимся в безвыходной ситуации и настолько нуждающимся в помощи со стороны.

Мужчина, клиент службы социальной защиты. Что угодно они могут сделать, все зависит от этих организаций, от их желания, что они хотят. В первую очередь, я думаю, уход за стариками, беспомощными, одинокими, второе — это беспризорные дети, с которыми проблема стоит достаточно остро в нашей стране, наверное, в первую очередь им надо уделять внимание.

Обращение в государственные службы социальной защиты не имеет такой эмоциональной окраски, т. к. большинство обращающихся туда за помощью семей считают, что таким образом реализуют свое право воспользоваться поддержкой государства.

Сегодня взаимодействие НКО и государственных органов власти, бизнеса, населения, а также других НКО, которое необходимо для осуществления ожидаемых от них социальных функций, пока недостаточно развито. Взаимодействие государственного (служба занятости населения) и негосударственного (НКО) секторов оказания помощи населению на данный момент также очень мало развито, хотя есть и положительные примеры. Существующее взаимодействие основывается чаще на личных, а не институциональных связях. Службы социальной защиты в целом мало информированы о деятельности НКО и редко могут предоставить соответствующую информацию обращающимся к ним семьям — потенциальным клиентам НКО. В итоге большинство клиентов служб социальной защиты имеют мало возможности узнать о существовании и деятельности НКО от службы занятости населения и, следовательно, практически не обращаются в НКО за помощью.

Как показывает опыт малых городов Нижегородской области, семьи настороженно относятся к НКО, доверительные отношения формируются в течение долгого времени и в основном строятся на личном доверии к руководителю

организации [2]. В современной России большинство бедных семей обращаются за помощью преимущественно в государственные структуры, а не в НКО [14, с. 124], их отношение к НКО в высшей степени противоречиво, что создает значительные трудности для его коррекции. Службы социальной защиты в силу статуса государственной организации, несмотря на низкий уровень выдаваемых ими пособий, считаются более надежными и действенными помощниками.

Поскольку взаимодействие некоммерческого сектора и государственных структур недостаточно развито на сегодняшний день, четко прослеживается потребность в нем, имеются положительные примеры [4, с. 100]. Как правило, о проектах НКО знают только сами участники и непосредственно партнеры, которые в них вовлечены [13]. Информационные сборники и газеты и журналы, отражающие деятельность НКО, выпускаются небольшими тиражами и мало доступны для широкого круга заинтересованных лиц. СМИ проявляют недостаточно внимания к деятельности НКО. Возможности же НКО афишировать свою деятельность в средствах массовой информации ограничены в силу отсутствия или недостаточности финансовых ресурсов. Между тем эффективность работы НКО в сфере социальных услуг может быть даже выше, чем у аналогичных государственных структур, благодаря большей мотивации сотрудников НКО, что отмечают участники проведенного исследования. Использование добровольного труда, привлечение спонсорской помощи и грантов, возможно, обусловили бы в среднем меньшее бюджетное финансирование, чем государственные и муниципальные учреждения, оказывающие те же услуги, что делает НКО экономически выгодными партнерами для государства.

Информирование граждан о деятельности НКО является также важным фактором повышения доверия россиян к структурам третьего сектора [5, с. 50]. Популяризация НКО приведет не только к расширению их деятельности, охвату большего количества людей, но и (что существенно) к повышению значимости их деятельности, как в глазах службы соцзащиты, государственных органов, так и потенциальных клиентов. НКО имеют большой потенциал для вовлечения бедных и переживших бедность в процессы ее снижения [6], т. к. способствуют кооперации обращающихся к ним за помощью и поддержкой бедных семей, объединению их усилий в направлении оказания посильной помощи другим нуждающимся семьям.

Библиографический список

1. *Блонин В. А., Иващенко Н. Н., Стрелков Д. Г.* Проблемы и перспективы развития гражданского общества в Нижегородской области: интеграция НКО // *Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского*. 2008. № 2. С. 250—258.
2. *Варызгина А. А.* Методы выхода семей из трудной ситуации и готовность делиться опытом // *Проблемы и перспективы использования партисипаторного подхода для повышения качества жизни населения / под общ. ред. Н. М. Римашевской, Н. Н. Иващенко*. Н. Новгород ; М. : Изд-во Нижегород. гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского, 2013. С. 197—205.
3. *Варызгина А. А.* Стратегии преодоления бедности семьями с детьми: взаимодействие со службами социальной защиты населения // *Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского*. Сер.: Социальные науки. 2012. № 2 (26). С. 15—21.

4. Вклад негосударственных некоммерческих организаций в решение социальных проблем в России. Развитие социальных услуг : сб. ст. и материалов / под ред. О. Б. Казакова. М., 2003. URL: http://www.hse.ru/data/2010/04/19/1216827401/ngos_contribute.pdf (дата обращения 10.11.2013).
5. Динамика развития и текущее состояние сектора НКО в России : аналитический обзор № 3 по результатам анализа государственной статистики и баз данных НКО / АНО «Социологическая мастерская Задорина» (исследовательская группа ЦИРКОН). 2009. URL: <http://www.zircon.ru/upload/File/russian/publication/4/090206.pdf> (дата обращения: 10.10.2013).
6. *Иващенко Н. Н.* Диагностика потенциала внедрения механизма общественного участия для преодоления бедности: модели и реальность // Вестн. Нижегор. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2011. № 1 (21). С. 23—32.
7. *Итигилова Л. М.* Некоммерческие организации: социальные функции и динамика развития в условиях трансформации российского общества : на примере Республики Бурятия : дис. ... канд. соц. наук. Улан-Удэ, 2003. 158 с.
8. *Овчарова Л. Н., Римашиевская Н. М.* Предложения к стратегии содействия сокращению бедности в России: анализ и рекомендации. М., 2001. URL: http://www.ilo.org/public/russian/region/eurpro/moscow/info/publ/rep_ru_edit.pdf (дата обращения: 10.12.2013).
9. Отношение к НКО и законодательным инициативам в этой области. URL: <http://www.levada.ru/01-08-2012/otnoshenie-k-nko-i-zakonodatelnym-initsiativam-v-etoj-oblasti> (дата обращения: 20.12.2013).
10. Российская газета. 2010. № 72. 7 апр.
11. Собрание законодательства РФ. 1996. № 3.
12. *Теодорович М. Л.* Бедность как социальная проблема: стратегический подход. Н. Новгород : Изд-во Нижегор. гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского, 2009. 452 с.
13. *Тимченко Е.* Три буквы «НКО» наконец расшифрованы // Aloud : особенный женский журнал. № 10 (12—18.11.07). URL: <http://aloud.su/read.php?n=13&idn=146> (дата обращения: 10.10.2012).
14. *Iarskaia-Smirnova E., Romanov P.* «A salary is not important here» : the professionalization of social work in contemporary Russia // Social Policy and Administration. 2002. Vol. 36, № 2. P. 123—141.

АННОТАЦИИ

***Марасанова В. М., Албегова И. Ф., Мельникова И. Г.* Семейная жизнь губернского чиновничества в первой четверти XIX в.: общее и особенное**

Исследуется социальная повседневность семей чиновников губерний Верхнего Поволжья в начале XIX в. Представлен анализ социального происхождения чиновников и их жен. Раскрыты способы знакомства будущих супругов. Выявлены факторы, влиявшие на принятие решения о создании семьи как мужчиной, так и женщиной. Проанализирован возраст вступления в брак. Исследован состав семей провинциального чиновничества. Описаны роль и место женщин в семьях губернского чиновничества, их семейные практики.

Ключевые слова: чиновничество, семья, губернии Верхнего Поволжья, женщины, брачно-семейные отношения.

***Балдин К. Е.* Роль женщин в формировании гражданского общества в российской провинции в начале XX в. (На примере г. Иваново-Вознесенска)**

Рассматривается деятельность женщин в неполитических общественных организациях в начале XX в. на примере г. Иваново-Вознесенска. Автор обращает внимание на работу представительниц местной интеллигенции и жен текстильных фабрикантов в благотворительном обществе, Всероссийской лиге для борьбы с туберкулезом, в обществе трезвости. Делается вывод о том, что женщины наиболее активно участвовали в организациях вспомогательных, здравоохранительных и тех, которые занимались нравственным воспитанием.

Ключевые слова: общественные организации, общественная деятельность женщин, гражданское общество, благотворительность, общества трезвости.

***Мицюк Н. А.* Типы российских дворянок начала XX в. по отношению к собственной фертильности и материнству**

Автор, опираясь на многочисленные его-документы, с использованием биографического метода, а также методов психоанализа выделяет четыре основных типа дворянок, сложившихся в гендерной системе российского общества начала XX в. Отрицание материнства и семейных ценностей было представлено «новыми женщинами» (феминистки, нигилистки), для которых материнство являлось формой ограничения их личной свободы. «Эротоманки» противопоставляли женскую сексуальность материнской сексуальности. Культивирование в обществе святости материнского долга возвратило часть дворянок в лоно семьи посредством рождения «сознательного материнства». Потребность женщин в освоении новых форм гендерной идентичности привело к появлению «универсальных матерей». Они защищали свободное материнство, право на ограничение женской фертильности во имя активной публичной деятельности. На помощь им должны были прийти государственные формы поддержки материнства.

Ключевые слова: материнство, дворянки, фертильность, сексуальность.

Семёнов М. Ю., Меньшикова Е. Н. Женщина нового типа в культурно-развлекательной жизни русского провинциального города конца XIX — начала XX в. (На примере театральной жизни)

Статья посвящена исследованию проблемы трансформации гендерной идентичности женщины в условиях модернизационных процессов, затронувших русскую провинцию в конце XIX — начале XX в. При помощи предложенного нами ранее концепта «женщина нового типа» на примере театральной жизни г. Курска мы прослеживаем процесс зарождения качеств женщин русской провинции, которые позволяют идентифицировать их как женщин нового типа (в основе анализа — материалы периодической печати).

Ключевые слова: женщина нового типа, русский провинциальный город, культурно-развлекательная жизнь.

Радина Н. К. «Культурный конформизм» автобиографического текста (На материале мужских и женских автобиографий)

Рассматриваются возможности количественных методов (методов корпусной лингвистики) в изучении автобиографических текстов. Благодаря ключевым словам текстов автобиографий, на основе интерпретативного метода «семиотический квадрат» А.-Ж. Греймаса описываются характеристики жизненных сценариев мужчин и женщин. Представляемый экспресс-анализ позволяет выявить особенности конструирования автобиографий мужчинами и женщинами и демонстрирует зависимость индивидуальных историй от культурных сценариев.

Ключевые слова: автобиография, методы корпусной лингвистики, семиотический анализ, семиотический квадрат А.-Ж. Греймаса, женская/мужская культура.

Жидкова Н. Г. Московский международный кинофестиваль на страницах журнала «Советский экран» (1959—1969 гг.): гендерный анализ

Рассматривается, как изменяются правила репрезентации Московского международного кинофестиваля в 60-е гг. на страницах журнала «Советский экран». Автор анализирует взаимосвязь между отношением к мероприятию официальных властей и визуальным и вербальным канонами репрезентации мужественности и женственности на страницах одного из самых массовых журналов о кино на советском пространстве.

Ключевые слова: культурная политика, репрезентация гендера, кинофестиваль, хрущевская оттепель.

Чилипенко Ю. Ю. Гендерные аспекты неформальных трудовых отношений в современных российских организациях

Изучается проблема неформальных трудовых отношений в современных российских организациях в ее гендерном аспекте. На основе проведенного исследования анализируются факторы, оказывающие влияние на возникновение и распространение таких отношений. Делается вывод о том, что женщины осторожнее в вопросах вступления в неформальные взаимодействия, чем мужчины, но более ответственно относятся к неформальным обязательствам. Основными мотивами такого поведения для них является ощущение недостаточной защищенности сводом формальных законов и правил, а также нередко свойственные женской природе мягкость и доверчивость.

Ключевые слова: труд, социально-трудовое взаимодействие, формальные и неформальные отношения, гендерная дискриминация.

Сохань И. В. Производство женской телесности в современном массовом обществе: культ худобы и тирания стройности

Анализируется нормативность худого тела для производства женской телесности в массовом обществе. Тирания стройности выражает позитивные смыслы худого тела и негативные смыслы тучного тела. Рассматривается связь нормы телесности и гастрономических практик. Худое тело выражает способность к внутреннему питанию и независимость от эмпирической реальности. Оно является идеальным объектом визуального потребления.

Ключевые слова: тирания стройности, телесность, гастрономические практики.

Шпаковская Л. Л. Дискурсивное производство социального неравенства материнства

В статье ставится цель очертить теоретические направления анализа материнства на основе концепций рефлексивной модернизации, дискурса, биовласти, управления и класса, а также предложить аспекты их использования для изучения материнства в России. Обсуждаются вопросы о том, как материнство производится дискурсивно, что составляет основу современного западного и российского нормативного конструкта материнства, транслируемого СМИ. Представлены социологические подходы к анализу классовых сторон материнства, связанные с идеей о том, что знание и способности его потребления и использования неравным образом распределены в социальном пространстве, а также с тем, что символические репрезентации практик (в том числе материнства) разных классов имеют разные моральные оценки. Обсуждаются возможности использования представленных аналитических подходов для исследования материнства в России.

Ключевые слова: материнство, биовласть, класс, социальные неравенства.

Варызгина А. А. Эффективность обращения малообеспеченных семей в социально ориентированные некоммерческие организации

Статья посвящена анализу эффективности обращения семей в некоммерческие организации за помощью как попытки преодоления трудной жизненной ситуации. Анализируется степень активности взаимодействия государственного и некоммерческого секторов по оказанию помощи населению.

Ключевые слова: малообеспеченные семьи, бедность, трудная жизненная ситуация, некоммерческие организации.

SUMMARIES

***Marasanova V. M., Albegova I. F., Melnikova I. G.* The family life of provincial officials in the early XIX c.: general and particular features**

The social everyday life of officials' families in Upper Volga region in the early XIX c. is considered. The analysis of the officials and their wives social origins is given. The ways of acquaintance of future spouses are revealed. The factors affecting the decision to create a family made both by a man and by a woman are found. The age of espousing is analyzed. The provincial officials' families' structure is considered, too. The role of women in the provincial officials' families, and their family practices are described

Key words: officials, family, Upper Volga region provinces, women, matrimonial relations.

***Baldin K. E.* Women's role in the formation of civil society in Russian province in the early XX c. (By the example of Ivanovo-Voznesensk)**

The women's activity in non-political organizations in the early XX c. is considered with regard to Ivanovo-Voznesensk. The author pays attention to the social work of women from the local intelligentsia and wives of textile manufacturers in charitable society. The conclusion is made that women were more active in subsidiary, medical and moral educational organizations.

Key words: non-governmental organizations, women's public work, civil society, charity, temperance societies.

***Mitsjuk N. A.* Russian noblewomen types in the early XX c. according to their fertility and maternity**

On the base of numerous ego-documents, using biographic and psychoanalysis methods, the author outlines four general types of noblewomen in the gender system of Russian society in the early XX c. The negation of maternity and family values was represented by «new women» (feminists, nihilists) who considered maternity as the form of their personal freedom restriction. «Erotomaniacs» opposed feminine sexuality to maternal one. The social cultivation of maternal duty brought some noblewomen back to the family by means of «deliberate maternity». Women's need for the new kinds of gender identity adoption led to the «universal mothers» appearance. They defended free maternity, right to women's fertility restriction in the name of public activities. The state maternity support was aimed to help them.

Key words: maternity, noblewomen, fertility, sexuality.

Semenov M. Y., Menshikova E. N. Woman of a new type in cultural and entertaining life of Russian provincial town of the late XIX — the early XX c. (By the example of theatre life)

The article is devoted to the research of woman's gender identity transformation in the conditions of modernization processes in Russian province in the late XIX — the early XX c. On the base of a «woman of a new type» concept by the example of Kursk theatre life the author analyzes the process of formation of women's features which allow reckoning them among the women of a new type (the analysis is based on the press materials).

Key words: woman of a new type, Russian provincial town, cultural and entertaining life.

Radina N. K. «Cultural conformism» of autobiographic text (By the example of male and female autobiographies)

The article considers quantitative methods potentials (methods of corpus linguistics) in studying of biographical texts. On the base of autobiographical texts key words and interpretative method «the semiotic square» of A. J. Greimas the author describes the features of men's and women's life scenarios. The given express-analysis allows revealing the peculiarities of autobiography construction by men and women, and shows the dependence of individual histories on cultural scenarios.

Key words: autobiography, methods of corpus linguistics, semiotic analysis, the semiotic square of A. J. Greimas, male/female culture.

Zhidkova N. G. Moscow International Film Festival in «The Soviet Screen» («Sovietski Ekran») magazine (1959—1969): gender analysis

The article considers the ways of Moscow International Film Festival representation rules change in 1960s in «The Soviet Screen» («Sovietski Ekran») magazine pages. The author analyzes the interconnection between the official authorities' attitude towards the event, and visual and verbal canons of masculinity and femininity in the pages of one of the most popular magazines devoted to the cinema in the Soviet space.

Key words: cultural politics, gender representation, film festival, «Khrushchev Thaw».

Chilipenok Y. Y. Gender aspects of informal labor relations in modern Russian organizations

The article studies the problem of informal labor relations in modern Russian organizations and its gender aspects. On the base of the research the author analyzes the facts influencing the emergence and spreading of relations of this kind. The conclusion is made that women are more precautious than men when entering informal relations, but are more responsible when dealing with informal commitments. The main reasons for such behavior are that they don't feel protected by formal laws, and also gentleness and trustfulness often peculiar to woman's nature.

Key words: labor, social-labor interaction, formal and informal relations, gender discrimination.

Sokhanj I. V. Woman corporality production in the modern mass society: cult of thinness and tyranny of slenderness

The article analyzes normativity of a thin body for woman corporality production in the modern mass society. Tyranny of slenderness expresses positive senses of a thin body and negative senses of an obese body. The author considers the connection between the standard of

corporality and gastronomic practices. A thin body expresses the ability for inner nutrition and independence from empirical reality. It is an ideal object of visual consumption.

Key words: tyranny of slenderness, corporality, gastronomical practices.

***Shpakovskaya L. L.* Discourse production of social inequality of maternity**

The aim of the article is to outline theoretical directions of maternity analysis on the base of reflexive modernization, discourse, biopower, management and class, and to offer the aspects of their use when studying maternity in Russia. The questions discussed are about how maternity is produced discursively, what the base for modern Western and Russian normative construct of maternity is, being broadcast in Mass Media. Sociological approaches towards maternity class aspects analysis connected with the idea that knowledge and the ways of its consumption and use are distributed unequally in the social space, and with the fact that symbolic practices (including maternity) representations of different classes have different moral evaluations. In the article the potential of analytical approaches usage for maternity study in Russia is discussed.

Key words: maternity, biopower, class, social inequalities.

***Varizgina A. A.* The efficiency of low-income families' appeal to socially oriented NGOs**

The article is devoted to the analysis of the efficiency of families appeal for assistance to NGOs as an attempt to tackle difficult living situations. The level of interaction between state and non-governmental sectors dealing with rendering assistance to population is analyzed.

Key words: low-income families, poverty, difficult living situation, non-governmental organizations.

АВТОРЫ НОМЕРА

АЛБЕГОВА
Ирина Фёдоровна

доктор социологических наук, профессор,
заведующая кафедрой социальных технологий,
Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова.
alba50@yandex.ru

БАЛДИН
Кирилл Евгеньевич

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории России,
Ивановский государственный университет.
kebaldin@mail.ru

ВАРЫЗГИНА
Алла Александровна

аспирантка кафедры экономической социологии,
Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского; младший научный сотрудник,
научно-исследовательская лаборатория
«Изучение качества жизни населения
как основы социального управления» (Н. Новгород).
Varyzgina@mail.ru

ЖИДКОВА
Наталья Геннадьевна

кандидат политических наук,
доцент кафедры прикладной политологии,
НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург).
zhidkova.ng@gmail.com

МАРАСАНОВА
Виктория Михайловна

доктор исторических наук, профессор,
заведующая кафедрой музеологии и краеведения,
Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова.
vmm@uniyar.ac.ru

МЕЛЬНИКОВА
Инна Геннадьевна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры регионоведения и туризма,
Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова.
megina@mail.ru

МЕНЬШИКОВА
Евгения Николаевна

кандидат исторических наук, доцент кафедры
русской истории, Белгородский государственный
национальный исследовательский университет.
menshikova@bsu.edu.ru

МИЦЮК
Наталья Александровна

кандидат исторических наук,
докторант, Институт этнологии и антропологии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН.
ochlokratia@yandex.ru

РАДИНА
Надежда Константиновна

доктор политических наук, кандидат психологических
наук, профессор кафедры прикладной лингвистики
и межкультурной коммуникации,
НИУ ВШЭ (Н. Новгород).
rasvnn@gmail.com

Авторы номера

СЕМЁНОВ

Михаил Юрьевич

кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет.

semenov@bsu.edu.ru

СОХАНЬ

Ирина Владимировна

кандидат философских наук, доцент кафедры прикладной политологии, НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург).

irina.sokhan@gmail.com

ЧИЛИПЕНОК

Юлия Юрьевна

кандидат социологических наук, доцент кафедры общего и стратегического менеджмента, НИУ ВШЭ (Н. Новгород); докторант кафедры общей социологии и социальной работы, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского.

YuChil@rambler.ru

ШПАКОВСКАЯ

Лариса Леонидовна

кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург).

lara@eu.spb.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ЖЕНСКОЙ И ГЕНДЕРНОЙ ИСТОРИИ

Марасанова В. М., Албегова И. Ф., Мельникова И. Г. Семейная жизнь губернского чиновничества в первой четверти XIX в.: общее и особенное	3
Балдин К. Е. Роль женщин в формировании гражданского общества в российской провинции в начале XX в. (На примере г. Иваново-Вознесенска)	9
Мицюк Н. А. Типы российских дворянок начала XX в. по отношению к собственной фертильности и материнству	17
Семёнов М. Ю., Меньшикова Е. Н. Женщина нового типа в культурно-развлекательной жизни русского провинциального города конца XIX — начала XX в. (На примере театральной жизни)	29

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ГЕНДЕРНОГО АНАЛИЗА

Радина Н. К. «Культурный конформизм» автобиографического текста (На материале мужских и женских автобиографий)	36
Жидкова Н. Г. Московский международный кинофестиваль на страницах журнала «Советский экран» (1959—1969 гг.): гендерный анализ	48

СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ЖЕНЩИНЫ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Чилипенюк Ю. Ю. Гендерные аспекты неформальных трудовых отношений в современных российских организациях	61
Сохань И. В. Производство женской телесности в современном массовом обществе: культ худобы и тирания стройности	68
Шпаковская Л. Л. Дискурсивное производство социального неравенства материнства	77
Варызгина А. А. Эффективность обращения малообеспеченных семей в социально ориентированные некоммерческие организации	86
<i>Аннотации</i>	94
<i>Авторы номера</i>	100

CONTENTS

PROBLEMS OF WOMEN'S AND GENDER HISTORY

Marasanova V. M., Albegova I. F., Melnikova I. G. The family life of provincial officials in the early XIX c.: general and particular features	3
Baldin K. E. Women's role in the civil society forming in Russian province in the early XIX c. (By the example of Ivanovo-Voznesensk)	9
Mitsjuk N. A. Russian noblewomen types in the early XX c. according to their fertility and maternity	17
Semenov M. Y., Menshikova E. N. Woman of a new type in cultural and entertaining life of Russian provincial town of the late XIX — the early XX c. (By the example of theatre life)	29

METHODOLOGY AND METHODS OF GENDER ANALYSIS

Radina N. K. «Cultural conformism» of autobiographic text (By the example of autobiographies of men and women)	36
Zhidkova N. G. Moscow International Film Festival in «The Soviet Screen» («Sovietski Ekran») magazine (1959—1969): gender analysis	48

WOMAN'S SOCIAL STATUS: MODERN PROBLEMS

Chilipenok Y. Y. Gender aspects of informal labour relations in modern Russian organizations	61
Sokhanj I. V. Woman corporality production in the modern mass society: cult of thinness and tyranny of slenderness	68
Shpakovskaya L. L. Discourse production of social inequality of maternity	77
Varizgina A. A. The efficiency of low-income families' appeal to socially oriented NGOs ...	86
<i>Summaries</i>	97
<i>Authors of the issue</i>	100

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Журнал «Женщина в российском обществе» издается на базе Ивановского государственного университета и Российского межвузовского центра гендерных исследований с 1996 года. За более чем десять лет, прошедших с выхода первого номера, журнал зарекомендовал себя как серьезное научное издание, посвященное разработке методологии гендерных исследований, научному осмыслению эволюции социального статуса женщин и мужчин, их роли в общественном развитии России, методическому обеспечению курсов по гендерной проблематике. География авторов научных статей представляет все крупные регионы России от Москвы до Дальнего Востока. С 2008 года наш журнал включен в список ВАК.

Основные задачи журнала:

— способствовать институционализации гендерного образования в вузах России через создание научно-методической базы для чтения курсов по специальностям различного профиля;

— интегрировать научное сообщество, занимающееся разработкой гендерной проблематики и представляющее авторитетных и молодых ученых России, докторантов, аспирантов;

— предоставить право первой публикации новому поколению молодых ученых.

Журнал «Женщина в российском обществе» выходит ежеквартально, распространяется бесплатно по предварительным заявкам ученых и библиотек.

Надеемся, что вы проявите интерес к нашему изданию и пожелаете сотрудничать с нами. Будем рады видеть вас среди авторов журнала. Мы поместим ваши научные статьи, рецензии на монографии и диссертации, переводы, обзоры конференций по следующим направлениям:

- теория и методология гендерных исследований,
- гендерная социология,
- проблемы гендерного равенства в политическом процессе,
- гендерные аспекты труда и занятости,
- гендерная лингвистика,
- женщины и мужчины в истории,
- гендерная педагогика и гендерное образование,
- гендерная психология,
- женское движение: традиции и современность.

Приглашаем вас на сайт журнала (www.womaninrussia.ru), на форуме которого можно принять участие в обсуждении направлений издания и проблематики статей.

По всем вопросам, связанным с публикацией и оформлением заявки на получение журнала, можно обращаться по электронной почте: gafizovanb@mail.ru, kodina_inna@mail.ru, riabova2001@inbox.ru

С уважением

главный редактор журнала

«Женщина в российском обществе»,

доктор исторических наук, профессор О. А. Хасбулатова

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. Материалы принимаются в электронном виде ответственным секретарем журнала.

Объем научных статей — 0,5 авт. л., т. е. 20 000 знаков с учетом пробелов (в исключительных случаях до 1 п. л.) в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14.

2. Материал для журнала должен быть оформлен в такой последовательности: **БК**; на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** объемом 10—15 строк и **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографические источники должны быть пронумерованы в алфавитном порядке, ссылки даются в тексте статьи в скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы (к каждому пункту списка должен быть отсыл в тексте). Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В каждом пункте библиографического списка, составленного в алфавитном порядке (сначала произведения на русском языке, затем на иностранном), приводится одна работа. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленного материала следует указать фамилию, имя, отчество, ученую степень, звание, должность, адрес электронной почты (для публикации в журнале), а также полный почтовый адрес автора, его телефон (для рассылки журнала и взаимодействия с редакторами).

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Материал, представляемый к публикации в журнале, будет проходить научную экспертизу и публиковаться, если редакционный совет получит положительную рецензию.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку и корректирование текстов статей.

9. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ
Российский научный журнал
№ 2 (71) — 2014

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Редактор *О. В. Боронина*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Подписано в печать 11.06.2014 г. Формат 70 x 108 $\frac{1}{16}$.
Печать плоская. Бумага писчая. Усл. печ. л. 9,28. Уч.-изд. л. 7,4. Тираж 200 экз.

Издательство «Ивановский государственный университет»
✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39 ☎ (4932) 93-43-41
E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru